

**Российская академия наук
Сибирское отделение
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ**

№ 4, 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Исупов В.А. Историческая демография в Сибири: проблемы историографии	3
Ефимкин М.М. Сибирский демографический вектор: ретроспектива и современность.	8
Зверев В.А. Население Дальнего Востока в 1895–1914 гг.: динамика естественного воспроизводства.	13
Гончаров Ю.М., Фаронов В.Н. Людность семей рабочих Западной Сибири в первой четверти XX в.	19
Заболотская К.А., Бельков А.В. Демографические тенденции индустриального Кузбасса (конец XIX – начало XXI вв.)	22
Бурматов А.А. Демографические потери от голода начала 1930-х гг. в Западной Сибири	26
Сивцева С.И. Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в Якутии	30
Коробейникова Н.С. Динамика рождаемости в городских поселениях Западной Сибири в 1939–1945 гг.	34
Кузнецова Я.А. Семейно-брачные отношения в Бурятии в 1970–1980-х гг.	38

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

Элерт А.Х. Путешествие по северо-востоку Сибири как переломный этап в экспедиционной деятельности Г.Ф. Миллера	44
Татарникова А.И. Сеть сельских поселений Сибири в конце XIX века: типическая структура, численность, величина.	48
Конев А.Ю. Социальный статус инородцев Северо-Западной Сибири в их собственном представлении (XIX – начало XX в.)	52
Матханова Н.П. Новые источники о ревизии Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына)	56
Долголюк А.А. Повышение квалификации ИТР и служащих строительной отрасли Сибири в 1946–1955 гг.	62
Некрасов В.Л. Должность председателя Госплана СССР в системе высшего политического руководства (1955–1964 гг.)	66
Стрюкова Е.П. Модели автоматизированных систем управления в СССР в 1950–1980-е гг.	70
Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. «Программа – 130»: планы и их реализация	73
Лизунова И.В. Структурная трансформация книгоиздательской индустрии Сибири и Дальнего Востока в 1990-е гг.	78

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Шайдуров В.Н. Об особенностях формирования еврейского населения Сибири в первой половине XIX в.	82
Друганова М.С. Обращения жителей Тобольской губернии в органы городского общественного управления в годы Первой мировой войны	86
Альшевская О.Н. «Академкнига» и её наследники: проблема продвижения научной литературы на сибирском книжном рынке	89
Ламин В.А., Шелегина О.Н. «Открытый архив СО РАН» как электронная система накопления, представления и хранения научного наследия	92
Внукович Ю.И. Рец. на кн.: Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец, А.А. Люцидарская и др. Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 424 с.	95
Глушаченко С.Б. Рец. на кн.: А.М. Исмаилов. Русскоязычное книгоиздание в межэтническом взаимодействии государств Центральной Азии.	97
Голубкова О.В. Рец. на кн.: М.А. Овчарова. Мордва Алтая: история и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI в.). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. –228 с.	98
Рыженко В.Г., Петренко О.В. Новый этап научно-коммуникативного проекта «Культура и интеллигенция России» (Омск, 16–18 октября 2012 г.)	99
Памяти Михаила Макаровича Ефимкина	102

**ВСЕРОССИЙСКИЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИБИРИ»**

Издается с января 1994 г.
Выходит четыре раза в год

У ч р е д и т е л и: **Сибирское отделение РАН;
Институт истории СО РАН**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Чл.-кор. РАН *В.А. Ламин* (председатель совета, Новосибирск), академик РАН *В.В. Алексеев* (Екатеринбург), чл.-кор. РАН *Б.В. Базаров* (Улан-Удэ), доктор *Ч. Дашдаваа* (Улан-Батор, Монголия), д-р ист. наук *Н.И. Дроздов* (Красноярск), д-р ист. наук *В.П. Зиновьев* (Томск), д-р ист. наук *В.А. Ильиных* (Новосибирск), д-р ист. наук *О.Н. Катионов* (Новосибирск), д-р ист. наук *Ю.Ф. Кирюшин* (Барнаул), академик РАН *В.И. Молодин* (Новосибирск), академик РАН *Н.Н. Покровский* (Новосибирск), чл.-кор. РАН *Е.К. Ромодановская* (Новосибирск), д-р ист. наук *Н.А. Томилов* (Омск), доктор *Е.Б. Сыдыков* (г. Семей, Республика Казахстан), д-р ист. наук *М.В. Шилковский* (Новосибирск), д-р ист. наук *В.И. Шишкин*, д-р ист. наук *А.Х. Элерт* (Новосибирск)

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор д-р ист. наук *В.А. Ильиных*
Ответственный секретарь канд. ист. наук *С.Н. Андреенков*

Канд. ист. наук *Д.А. Ананьев*, д-р ист. наук *С.С. Букин*, д-р ист. наук *Н.С. Гурьянова* (зам. гл. редактора), д-р ист. наук *В.А. Зверев*, д-р ист. наук *В.И. Исаев*, д-р ист. наук *В.А. Исупов*, д-р ист. наук *С.А. Красильников*, д-р ист. наук *Л.В. Курас*, д-р ист. наук *В.Е. Ларичев*, д-р ист. наук *С.Н. Лютов*, д-р ист. наук *Н.П. Матханова*, д-р ист. наук *С.П. Нестеров*, д-р ист. наук *А.Л. Посадсков*, канд. ист. наук *В.М. Рышков* (зам. гл. редактора), канд. ист. наук *О.Н. Шелегина*

А д р е с р е д а к ц и и: 630090 Новосибирск, ул. Николаева, 8,
Институт истории СО РАН, к. 301, тел. 330–24–31.
<http://www.sibran.ru>
sektoragro@gmail.com
Зав. редакцией *Смирнова Вера Ивановна*

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ 17.06.93 г. № 0110807

Редактор *В.И. Смирнова*
Компьютерная верстка и макет *С.Ю. Бадалян*

Подписано к печати 10.12.12. Формат 60×84 1/8. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 13,5. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 500 экз. Заказ № 483.

Издательство СО РАН, 630090 Новосибирск, Морской проспект, 2

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

УДК 93(47)“19”

В.А. ИСУПОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ В СИБИРИ: ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: Vladimir_2004_@mail.ru

В статье анализируются основные тенденции становления и развития нового направления исторической науки в Сибири – исторической демографии. Раскрыты роль и значение исторических факторов в демографическом процессе, сформулированы основные задачи исторической демографии на современном этапе развития науки.

Ключевые слова: население, воспроизводство, рождаемость, смертность, миграции, урбанизация.

СОВРЕМЕННАЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Интерес к вопросам демографической истории сегодня чрезвычайно высок: издаются многочисленные труды, в т. ч. фундаментальные монографии, проводятся научные конференции, защищаются диссертации. Самые злободневные проблемы, особенно такие, как демографические последствия голода 1932/33 и 1946/47 гг., потери населения в ходе Второй мировой войны, обсуждаются на страницах электронных СМИ. Заметное внимание, которое уделяется ныне научным сообществом и широкой общественностью демографической истории России, определяется целым рядом обстоятельств. Одно из них заключается в том, что демографическая ситуация, сложившаяся в нашей стране в конце XX в., продолжает вызывать серьезную озабоченность. К началу XXI в. Россия подошла в состоянии депопуляции. Развернувшиеся во второй половине 1960-х гг. негативные процессы в области воспроизводства населения, выразившиеся в сокращении рождаемости и увеличении смертности, в конце концов переросли в стойкое абсолютное сокращение численности россиян, которое приобрело характер, угрожающий национальной безопасности. Современная Россия имеет один из самых высоких в мире темпов убыли населения. Попытки российского правительства реализовать эффективную демографическую полити-

ку пока не увенчались успехом. Позитивные сдвиги есть, но они обусловлены структурными, а значит ситуационными, быстропроходящими факторами. Принципиально изменить характер демографических процессов, добиться решительного стратегического перелома удалось пока только на уровне предвыборной демагогии. Рождаемость по-прежнему остается низкой, смертность – высокой.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

Причины современной кризисной ситуации многообразны. Их анализ лежит вне рамок статьи. Но бесспорно, одним из обстоятельств негативного влияния остаются факторы исторического характера. Корни нынешней, крайне напряженной, демографической ситуации уходят в прошлое. Это не только декларируют историки, но признают и сами демографы. «Ни настоящее, ни будущее не может быть понято без знания прошлого» – указывается в предисловии к одной из лучших отечественных книг по демографии [1]. В данном случае нельзя упускать из виду пролонгированность демографических процессов, их растянутость во времени. Лаг между причиной и следствием в демографии составляет несколько десятилетий. «Горизонт демографа, – писал известный французский демограф А. Сови, – по крайней мере, время жизни одного поколения. Проходит около 20 лет, пока ребенок

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а.

станет взрослым, и еще полстолетия, прежде чем он окончит трудовую деятельность» [2, с. 29]. Демографы не только осознают значение исторического фактора, но чаще, чем представители других наук, обращаются к истории. Доказательством тому являются работы выдающихся отечественных демографов А.Г. Вишневого, А.Г. Волкова, Л.Е. Дарского, А.Я. Кваши, Л.Е. Рыбаковского, Б.Ц. Урланиса и др.

Демографическая подсистема общества эволюционирует под влиянием двух основополагающих групп факторов, прежде всего собственно демографических, таких как половозрастная структура населения, календарь рождений, возрастные вероятности смерти, репродуктивное и матримониальное поведение людей и других. Блестяще владея методами демографического анализа и математическим аппаратом, отечественные демографы добились серьезных результатов в исследовании внутренней логики развития демографической подсистемы российского общества. Но если рассматривать эволюцию населения в широком историческом контексте, нельзя не учесть воздействие внешних (по отношению к демографической подсистеме) недемографических факторов политического, социокультурного и экономического характера. А это задача историков, которые могут и должны сыграть роль, только им предназначенную. Иными словами, историки призваны построить мост между двумя берегами – количественными оценками демографов, с одной стороны, и воздействующими на них общественно-политическими факторами исторического характера – с другой. «...Выявление закономерностей развития может быть осуществлено лишь на историческом материале», – подчеркивал еще в 1985 г. Я.Е. Водарский [3, с. 12]. Таким образом, без историков с их специфическим инструментарием, необходимым для анализа политических, экономических и социокультурных процессов прошлых лет и выявления степени их воздействия на динамику народонаселения, глубоко разобраться с демографическим контекстом, а тем более выявить накопленный исторический опыт по разработке и реализации эффективной демографической политики невозможно. Демографам, так или иначе, приходится обращаться к истории. Так, учет событий первой половины XX в. очень важен для глубокого уяснения процесса формирования и движения демографических волн, а следовательно, для понимания на первый взгляд, казалось бы, хаотичных колебаний рождаемости, происходящих сегодня.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ

Историческая демография важна не только как научное направление, содействующее решению некоторых конкретных задач практического характера. Прагматическая функция исторической демографии – лишь одна сторона медали. Есть и другая. Без знания динамики населения в прошлом, его численности, структуры, воспроизводства и миграций наши представления об истории отечества будут неполны и отрывочны. Нельзя не согласиться с утверждением Ю.А. Полякова, В.З. Дробижина и Д.К. Шелестова, что «историческую демографию можно назвать становым

хребтом... исторической науки» [4, с. 16]. Поэтому историки всегда стремились учитывать демографические факторы в развитии общества. И все же для большинства из них проблемы народонаселения были и остаются важной, но боковой ветвью исследований. К истории населения историки обращаются, решая свои главные задачи и, что часто случается, упрощенно используют статистические данные о населении только как иллюстративный материал. Историческая демография в этих условиях является не самостоятельным научным направлением, но выступает скорее в роли своеобразной вспомогательной исторической дисциплины.

Между тем необходимость вычленения исторической демографии в особую научную дисциплину (с собственным объектом и предметом исследования, специализированными целями, задачами и методами) была осознана достаточно давно. В отечественной исторической науке еще в начале XX в. сформировалось понимание необходимости проводить специальные исследования по истории народонаселения. Напомним для примера блестящую монографию П.Н. Милукова, вышедшую 5-м изданием в 1904 г. [5]. В ней демографической истории России посвящен специальный объемистый очерк.

СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ В СИБИРИ

Первые работы, которые можно (с известной долей условности) отнести к историко-демографическим (или, что точнее, к историко-статистическим), увидели свет непосредственно после завершения Гражданской войны [6; 7; 8]. В них была предпринята попытка подвести итог бурному периоду демографических кризисов и катастроф. Сильный импульс статистико-демографические исследования получили после проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. Советское государство, провозгласившее своей целью создание плановой экономики на «научной» основе, придавало очень большое значение статистике населения, необходимой для строгого учета трудовых и военно-мобилизационных ресурсов. В связи с этим в годы нэпа и особенно в период обработки материалов переписи 1926 г. исследования по статистике населения получили существенное развитие. В эти годы в Сибири работала плеяда талантливых статистиков, таких как А.И. Петров, М.П. Красильников, С.М. Пушкарев, А.И. Слуцкий, Н.К. Солонин, А.Р. Шнейдер и др. Значительное внимание проблемам народонаселения было уделено в Сибирской советской энциклопедии¹. Большое внимание уделялось публикации статистических материалов, в т. ч. данных по народонаселению². До сих пор единственной публикацией справочного характера, посвященной исключительно вопросам воспроизводства населения Сибири, является издание статистического отдела Сибкрайисполкома, увидевшее свет в 1930 г. [9].

¹ Сибирская советская энциклопедия: в 3 т. Новосибирск, 1929–1932.

² Сибирский край: стат. справочник. Новосибирск, 1930.

Кроме того, в свет регулярно выходили специальные центральные и региональные статистические и социально-экономические журналы, такие как «Северная Азия», «Статистическое обозрение», «Вестник статистики» «Статистика Сибири», «Жизнь Сибири», «Жизнь Бурятии», «Советская Якутия» и др. На страницах периодических изданий, а также в отдельных брошюрах и книгах обсуждались такие сложные вопросы, как динамика численности и изменения структуры населения, проблемы рождаемости, смертности и миграций [10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18]. Авторы тех лет в безуспешных попытках выявить факторы и причины демографических изменений, происходивших в Сибири в связи с индустриализацией и коллективизацией, большое значение придавали изучению исторической динамики народонаселения. Специфическую роль в становлении демографических исследований в Сибири сыграл печатный орган Сибирского краевого отдела здравоохранения – «Сибирский медицинский журнал». Он регулярно публиковал годовые сводки движения инфекционной заболеваемости, многочисленные статьи по вопросам санитарной статистики и здравоохранения [19; 20; 21; 22]. Тем самым журнал способствовал исследованию такого сложного социально-демографического процесса, каким является смертность населения. Существенное внимание в литературе 1920-х гг. уделялось изучению миграций [23].

В 1930 г. увидела свет монография Е.З. Волкова, посвященная решению задач историко-демографического характера [24]. Эта книга пережила свое время. Она не потеряла научной актуальности и сегодня. Очевидным успехом Е.З. Волкова была реконструкция численности и движения населения России и ее отдельных регионов (в том числе Сибири) в XIX в. и в годы Первой мировой и Гражданской войн. В Сибирском регионе значительный вклад в историко-демографические исследования внес А.И. Чураев, в 1933 г. выпустивший монографию о населении Восточной Сибири [25]. В ней большое место было отведено историческим аспектам демографической динамики региона. Автор основательно, на основе большого массива статистического материала раскрыл тенденции динамики численности, социально-классового состава, рождаемости, смертности и миграций населения Восточной Сибири с конца XIX в. до начала 1930-х гг.

Однако в силу ряда причин политического характера, демографические, в том числе историко-демографические, исследования во второй половине 1930-х гг. были свернуты. Советское государство не было заинтересовано в открытом обсуждении огромных потерь, которые понесло население страны в ситуации голода начала 1930-х гг. Отныне Сталин лично диктовал данные о численности населения и параметрах демографического развития СССР. В 1934 г. был ликвидирован Демографический институт АН СССР. В Сибири один за другим закрывались общественно-политические и статистические журналы, вокруг которых концентрировались научные силы региона. Издание статистических сведений, а также статей и брошюр по вопросам развития населения прекратилось. Последней публикацией, затрагивавшей историко-демографическую проблематику в Сибири,

стала небольшая по объему брошюра К.И. Романова, вышедшая в 1935 г. [26].

Всесоюзные переписи населения 1937 и 1939 гг. в обстановке всеобщей подозрительности, повальной шпиономании и открытого государственного террора не могли стимулировать исследования. Перепись 1937 г. была объявлена фальсифицированной врагами народа. Перепись 1939 г. вместо получения объективных сведений о населении была призвана языком цифр засвидетельствовать правильность сталинской политической линии. Газета «Правда» накануне публикации данных этой переписи указывала: «Трудящиеся всех стран увидят... как под благодатными лучами Сталинской Конституции из года в год увеличивается рождаемость в нашей стране, как неуклонно повышается культурный уровень советских людей»³. По сути, демография, едва зародившись как наука, была подвергнута погрому. О снижении научного уровня работ и ужесточении цензуры свидетельствует хотя бы тот факт, что почти все статьи, вышедшие по итогам переписи 1939 г. были не научными, но скорее политико-идеологическими. Курьезно, что авторы были настолько запуганы, а бюрократическое давление на ученых было столь сильным, что все публикации, за редким исключением, носили одинаковое название [27; 28; 29]. В Сибирском регионе издание материалов по проблемам населения ограничивалось краткими данными о его численности и социально-классовом составе [30; 31; 32; 33; 34]. Никаких сведений, а тем более аналитики о воспроизводстве и миграциях населения не публиковалось.

Публикации по историко-демографическим сюжетам ограниченно возобновились только во второй половине 1950-х гг. [35]. В конце 1950-х гг. в отечественной научной литературе возникло понятие «историческая демография» [36]. В 1957 г. известный историк В.К. Яцунский призвал интенсифицировать исследования по истории населения [37]. Однако недоступность источников, строжайшая цензура и вытекающая из этого ограниченность проблематики привели к тому, что призыв оказался «гласом вопиющего в пустыне». Исследователи вынуждены были ограничиться созданием работ, посвященных критике т. н. буржуазных теорий и фальсификаций [38; 39]. Появление в 1960-х гг. отдельных публикаций (главным образом в виде статей) стало огромным шагом вперед, но не меняло ситуацию в целом [40; 41; 42; 43]. В этих публикациях историческая демография не вычленилась из исторической географии. В полном соответствии с данной тенденцией в Сибири изучение населения, главным образом городского, проводилось силами географов. Последние внесли значительный вклад в характеристику динамики численности и формирования сети городских поселений восточных районов СССР [44; 45; 46].

Научный вакуум в отечественной демографии, в том числе исторической, заполнялся исследованиями западных историков и демографов, недоступных для большинства советских читателей [47; 48]. Зарубежные ученые добились внушительных успехов в исследова-

³ Правда. 1939 .4 сент.

нии демографической подсистемы СССР, но лишённые источниковой базы, они скорее интуитивно «догадывались», чем достигали точного научного знания. Самые изощренные методы анализа не могли заменить конкретных статистических материалов. К тому же исследователи концентрировали свое внимание не на поиске закономерностей демографической истории, а главным образом на определении потерь советского населения и выявлении воздействия политических факторов на демографическую подсистему советского общества.

Как самостоятельное научное направление историческая демография в нашей стране стала возрождаться только в 1980-е гг., когда увидели свет несколько монографий, специально посвященных некоторым проблемам исторической демографии [49; 50; 51]. Но особенно бурное развитие получила историческая демография в начале 1990-х гг., когда были сняты идеологические «табу», ликвидированы цензурные запреты, приоткрыты архивы и инициированы публикации статистических источников. Проблемы исторической демографии, которая окончательно выделилась в особое научное направление, решаются в трудах многих исследователей. Как и следовало ожидать, основное внимание уделяется сегодня проблеме потерь советского населения в ходе демографических кризисов и катастроф [52]. К настоящему времени самым значительным достижением историков в области демографической истории нашей страны стал выход в свет фундаментального трехтомника «Население России в XX веке» [53]. Эта обобщающая фундаментальная работа подвела первые итоги периода скачкообразного роста историко-демографических исследований. На региональном уровне историческая демография бурно развивается на Урале [54; 55]. Появились первые работы по исторической демографии и в Сибири [56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63]. Недавно созданный в Институте истории СО РАН сектор историко-демографических исследований приступил к выпуску периодически издаваемых общесибирских сборников научных трудов [64].

Тем не менее целостное представление о демографической истории Сибири еще не сложилось. Несмотря на форсированное развитие исследований, картина демографической истории как страны в целом, так и ее отдельных регионов остается отрывочной, мозаичной. Для современных знаний об истории населения Сибири свойственна чересполосица, обилие «белых пятен». Вместе с тем отечественная историческая демография к настоящему времени накопила огромный эмпирический материал. Удалось выявить некоторые количественные параметры динамики численности, структуры, воспроизводства и миграций населения. Сегодня можно дискутировать о точности опубликованных цифровых данных, корректировать их в сторону увеличения или уменьшения, но фундамент для дальнейших исследований создан. Эта непростая и в определенном смысле черновая часть работы. Отныне ученым предстоит решить еще более сложную задачу – определить качественное содержание демографического процесса, вскрыть его существенные характеристики.

Основными проблемами демографической истории Сибири, настоятельно требующими разрешения, по нашему мнению, являются:

- проблемы источниковедения. За исключением Всеобщих переписей населения, не проведен полноценный анализ материалов, характеризующих текущий учет естественного (загсовская статистика) и механического (паспортная статистика) движения населения. Не исследованы глубоко демографическая перепись населения 1920 г., городская перепись 1923 г., а также большинство локальных переписей и учетов населения;
- динамика численности населения, главным образом его годовые колебания в межпереписные периоды;
- смертность и продолжительность жизни;
- рождаемость и брачность;
- половозрастная структура населения;
- потери населения вследствие воздействия пертурбационных факторов социально-политического характера.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД КАК ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ

Но самое главное: необходимо решить стратегическую задачу – исследовать проблему демографической модернизации Сибири и, соответственно, вскрыть специфику демографического перехода в регионе. Своеобразие демографической модернизации Сибири определяется не только ее географическим положением, но и спецификой социально-политического развития России в целом. Для нашей страны характерно особенно мощное пертурбационное воздействие государственных институтов на демографическую подсистему общества. Демографическую историю России XX в. можно представить как перманентный кризис, который трижды перерастал в демографические катастрофы: периода революции и Гражданской войны, во время голода начала 1930-х гг., в ходе Второй мировой войны и последовавшего за ней голода 1946/47 гг. Население СССР и его отдельных регионов понесло огромные потери, а динамика рождаемости, смертности и численности населения приобрела хаотичный характер. В итоге демографический переход в Сибири принял прерывистый, мерцающий характер. Он то сворачивался, то вновь возникал. Остановить демографический переход как объективный процесс было невозможно, но он оказался сильно заторможен. В итоге демографическая модернизация в нашей стране не завершена.

Демографический переход в России в целом описан в литературе. Но пока мы имеем очень слабое представление о процессах, происходивших в Сибири. Пертурбационные факторы социально-политического характера вкупе с особенностями географического положения Сибири как отдаленного, слабозаселенного, сурового климатически, но богатого сырьевыми ресурсами региона, в конечном счете, дали столь бессистемный конгломерат необычных качеств демографической модернизации, что их изучение займет не один десяток лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демографическая модернизация России, 1900–2000. М., 2006.
2. *Сови А.* Общая теория населения. М., 1977. Т. 1: Экономика и рост населения.
3. *Водарский Я.Е.* Историческая демография как научная дисциплина // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). Кишинев, 1985.
4. *Поляков Ю.А., Дробижев В.З., Шелестов Д.К.* Историческая демография: проблемы изучения // Проблемы исторической демографии СССР (период социализма). Кишинев, 1985.
5. *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. СПб., 1904. Ч. 1.
6. *Мерхалев Д.* Рождаемость за время войны и революции в Сибири // Сборник Сибирского статистического управления. Ново-николаевск, 1922. Т. II, вып. 7.
7. *Корчагин А.А.* Естественное движение населения Иркутской губернии за 1920–1923 гг. // Труды I-го съезда врачей Восточной Сибири в гор. Иркутске 20–25 августа 1924 г. Иркутск, 1925.
8. *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926.
9. Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930.
10. *Клячкин В.Е.* Естественное движение населения города Омска по параллельным данным за 1913, 1916, 1923–1926 гг. Омск, 1928.
11. *Зверьков С.* Население Бурятии по самодеятельности, положению в главном занятии и отраслям труда // Жизнь Бурятии. 1928. № 1–3.
12. *Красильников М.П.* Население Урала и Северной Азии (Из итогов Всесоюзной переписи 1926 г.) // Северная Азия. 1929. Кн. 3.
13. *Ярхо А.И.* Несколько данных о естественном движении туземного населения Алтая // Северная Азия. 1929. Кн. 3.
14. *Шнейдер А.Р.* Округа и районы Сибирского края. Новосибирск, 1930.
15. *Слуцкий А.И.* Естественное движение населения в Сибирском крае за 1925–27 гг. // Естественное движение населения в Сибкрае за 1925–27 гг. Новосибирск, 1930.
16. *Солоницин Н.* Динамика численности и социального состава населения городов Кузбасса // Кузбасс. Результаты переписи городского населения. Новосибирск, 1931.
17. *Лубны-Герцык Л.И.* Естественное движение населения СССР за 1926 г. // Статистическое обозрение. 1928. № 8.
18. *Кувшинников П.* Естественное движение населения РСФСР в 1920–1922 гг. // Вестник статистики. 1925. № 4–6.
19. *Пулькис В.А.* Положение и перспективы санитарного дела в Сибирском крае // Сибирский мед. журнал. 1925. № 3.
20. *Маркевич А.А., Герцев Н.А.* Очерк состояния лечебного дела в Сибирском крае и ближайшие задачи // Сибирский мед. журнал. 1925. № 3.
21. *Стадлер В.Ф.* Болезни и дефекты призывников по данным Курьинской призывной комиссии в 1927 году // Сибирский мед. журнал. 1928. № 8.
22. *Шаткайн С.И.* Охрана здоровья детей и подростков Сибири к 10-й годовщине советского здравоохранения // Сибирский мед. журнал. 1928. № 10–11.
23. *Оболенский (Осинский) В.В.* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928.
24. *Волков Е.З.* Динамика населения России за 80 лет. М., 1930.
25. *Чураев А.И.* Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933.
26. *Романов К.И.* Смертность и продолжительность жизни населения городов Восточной Сибири за 1926–1927 гг. (Иркутск, Чита, Красноярск). Иркутск, 1935.
27. *Бузин Д.* Население страны социализма // Проблемы экономики. 1939. № 6.
28. *Саутин Л.* Население страны социализма // Партийное строительство. 1939. № 12.
29. *Писарев И.* Население страны социализма // Плановое хозяйство. 1940. № 5.
30. *Кассин И.* Иркутская область (очерки). Иркутск, 1939.
31. *Филлимонов Д.К., Малкин Г.В., Тверской А.Н. и др.* Край социалистического созидания (Новосибирская область на рубеже сталинской пятилетки). Новосибирск, 1939.
32. *Сериков И.А.* Красноярский край. Экономико-географический обзор. Красноярск, 1940.
33. Омская область сегодня. Омск, 1940.
34. Советское Забайкалье. Чита, 1940.
35. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет. М., 1956.
36. *Денисенко Б.М., Троицкая И.А.* Предисловие // Историческая демография. М., 2008. Вып. 14. С. 5.
37. *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения Европейской России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1.
38. *Смулевич Б.Я.* Критика буржуазных теорий политики народонаселения. М., 1959.
39. *Попов А.Я.* Современное мальтузианство: очерк критики. М., 1960.
40. *Максимов Г.М.* Движение и состав населения СССР // История СССР. 1961. № 1.
41. *Данилов В.П.* Сельское население Союза СССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.) // Исторические записки. 1963. № 74.
42. *Вьлцан М.А.* Численность и состав сельского населения СССР за 50 лет // История СССР. 1967. № 6.
43. *Ковалев С.А.* Изменения в размещении населения СССР за годы социалистического строительства // Вестник МГУ. Серия V: География. М., 1968. № 3.
44. *Воробьев В.В.* Изменения в географии городов юга Восточной Сибири за 40 лет Советской власти. Иркутск, 1957.
45. *Воробьев В.В.* Формирование городской сети юга Восточной Сибири. Иркутск, 1958.
46. *Мытарева А.А.* История заселения и образования городских поселений на территории Кемеровской области // Материалы I Междуведомственного совещания по географии населения. М.; Л., 1961. Вып. III.
47. *Anderson B.A., Silver B.S.* Demographic Analysis and Population Catastrophos in the USSR // Slavic Review. Vol. 44, № 3.
48. *Davies R.W., Wheatcroft S.G.* Steven Rosefieldes Kliukva // Slavic Review. Vol. 39, № 44.
49. *Шелестов Д.К.* Демография: История и современность. М., 1983.
50. *Поляков Ю.А.* Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и населения. М., 1986.
51. *Дробижев В.З.* У истоков советской демографии. М., 1987.
52. *Денисенко М.Б.* Демографический кризис в СССР в первой половине 1930-х годов: оценки потерь и проблемы изучения // Историческая демография. М., 2008. Вып. 14.
53. Население России в XX веке. Исторические очерки : в 3 т. М., 2000. Т. 1: 1900–1939; 2001. Т. 2: 1940–1959; 2005. Т. 3, кн. 1: 1960–1979; 1991. Т. 3, кн. 2: 1980–1990; 2012. Т. 3, кн. 3: 1991–2000.
54. *Корнилов Г.Е.* Уральское село и война (Проблемы демографического развития). Екатеринбург, 1993.
55. *Нефедов С.А.* Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века. Екатеринбург, 2005.
56. *Зверев В.А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988.
57. *Исупов В.А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). Новосибирск, 1991.
58. *Гуцин Н.Я.* Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.

59. Кышпанакоев В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. Абакан, 1995.

60. Сивцева С.И. Якутия в годы Великой Отечественной войны: социально-демографический аспект (1941–1945 гг.). Якутск, 2000.

61. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П., Ильиных В.А. Сельское население Западной Сибири в 1960–1980-е гг. (факторы, тенденции и результаты социально-демографической адаптации). Новосибирск, 2003.

62. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск, 2007.

63. Исупов В.А. Главный ресурс Победы. Людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Новосибирск, 2008.

64. Проблемы исторической демографии Сибири: сб. науч. тр. Новосибирск, 2010. Вып. 1; 2011. Вып. 2.

Статья поступила
в редакцию 20.08.2012

УДК 94(47)''19''

М.М. ЕФИМКИН

СИБИРСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЕКТОР: РЕТРОСПЕКТИВА И СОВРЕМЕННОСТЬ*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: ist_dem@history.nsc.ru

В статье рассматривается динамика демографических процессов на востоке России (на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке), протекавших в условиях системных политических и социально-экономических преобразований XX в. Характеризуется влияние переселенческой политики П.А. Столыпина, двух мировых войн, экономической и демографической политики советского правительства разных периодов на формирование и противоречивое развитие демографического потенциала восточных регионов. Делается вывод об особой актуальности стратегии «сбережения и преумножении народа» для Азиатской России, геополитическое значение которой трудно переоценить.

Ключевые слова: демографическая политика, демографическая динамика, региональная демографическая система, воспроизводство населения, миграционные процессы.

Широко известны слова М.В. Ломоносова о том, что «российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным Ледовитым океаном», но только недавно «в ход пошло» его не менее актуальное для Сибири высказывание о том, что величие и богатство всего государства состоит в здоровом и многочисленном народе, а не в обширности, тщетной без обитателей. Передовые умы России понимали необходимость заселения территорий страны активным и богатым населением на основе производственной деятельности. И такая задача представлялась наилучшей в качестве национальной идеи, определяющей главный вектор движения на века вперед.

Создание устойчивого и динамично растущего демографического потенциала на пространствах от Урала до тихоокеанского побережья было и остается проблемой, полноценного разрешения которой за 400 лет так и не достигнуто. Тем не менее можно утверждать, что демографический фактор по-прежнему является главной материальной основой территориального освоения востока России. Особенность его заключалась в том, что небольшим по численности населением Россия осваивала громадные пространства. «Какие причины заставляли русский народ, обладавший просторной,

сравнительно со своей численностью, территорией, занимать все новые и новые земли, места, расширяя эту территорию, раскидываясь по ней редкими и большей частью малолюдными поселками»? [1, с. 203]. Действительно, «для чего и ради чего... русский народ заселил пространство, в три раза превышающее территорию его родины...?» [2, с. 320].

Видимо, здесь целый комплекс причин, в основе которых лежит своеобразный менталитет, базирующийся на особом, сложившемся в экстремальных условиях физиологическом типе россиянина, вечно стремящегося к неизведанному, к простору. Возможно, корни еще и в том, что восточные славяне – это извечно выдавливаемая со всех территорий этническая группа, русская ветвь которой особенно активно подвергалась этому с начала XIII в. А возможно, это и повышенная пассионарность русского народа [3, с. 91]. Писал же в середине XVIII в. М.В. Ломоносов: «Напрасно строгая природа от нас скрывает место входа с берегов вечерних на восток... Колумб Российский между льдами спешит и презирает рок». Не понял этого президент США В. Вильсон, сожалеющий о том, что Сибирь досталась России. Ему и в голову не приходило, что Сибирь может быть проклятием России, висящим на ней тяжелым бременем, как трубят об этом уже не одно десятилетие «радетели» России. Исторический опыт освоения новых сибирских территорий подтвердил их

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а.

государственную оценку американским президентом и выдающимися отечественными деятелями.

Эти, казалось бы, простые истины понимали давно. Было очевидно, что никакая армия и крепости не заменят постоянного населения для сохранения территории за государством. Экономически гораздо более выгодно способствовать росту благосостояния местного населения, чем содержать большие охранно-воинские контингенты. Необходимость заселения сибирских территорий теоретически представлялась аксиомой. На практике же она воплощалась с периодичностью, разной по степени интенсивности, что было связано, как правило, с международными (внешними) обстоятельствами. В целом же в России нового и новейшего времени данный всеобъемлющий вектор ее развития не находил и не находит своего планомерного и регулярного становления, несмотря на «демографические всплески», вызываемые геополитической ситуацией, которые так характерны для сибирских территорий.

И, весьма возможно, правы те ученые, которые утверждают, что для России альтернативой устойчивому развитию является развитие прерывное, мобилизационное. Однако к проблемам народонаселения, к демографической компоненте это мало применимо. Развиваясь и увеличиваясь от всплеска к всплеску, мы теряем связь поколений, историческую энергию, ухудшаем генетический код народов, населяющих нашу страну, что с полной очевидностью демонстрирует демографическая ситуация в разных по своему географическому, социально-этническому и конфессиональному положению районах страны. Более того, «выбивали» его в ходе масштабных «преобразований» на протяжении тысячелетней истории России.

Хотя идея сохранения и размножения русского народа утвердилась еще при Екатерине Великой, изводили его масштабно. Думается, что стратегия «сбережения» народа, на которую указывали лучшие российские умы, должна лечь в основу сегодняшней национальной идеи. Особенно актуальна эта стратегия для восточных территорий России, теряющих население. Эти территории во многом определяют сегодня геополитическую миссию нашей страны, и их роль будет неуклонно возрастать. Удержать такую территорию, огромную по масштабам и богатству, легче с «густым», процветающим населением. Сибирь не обладает достаточным количеством населения – главного богатства страны.

Ресурсы Азиатской России и ее экономико-географическое положение продолжают оставаться определяющими для страны, ибо здесь формируются базисные материально-вещественные основы валового национального продукта. Здесь сосредоточено 84 % нефти, 85 % газа, 81 % алмазов, 90 % олова, большая часть российских запасов сурьмы и треть всех мировых запасов ниобия; к тому же данная территория представляет собой определенную географическую, историческую и культурную общность. Сегодня капитал, пришедший на эту благодатную землю, мало заинтересован в демографической «густоте», требующей от него непроизводительных затрат. На современном этапе в России он может обходиться и рабочей силой не слишком высокой квалификации, поскольку прино-

сящие основные доходы сырьевые секторы предъявляют более низкие квалификационные требования к ней. Вряд ли это способствует продвижению на восточные территории высококвалифицированной рабочей силы, требующей другого, высокого инфраструктурного уровня и высоких технологий. Поэтому объявленная задача создания 25 млн новых современных рабочих мест скорее популистская, нежели реально выполнимая в указанные сроки. Она требует кардинальной, а не только модернизационной смены технико-технологической базы российского производства, других форм подготовки современных производственных кадров и соответствующей инфраструктурной составляющей. Сегодня опорные сибирские и дальневосточные регионы, располагая колоссальными богатствами, не живут, а выживают. Неплохо было бы учитывать мировой опыт, заключающийся в том, что в прошедшем XX в. ни одна страна, богатая природно-энергетическими ресурсами, не совершила серьезного экономического рывка. Первоочередное внимание поэтому должно уделяться инвестициям в человеческий капитал, вложения в который перспективнее, чем вложения непосредственно в производство. Историю развития человеческого капитала Сибири мы попытаемся рассмотреть через призму его количественных социально-демографических характеристик. Прежде всего представляют интерес количественные показатели народонаселенческих процессов на востоке России в их вековой динамике как неотъемлемой части общероссийской демографической динамики (см. таблицу).

Принципиальная схема размещения населения на пространствах Сибири, абрисно определившаяся почти два с половиной столетия назад под воздействием Сибирского тракта, закрепленная на рубеже XIX–XX вв. сооружением Транссиба, внешне остается неизменной до настоящего времени. Однако внутренние, конструктивные составляющие этой схемы претерпели существенные трансформации. Крестьянская переселенческая программа предполагала и, более того, по замыслу ее идеологов предопределяла сугубо аграрную специализацию будущего хозяйственного развития Сибири. Прогнозы инициаторов переселенческой политики реально осуществились. Сибирь действительно стала одной из ведущих житниц России. Однако развитие производительных сил этого региона не ограничилось достигнутым. Сопутствовавшие сооружению Транссиба и крестьянскому переселению замыслы, указывавшие на необходимость одновременно с аграрным промышленного освоения природных ресурсов, не реализовались. Осуществить их не позволили мизерный размер государственных инвестиций, негативная реакция частновладельческого капитала Центральной России и Урала, «малокапитальность» местного делового мира.

Аграрная Сибирь была пробуждена к активному промышленному развитию через 15 лет после реализации переселенческой программы. Только на рубеже 1920–1930-х гг., с окончанием восстановительных процессов в народном хозяйстве, было положено начало индустриализации Сибири. Как утверждает М.В. Шилловский, «Бисмарк из Саратова», испросивший 20 лет, дабы сделать всех счастливыми, а страну великой,

Динамика численности населения России и ее восточных регионов в 1897–2010 гг. (млн чел.)*

Регион	Годы												
	1897	1917	1926	1937	1940	1959	1970	1979	1989	1995	2000	2002	2010
Россия	67,5	91,0	92,7	103,9	110,0	117,5	130,0	137,6	147,4	148,0	145,9	145,2	142,9
Восточные регионы	13,3	21,7	23,1	27,5	30,9	40,1	44,3	47,1	52,4	52,1	51,5	51,0	49,8
В том числе:													
Урал	6,8	10,7	10,8	12,4	13,8	17,5	19,0	19,4	20,3	20,5	20,1	20,0	20,0
Сибирь	5,3	9,7	10,7	12,5	14,0	17,8	19,5	20,9	24,2	24,4	23,9	23,7	23,7
В том числе:													
Западная	3,6	6,7	7,4	8,4	9,1	11,3	12,1	12,7	15,0	15,1	15,0	15,0	14,9
Восточная	1,7	3,0	3,3	4,1	4,9	6,5	7,4	8,2	9,2	9,1	8,9	8,8	8,8
Дальний Восток	1,2	1,3	1,6	2,6	3,1	4,8	6,0	6,8	7,9	7,6	7,5	7,3	7,5
Доля восточных регионов в населении России, %	19,7	23,8	24,9	26,5	28,0	34,2	34,1	34,2	35,5	35,1	35,4	35,0	35,0

* Составлена по: Ефимкин М.М. Роль социально-демографического фактора в пространственном расширении России на Восток: итоги и перспективы // Социальные проблемы сибирских городов в ретроспективе XX в. Новосибирск, 2001. С. 17; Он же. Роль социального фактора в пространственном освоении Востока России // Гуманитарные науки в Сибири. 2003. № 2. С. 42; Основные итоги переписи населения 2002 г. М., 2003. Т. 14. С. 10–11; Основные итоги переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс]: предварительные итоги. С. 28–29. URL: <http://www.primstat.ru/VPN2010/webpages> (дата обращения: 07.09.2012).

осуществлял в начале XX в. в аграрной сфере России не реформу, тем более упреждающего характера, а аграрную политику с элементами волюнтаристского реформирования¹.

Большевикам царское правительство «подготовило» значительно, по тогдашним меркам, заселенную Сибирь, в которой проживало более 11 млн чел. В те же годы наблюдалось медленное, но неуклонное сокращение смертности населения Сибири, увеличение срока ожидаемой продолжительности жизни. В 1892–1896 гг. в Сибири на каждые 1 тыс. чел. населения умирало 36 чел., в 1906–1909 гг. – 34, а в 1910–1914 гг. – 32 чел. [4, с. 119]. Это было обусловлено не только повышением уровня жизни, но и главным образом успехами здравоохранения, существенно сократившими смертность от инфекционных заболеваний. Потери в населении компенсировались интенсивной рождаемостью: в 1884–1886 гг. на 1 тыс. чел. населения в Сибири родилось 49 детей, а в 1906–1914 гг. – 52 ребенка [Там же]. Таким образом, высокий коэффициент естественного прироста населения Сибири во многом определял существенные темпы роста численности его жителей.

По масштабам и последствиям массовую крестьянскую миграцию в Сибирь конца XIX – начала XX в. и производимое одновременно с этим землеустройство можно квалифицировать как переселенческую революцию [5, с. 102]. Правда, этот начальный период массового переселения был омрачен первой российской демографической катастрофой XX в., затяжной по времени и тяжелой по людским потерям. Однако восточные районы России она затронула в меньшей степени: сюда в годы голодного мора хлынули беженцы из других районов России, восполняя потери местного населения. Только в 1919 г. общее количество прибывшего в Сибирь населения составило 432 тыс. чел. [6, с. 72]. По окончании Гражданской войны демографическая ситуация в регионе медленно, но

устойчиво стабилизировалась, что и было зафиксировано Всесоюзной переписью 1926 г. Характерными для XX в. были по крайней мере четыре переселения на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. В начале века широкий размах получило переселенческое движение, простимулированное не только государственным, но и промышленным фактором – установлением регулярно сообщения по Транссибирской магистрали.

Следующий период связан с индустриализацией страны. Советская власть, большевики на практике приступили к осуществлению большого количества грандиозных народнохозяйственных программ на востоке страны. Едва утвердившись у власти, они уже в своей второй партийной программе (1919 г.) указывали на необходимость максимального использования рабочей силы, правильного ее распределения между областями и отраслями. Эта программная установка стала определяющим фактором их региональной политики, подчинившим себе все другие сопутствующие процессы. В.И. Ленин практически директивно, как председатель Советского правительства, писал в 1919 г. в статье «Наброски научно-технических работ» о том, что основной задачей реконструкции народного хозяйства является рациональное размещение промышленности в России: «с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта» [7, с. 228]. Тем самым была определена доктринальная хозяйственная политика государства восточного направления.

Таким образом, идеология и практика социалистической индустриализации определялись двумя главными императивами: назревшей необходимостью преодоления технико-экономической отсталости, характерной для страны в целом, и подготовкой к вероятной войне.

Индустриализация в Сибири преследовала совершенно определенную цель: создание на случай войны

¹ Шиловский М.В. А был ли Петр Столыпин реформатором? // Вечерний Новосибирск. 1996. 22 нояб.

глубокого, стратегического индустриального тыла. Эта идея впервые была выдвинута во время Русско-японской войны, когда из-за отсутствия промышленной базы в Сибири подковы и гвозди к местам военных действий доставлялись с Урала и из центра России. В Первую мировую войну уральская металлургия из-за дефицита топлива также не справлялась с военными заказами, а южная металлургия оказалась в сфере боевых действий. Была и другая цель, имевшая явный классовый идеологический подтекст: решительно и быстро преобразовать мелкобуржуазную стихию в лице российского крестьянства, загоняя его в сельскохозяйственные кооперативы (колхозы), обобществляя землю и средства производства. Это позволяло власти выкачивать из деревни товарное зерно для нужд индустриализации.

Индустриализация носила тотальный характер. Решению ее проблем и задач подчинялось все, в т. ч., конечно, и демографические процессы. Направить их в необходимое для успешной реализации планов промышленного строительства русло в Сибири было особенно сложно. Отсутствие промышленных традиций и, соответственно, базы подготовки кадров специалистов и рабочих, аграрная специализация хозяйства, общий невысокий уровень потенциала демографических и трудовых ресурсов обусловили методы, формы и средства обеспечения промышленных и транспортных новостроек и затем действующих индустриальных объектов рабочей силой: от вербовки и призывов, материального стимулирования и морального, общественного поощрения до трудовых мобилизаций и других экстраординарных внеэкономических мер и приемов. Но уже на рубеже 1928–1929 гг. проявились предупреждающие черты ухудшения демографической ситуации в Сибири. Уровень рождаемости в городах Западной и Восточной Сибири понизился – соответственно с 42 до 35 ‰ и с 37 до 27 ‰. Проявилась и тенденция к увеличению смертности и сокращению продолжительности жизни населения. В западносибирском селе, поставившем основную массу рабочих рук на здешние индустриальные стройки, естественный прирост населения снижался: в 1928 г. рождаемость превысила смертность на 236 тыс. чел., в 1929 г. – на 225 тыс., в 1930 г. – только на 200 тыс. чел. Особо подчеркнем, что в начале 1930-х гг. голод погнал людей из деревни, где он разразился в первую очередь, в город [8, с. 25–26].

Иначе говоря, демографическое спокойствие в Сибири, установившееся было после Гражданской войны, к рубежу 1920–1930-х гг. оказалось нарушено. Сибирский демографический потенциал переживал процесс перераспределения между городом и деревней, с явным перевесом в пользу города, чему в немалой степени способствовали переселения в Сибирский край, осуществляемые советской властью. Вследствие планового сельскохозяйственного переселения, начавшегося в 1925 г., в регион прибыло свыше 900 тыс. чел. [9, с. 81–92]. Согласно данным переписей, расположенные вдоль Транссиба города, в первую очередь Омск, Красноярск, Иркутск и Новосибирск, стали лидировать в стране по динамике роста численности населения.

Механический прирост населения городов обеспечивался за счет сибирской деревни, поставлявшей неквалифицированную рабочую силу, и западной части страны, в том числе Урала, направлявшего не только специалистов, но также мигрантов из сельской местности и малых городов. Примечательно, что в сибирские города из сибирской деревни и в Сибирь из Европейской России прибывали мигранты преимущественно молодых возрастов, что укрепляло основу будущего естественного роста численности городского населения. Эта весьма перспективная компонента миграционного притока в Сибирь, обозначившаяся в период индустриализации, впоследствии присутствовала в качестве ведущей практически во всех крупномасштабных акциях промышленного и транспортного строительства в Сибири.

Несмотря на то, что хозяйственные программы на востоке страны выкачивали колоссальные объемы сырья и энергии, они объективно способствовали привлечению сюда населения на многочисленные рабочие места. Нарастание экономического потенциала за счет восточных районов страны в годы первых пятилеток вызывало массовые перемещения населения на Урал, в Сибирь и на Дальний Восток. Это зачастую проявлялось в превалировании административно-принудительных мер в территориальном перераспределении населения, направленных на обеспечение рабочими кадрами крупномасштабных народнохозяйственных проектов. С учетом приезжавших по добровольному согласию к 1940 г. восток России принял свыше 5 млн чел. Особенно увеличилось число жителей на Урале, где положительное сальдо миграции почти сравнялось с размерами естественного прироста. Численность населения этого экономического района превысила 13,8 млн чел. Увеличилось число жителей и в Сибири, и на Дальнем Востоке, достигнув более 17 млн чел. К 1940 г., после голодной катастрофы 1930-х гг., демографическая ситуация стабилизировалась, отмечен значительный прирост населения края. С 1926 по 1940 г. численность жителей Сибири и Дальнего Востока выросла на 4,8 млн (см. табл.).

Третий период массового перемещения людей на восток России охватывал суровые годы Великой Отечественной войны и был связан с перемещением большого количества промышленных предприятий и населения в восточные районы. В эти годы в Сибирь было эвакуированных свыше 10 млн чел. Несмотря на резкое сокращение общей численности населения в стране за счет оккупации территорий, фронтовых потерь и естественной убыли, в Зауралье в 1942 г. проживало более 30 млн чел. (и это с учетом мобилизации). Великая Отечественная война оказала двойственное воздействие на развитие демографического потенциала Сибири, на рост численности городского населения, социально-профессиональный состав его экономической активной части, половозрастные характеристики и другие демографические составляющие. На территории Сибири не происходило военных действий, однако потери ее мужского населения за годы войны составили величину, сопоставимую с Белоруссией, население которой активно сражалось с фашистами в условиях оккупации. По подсчетам В.А. Исупова, вос-

ток России потерял в результате войны почти 11 млн чел. [10, с. 84]. Из-за невозвращения с войны подавляющей части мужчин призывных возрастов вплоть до 1925–1926 гг. рождения воспроизводственный процесс населения Сибири оказался нарушен. Но одновременно, главным образом в 1941–1942 гг., вместе с эвакуированными предприятиями Сибирь приняла значительный приток эвакуантов из европейской части страны. Например, только Новосибирский эвакуопункт зарегистрировал свыше 1,5 млн чел.

Рост населения сибирских городов в годы войны происходил не только за счет эвакуантов. Значительный механический прирост обеспечивался притоком из сельской местности. Основную массу прибывавших в города деревенских жителей составляли молодые люди, подростки допризывного возраста – 1927–1929 гг. рождения, и их сверстницы, которые после ускоренного обучения рабочим профессиям включались в трудовые коллективы промышленных предприятий. К концу войны, несмотря на колоссальные потери мужского населения, снижение уровня рождаемости, увеличение смертности, в т. ч. детской, и другие издержки, численность населения городов Сибири увеличивалась, и доля городского населения в общей его массе возросла. Реевакуация промышленных предприятий и части их коллективов, начавшаяся в 1943 г., не остановила процесс роста населения крупных сибирских городов и городского населения в целом.

Характерно, что в демографической системе город – село наибольший урон война нанесла абсолютной численности сельского населения. Мужское сельское население призывных возрастов подлежало военной мобилизации практически поголовно, фактически без каких-либо исключений. На колхозников и работников совхозов, в отличие от ряда категорий рабочих и специалистов промышленных предприятий, не распространялась система т. н. бронирования. Убыль сельского населения в результате тотальной военной мобилизации мужчин дополнялась трудовой мобилизацией из села в город жителей подросткового возраста. В результате глубокой военной и трудовой мобилизации мужского сельского населения резко изменилось соотношение мужчин и женщин в возрасте 16–54 лет. Из контингента эвакуантов в сельской местности размещались преимущественно беженцы, не представлявшие особой ценности для промышленных предприятий даже в качестве неквалифицированной рабочей силы. Численность таких категорий эвакуантов была весьма незначительной.

В города эвакуировались в первую очередь специалисты и высококвалифицированная часть рабочих коллективов промышленных предприятий. Городское население Сибири за годы войны увеличивалось, но к концу 1945 г., как уже было сказано, общая численность населения региона уменьшилась. По данным В.А. Исупова, на 1 января 1941 г. население Сибирского края составляло почти 15 млн чел., а на 1 мая 1945 г. – всего 13,3 млн чел. При этом историк учитывает только «ординарное население» тыловых районов [6, с. 79].

Хотя уровень смертности в Сибири начиная с 1943 г. сократился к 1945 г. более чем в 2 раза в городском населении и на треть в сельской местности, число умерших в 1942–1944 гг. превысило число родившихся. В итоге произошла естественная убыль и сократилась численность населения. С завершением Второй мировой войны демографическое напряжение не спадало вплоть до 1948 г., поддерживаемое засухой 1946 г. и голодом 1947 г. Особенно высоким в эти годы был уровень детской смертности. В регионе погибло около 100 тыс. детей в возрасте до 1 года [6, с. 79–80].

С окончанием войны была возрождена практика целенаправленного воздействия на обеспечение роста численности населения Сибири. Но чрезвычайные формы и методы максимального извлечения трудовых ресурсов из имевшегося демографического потенциала уже не могли быть морально оправданы и продолжены без серьезной их коррекции. Да и в практическом, житейском плане их дальнейшее использование представлялось неэффективным. Люди, трудившиеся во имя победы в войне, теперь вправе были получить возможность создавать семьи. О несовместимости экстраординарных решений военного времени с естественными демографическими процессами свидетельствовали многообразные реалии: отток из производственной сферы женщин-матерей, трудмобилизованных, пенсионеров, несовершеннолетних, а также молодых людей, ориентированных на приобретение среднего специального и высшего образования и, в конечном счете, общее истощение местных ресурсов рабочей силы. Демобилизация армии возвращала в Сибирь лишь малую часть изъятого в годы войны мужского населения. Фактически вернувшиеся фронтовики не возмещали очередной убыли мужского населения Сибири, призванного в послевоенные годы в Вооруженные силы. Первые поколения послевоенных призывников 1927 и последующих годов рождения, призванные в 1946–1948 гг. на действительную службу в послевоенную Советскую армию, оказались вынужденными находиться под ружьем два-три года сверх действовавших сроков срочной службы.

Показатели брачности, по сравнению с годами войны, заметно повысились. Однако и здесь проявлялись последствия войны. Мужчин в диапазоне активных возрастов (до середины 1920-х гг. рождения), вернувшихся живыми с войны, оказалось слишком мало, чтобы поднять уровень рождаемости. Тем не менее, освобождение от солдатского мундира миллионов мужчин привело к тому, что процесс компенсационного роста рождаемости приобрел параметры, сопоставимые с наиболее благополучными предвоенными годами [11, с. 271]. К середине 1950-х гг. была восстановлена довоенная численность населения страны. Однако в следующем пятилетии (1955–1959 гг.) процесс снижения уровня рождаемости усилился. «Залповая» рождаемость к началу 1950-х гг. была практически исчерпана. Положительные сдвиги в медицинском обеспечении материнства способствовали снижению детской смертности более чем вдвое, а общей смертности – почти на 50 %. Восстановление демографического потенциала и возвращение его в

режим устойчивого развития завершили в основном к середине 1950-х гг. При этом наряду с повысившейся во второй половине 1950-х гг. нормой естественного прироста численности населения продолжение получила практика организованной «накачки» Сибири миграционными потоками.

Таким образом, формирование населения Сибири происходило под сильным влиянием нового цикла миграционного перемещения населения с европейской территории за Урал. Все это в совокупности с воспроизводством населения как режимом замещения поколений способствовало росту общей численности жителей азиатских просторов России, мало пригодных для нормальной жизни людей, перемещавшихся сюда из других природно-климатических зон. Это было временем демографического благополучия. Смертность в Сибири сократилась с 15 % в 1947 г. до 7,3 % в 1959 г., в т. ч. в городских поселениях – до 6,9 %. Продолжительность жизни в конце 1950-х гг. достигла самых высоких за всю предыдущую историю развития региона показателей: для мужчин – 61,7 года, для женщин – 70,4 года [7, с. 80]. Общая численность проживавших в крае выросла с 17,1 млн чел. в 1940 г. (13,3 млн в 1945 г.) до 22,6 млн в 1959 г. (см. таблицу).

Демографические процессы на востоке России являлись следствием неуклонно осуществляемой приоритетной парадигмы советского государства, направленной на сдвиг производительных сил на восток, что объективно способствовало привлечению сюда населения на многочисленные рабочие места. Качественный рост населения стал общим явлением для данных территорий, но его динамика еще не набрала перспективной силы. Удельный вес сибиряков в составе всего населения Российской Федерации с 1937 по 2002 г. неуклонно возрастал при такой же неуклонной тенденции его понижения в общесоюзной численности [12, с. 13; 13, с. 39]. Данное противоречие свидетель-

ствовало о несоответствии объективной потребности страны в интенсивном развитии производительных сил Сибири и имеющегося количества рабочей силы, непосредственных производителей, и это представляло серьезный тормоз для успешного освоения стратегического региона России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. СПб., 1903. Ч. 3.
2. Андреев Д.Л. Собрание сочинений: в 3 т. М., 1995. Т. 2.
3. Можайскова И.А. Духовный облик русской цивилизации и судьба России: (опыт метаисторического исследования): в 4 ч. М., 2002. Ч. 4.
4. Зверев В.А. «Родится на смерть, умрет на живот»: естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. Барнаул, 2008. Вып. 2.
5. Шиловский М.В. Сибирский фронт: неоконченное путешествие по неизвестной земле // Евразия: региональные перспективы. Новосибирск, 2007.
6. Исупов В.А. Население Сибири в XX столетии: безрадостное прошлое, смутные перспективы // Человек. Труд. Занятость. Новосибирск, 1998. Вып. 2.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36.
8. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.
9. Платунов Н.И. Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941). Томск, 1976.
10. Алексеев В.В., Исупов В.А. Население Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1986.
11. Долголюк А.А., Ефимкин М.М., Ламин В.А. Трансформационные процессы в социальной структуре Новосибирской области в XX столетии. Новосибирск, 2005.
12. Калинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. М., 1976.
13. Воробьев В.В. Население Восточной Сибири: (современная динамика и вопросы прогнозирования). Новосибирск, 1977.

Статья поступила
в редакцию 22.08.2012

УДК 94(47)“1895/1914”

В.А. ЗВЕРЕВ

НАСЕЛЕНИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1895–1914 гг.: ДИНАМИКА ЕСТЕСТВЕННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА*

д-р ист. наук,
Новосибирский государственный
педагогический университет
e-mail: sosna232@yandex.ru

В статье впервые рассчитаны и найдены объяснение общие коэффициенты естественного движения населения (рождаемости, смертности, прироста) в Амурской, Приморской и Якутской областях, а также на о-ве Сахалин рубежа XIX–XX вв. Показатели сведены в динамические ряды, дифференцированы по городским и сельским поселенческим комплексам. Отмечены особенности ситуации в ряде своеобразных локальных и социальных групп: у амурского и уссурийского казачества, крестьян-старожилов, переселенцев и др.

Ключевые слова: историческая демография региона, естественное движение населения, демографические коэффициенты, городское население, сельское население, рождаемость, смертность, естественный прирост, Дальний Восток, Приамурье, Приморье, Якутия, Сахалин.

* Публикация подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.

В изучении актуальных вопросов воспроизводства населения России весьма важен исторический подход. Выработывая решения, соответствующие современным реалиям индустриальной и постиндустриальной эпохи, полезно понимать, от какого состояния демографическая сфера уходила на заре своей модернизации уже 100–120 лет назад, в т. ч. в восточных регионах нашей страны. Между тем в историко-демографической литературе, посвященной процессу воспроизводства населения в Азиатской России и, в частности, на Дальнем Востоке досоветского периода, естественное воспроизводство – извечный процесс замены одних поколений другими в круговороте рождаемости и смертности – изучено слабее всего.

Первая задача настоящей работы заключается как раз в том, чтобы в относительно целостном виде определить параметры естественного движения населения на территории Дальнего Востока в середине 1890-х – 1914 гг., с выделением ряда микроэтапов. Регион рассматривается в географических пределах Якутской, Амурской и Приморской областей, существовавших в начале изучаемого периода (выделение в 1909 г. из Приморья Камчатской области общие пределы не изменило). В территориальные рамки работы включается и о-в Сахалин, а с 1906 г. – оставшаяся в границах России его северная часть, оформленная в 1909 г. как Сахалинская область. Население изучаемого региона представлено не только суммарно: выделены жители всех дальневосточных областей, а также категории городских и деревенских жителей, ряд локальных и сословных групп. Таким образом, мы постарались выявить региональную, субрегиональную, поселенческую и иную специфику естественного воспроизводства населения в самом восточном крае страны, и в этом заключалась **наша вторая задача**.

В изучаемый период количество жителей Дальнего Востока быстро возрастало: с 1897 по 1914 г. их общая численность увеличилась с 641,7 до 1266,5 тыс. чел. – почти в 2 раза; в т. ч. в городах – в 3,3 раза (с 92,8 до 301,9 тыс.), а в деревне – в 1,8 раза (с 548,9 до 964,6 тыс. чел.) (подсчитано по: [1, с. 55]). Таким образом, городское население прирастало гораздо быстрее, чем деревенское. Темпы прироста в период столыпинских реформ (1906–1914 гг.), когда увеличились масштабы иммиграции в регион, были намного выше, чем на рубеже XIX–XX вв. Региональный прирост обеспечивала в первую очередь Приморская область, в меньшей степени – Амурская, в то время как в Якутии до 1906 г. наблюдался спад численности жителей, а в последующее время прибавление было небольшим.

Источниками изменения численности населения являлись в данном случае и естественный прирост, и механическое движение, а именно: а) приток переселенцев на Дальний Восток из-за пределов региона (добровольных переселенцев и ссыльных из западных районов России, иммигрантов из зарубежья); б) переезд части сельских жителей в города внутри региона. По нашим приблизительным подсчетам, в 1897–1913 гг. доля естественного прироста в общем увеличении численности населения составила в масштабах всего Дальнего Востока 26,7 %, в т. ч. в городском населении – 8,6, а в сельском – 35,8 % (подсчитано по: [1, с. 58]).

Из приведенных данных следует, что в целом по Дальнему Востоку естественное движение населения играло подчиненную роль по сравнению с движением механическим. Однако его роль была весьма значима во всем регионе, а в Якутской области естественный прирост безраздельно доминировал. В дальневосточных селениях естественный прирост имел большее значение, чем в городах. Таким образом, решение задач данной статьи получает дополнительную аргументацию.

В качестве **исторических источников** для расчета показателей естественного движения населения по этапам, согласно принятой нами методике, необходимы ежегодные данные об общей численности населения на начало и конец года, а также сведения о количестве рожденных и умерших за каждый год. В конце XIX – начале XX в. на Дальнем Востоке, как и в других регионах Российской империи, такие данные появлялись в ходе административно-полицейских исчислений населения, которые учитывали результаты демографических переписей и обследований, регистрацию переселенческого движения, обобщенные сведения метрических церковных книг о родившихся и умерших. С конца XIX в. интересующие нас материалы статкомитетов Дальнего Востока публиковались в «Обзорах» – приложениях к «всеподданнейшим» отчетам начальников областей. Будучи направлены в Министерство внутренних дел империи (МВД) – в Центральный статкомитет и, через посредство областных врачебных инспекторов, в главное врачебное ведомство – областные материалы в случае необходимости корректировались здесь и издавались в новых форматах. Дальневосточные реалии наряду со сведениями по Европейской России и иным регионам империи за весь изучаемый период представлены именно в изданиях врачебного ведомства – Медицинского департамента, с 1896 г. – Управления главного врачебного инспектора¹. Эти источники позволили нам построить и отразить в табл. 1–3 динамические ряды показателей естественного движения применительно к 1897–1914 гг. по всему населению, к 1902–1914 гг. – по городскому и сельскому населению².

¹ Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за 1896–1901 гг. СПб., 1905. С. 74, 80, 104; Отчет... за 1902 г. СПб., 1904. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1903 г. СПб., 1905. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1904 г. СПб., 1906. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1905 г. СПб., 1907. С. 28–29, 54–55; Отчет... за 1906 г. СПб., 1908. С. 30–31, 58–59; Отчет... за 1907 г.: таблицы. СПб., 1909. С. 35, 67; Отчет... за 1908 г.: таблицы. СПб., 1910. С. 35, 67; Отчет... за 1909 г. СПб., 1911. С. 34–35, 66–67; Отчет... за 1910 г. СПб., 1912. С. 34–35, 66–67; Отчет... за 1911 г. СПб., 1913. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1912 г. Пг., 1914. Ч. 2. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1913 г. Пг., 1915. С. 66–67, 98–99; Отчет... за 1914 г. Пг., 1916. С. 34–35, 66–67.

² Далее в табл. 1–3 и в тексте статьи в данных по Приморской области учтена и Камчатка, выделенная из Приморья в 1909 г. Население о-ва Сахалин (с 1906 г. – Северный Сахалин, с 1909 г. – Сахалинская область) учтено в 1897–1901 гг. с дифференциацией на городское и сельское, в 1908–1914 гг. условно как сельское. Естественное движение населения в Якутской области за 1914 г. из-за дефектности источника условно приравнено к движению в 1913 г. Показатели многолетних периодов везде найдены как среднее арифметическое всех годовых коэффициентов за рассматриваемый период. Годовые коэффициенты рождаемости и смертности измерялись 1000-кратным отношением числа рожденных или умерших к средней численности населения в рассматриваемом году.

Анализ рождаемости начнем с ситуации в сельском населении этапа 1895–1901 гг., относительно которого источники не позволяют построить полные динамические ряды показателей.

В Амурской области, где с 1893–1895 до 1899–1901 гг. общие коэффициенты рождаемости стартовали с 47 и превысили 50 ‰³, в православном населении казачьих станиц и поселков Амурского уезда детей рождалось гораздо больше. В 1899 г. показатель здесь достигал 59,1 ‰, в 1900 г. – 62,7, в 1901 г. – 58,8 ‰⁴. Такие величины приближаются к максимально возможному, они свидетельствуют об очень высокой репродуктивности амурского казачества, относительно зажиточного и уже закрепившегося на своей новой родине после перехода из Забайкалья в конце 1850-х – 1860-х гг. Вместе с тем в Уссурийской казачьей округе в 1901 г. рождаемость оказалась сравнительно низкой – 28,1 младенца на 1 тыс. чел. населения⁵.

В Якутской области в целом в 1894–1895 гг. рождаемость составляла 33,6 ‰⁶, но в якутских деревнях и аулах в 1895 г. – 34,1 ‰⁷. Во всей Приморской области в 1900–1901 гг. рождаемость составила 29,3 ‰, однако в преимущественно сельском населении (без учета наиболее крупных городов – Владивостока и Хабаровска) – 30,6 ‰⁸. На о-ве Сахалин, где почти все население можно было считать сельским, в 1893–1895 гг. рождаемость едва достигала 28 ‰⁹. В 1899–1901 гг. средний показатель здесь был еще ниже – 16 ‰. Для отдельных категорий населения, по данным на 1899 г., он варьировал таким образом: у крестьян из ссыльных – 13,2 ‰, у ссыльнопоселенцев – 18,9, у ссыльнокаторжных – 19,3, и лишь у лиц свободного состояния, которые составляли менее 1/5 части обитателей «каторжного» острова, – 35,8 ‰¹⁰. Такие низкие показатели репродукции объясняются диспропорциями в составе населения. В указанных субрегионах проживало намного больше мужчин, чем женщин, в Приморье в переселенческой среде и особенно на о-ве Сахалин среди ссыльных контингентов многие мужчины не состояли в браке, у

аборигенов Якутии меньше, чем у русских, была доля населения в детородном возрасте.

Рассмотрим динамику рождаемости в 1897–1914 гг., высчитанную на основе данных областных врачебных инспекторов, скорректированных в МВД (табл. 1). Рождаемость на Дальнем Востоке, как в общерегиональном масштабе, так и в обоих поселенческих комплексах на протяжении всех этапов была более низкой, чем в Европейской России и особенно в Сибири. Соотношение показателей в областях, взятых как целое, а также в отдельно рассматриваемых селениях оставалось таким же, как раньше: наибольшая рождаемость обнаруживалась в Приамурье, ему уступали Якутия и особенно Приморье. В городском же населении начиная с 1906 г. доминировала прокреация в Якутской области. После 1902 г. на Дальнем Востоке в целом рождаемость слабо сокращалась, что роднило регион с Европейской Россией, но отличало от Сибири. Тенденция к сокращению складывалась в деревнях, дальневосточные же города не были ей подвержены, в отличие от городов Европейской России.

Таблица 1

Позапная динамика рождаемости населения Дальнего Востока и его субрегионов в сравнительном плане, ‰

Годы	Якутская обл.	Амурская обл.	Приморская обл.	Дальний Восток	Сибирь	Европейская Россия
<i>Все население</i>						
1897–1901	40,0	49,4	29,7	36,5	49,9	46,8
1902–1905	41,4	54,3	31,0	39,1	47,6	45,8
1906–1909	39,0	53,0	32,6	38,0	52,3	44,3
1910–1914	37,3	49,5	32,4	37,6	51,5	40,8
<i>Городское население</i>						
1902–1905	45,6	49,7	24,4	33,2	42,2	37,0
1906–1909	57,4	48,3	29,8	35,9	48,9	36,8
1910–1914	64,6	47,9	25,8	33,2	40,7	32,4
<i>Сельское население</i>						
1902–1905	41,3	56,3	33,9	40,8	48,1	47,1
1906–1909	38,5	55,5	34,0	39,4	52,7	45,5
1910–1914	36,5	49,4	35,7	38,3	52,6	42,2

Картину дополнит анализ ситуации в некоторых специфических категориях населения. Начнем с казачества. В Уссурийском казачьем уезде Приморской области в 1906–1914 гг. рождаемость варьировала по годам в диапазоне от 35 до 48 ‰, в среднем она составила в 1906–1909 гг. 40,9 ‰, а в 1910–1914 гг. – 40,6 ‰¹¹. В казачьих станицах и поселках Амурской области в 1906–1909 гг. рождаемость колебалась в пределах 53–

³ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–1895 гг. СПб., 1898. Ч. 1. С. 5; Обзор Амурской области за 1898 г. Благовещенск, 1899. С. 27, ведомость 3; Обзор... за 1899 г. Благовещенск, 1900. С. 23–24, ведомость 3; Обзор... за 1900 г. Благовещенск, 1901. С. 4–5, ведомость 3; Обзор... за 1901 г. Благовещенск, 1902. С. 4–5, ведомость 3.

⁴ Там же.

⁵ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1900 г. Владивосток, 1902. С. 2, прил. 13; Обзор... за 1901 г. Владивосток, 1904. С. 22, ведомости «Население Приморской обл. в 1901 г.», «О движении населения в 1901 г.».

⁶ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...

⁷ Подсчитано по: Обзор Якутской области за 1894 г. Якутск, 1895. С. 45, ведомость 3; Обзор... за 1895 г. Якутск, 1896. С. 41–42, ведомость 3.

⁸ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1900 г.; Обзор... за 1901 г.; Обзор... за 1899 г. Владивосток, 1901. С. 2, прил. 13.

⁹ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...

¹⁰ Подсчитано по: Обзор острова Сахалин за 1899 г. Пос. Александровский, 1900. С. 6; Обзор... за 1900 и 1901 гг. Пос. Александровский, 1902. С. 9, 11–12.

¹¹ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1905 г. Владивосток, 1906. Прил. 1, 5; Обзор... за 1906 г. Владивосток, 1907. С. 2, прил. 5; Обзор... за 1907 г. Владивосток, 1908. С. 2, прил. 5; Обзор... за 1908 г. Владивосток, 1910. С. 2, прил. 4; Обзор... за 1909 г. Владивосток, 1911. С. 2, прил. 4; Обзор... за 1910 г. Владивосток, 1911. Прил. 1, 4; Обзор... за 1911 г. Владивосток, 1912. С. 7, прил. 4; Обзор... за 1912 г. Владивосток, 1914. С. 2, прил. 4; Обзор... за 1913 г. Владивосток, 1915. С. 7, прил. 4; Обзор... за 1914 г. Владивосток, 1916. С. 9, прил. 4.

67 ‰, ее средняя величина составляла 58,4 ‰. Вместе с тем репродукция крестьянского населения Амурского уезда в 1907–1909 гг. составляла 64,5 ‰¹².

У крестьянского населения Приморья и Приамурья самая высокая рождаемость наблюдалась среди весьма зажиточных и хорошо обустроенных крестьян-старожилов, т. н. стодесятинников (получивших в свое время семейный надел в 100 дес. земли). По данным на 1912 г., в Приморской области родилось 58 младенцев на каждую тысячу крестьян-старожилов¹³. Недавние переселенцы здесь имели более низкую рождаемость – до 46 ‰, однако по мере обустройства на новых местах репродуктивность в их среде возрастала и даже превышала рождаемость старожилов. Согласно данным на 1912 г., новоселы, прожившие в крае 5–10 лет, имели прокреацию уже на уровне 60,2 ‰¹⁴.

В Сахалинской области с ее экстремальными условиями жизни в 1909–1911 гг. рождаемость составляла всего 26,5 ‰¹⁵. В этнической среде коренных народов Дальнего Востока уровень рождаемости был гораздо ниже, чем у основной массы русского населения. По двухлетним данным за 1909–1910 гг., на 100 женщин среди оседлого (преимущественно русского) населения приходилось свыше 11 случаев рождений, а среди якуток – около девяти [2, с. 77]. При этом рождаемость в якутской среде выглядела относительно благополучной на фоне малочисленных аборигенных этносов.

Обратимся к *анализу смертности* – другой стороны естественного движения населения, начнем снова с сельской местности от середины 1890-х гг. до 1901 г.

В Амурской области с 1893–1895 до 1899–1901 гг. общие коэффициенты смертности слегка увеличились – с 30 до 32 ‰. В православном населении казачьих поселений Амурского уезда летальность жителей составляла в 1899 г. 43,1 ‰, в 1900 г. – 36,0, в 1901 г. – 35,1 ‰¹⁶. Она оказалась здесь более высокой, чем среди казачества и крестьянства в соседних местностях, что можно объяснить очень высокой рождаемостью у амурских казаков: в традиционном обществе была непомерно высока младенческая смертность. В Уссурийской казачьей округе Приморской области в 1901 г. смертность не превышала 24,8 ‰¹⁷.

В целом по Якутии смертность в 1894–1895 гг. составляла 21,2 ‰¹⁸, при этом в селениях области в

1895 г. – 27,5 ‰¹⁹. Во всей Приморской области в 1900–1901 гг. уходило из жизни 17,6 чел. на 1 тыс. душ населения, в преимущественно сельском населении (без учета наиболее крупных городов – Владивостока и Хабаровска) смертность составляла 17,2 ‰²⁰.

На о-ве Сахалин в 1893–1895 гг. смертность достигала 22 ‰²¹. В 1898 г. на острове умерло больше людей, чем родилось. В 1899–1901 гг. средний показатель летальности понизился до 14,8 ‰²². Согласно данным на 1899 г., в различных категориях населения ситуация была следующей: у крестьян из ссыльных – 16,2 ‰ (в этой категории смертность превысила рождаемость), у ссыльнокаторжных – 15,7, у ссыльнопоселенцев – 15,3, у лиц свободного состояния, имевших наилучшие условия жизни, – 4,7 ‰. За этот год имеются сведения и о детской смертности, благодаря которым мы высчитали: на острове умерло 68 из каждой тысячи детей²³.

Рассмотрим теперь динамику смертности в 1897–1914 гг., дифференцированную начиная с 1902 г. по городам и сельской местности (табл. 2). Выясняется, что летальность на Дальнем Востоке не только в региональном масштабе, но и в обоих поселенческих комплексах постоянно держалась на уровне более низком, чем в Европейской России и тем более в Сибири. В Приморье показатели были минимальными, а в Якутии и Приамурье – более высокими и близкими друг другу, но не в городском населении, где якутские величины, безусловно, доминировали. В масштабах всего региона в городах и селениях общие коэффици-

Таблица 2

Поэтапная динамика смертности населения Дальнего Востока и его субрегионов в сравнительном плане, ‰

Годы	Якутская обл.	Амурская обл.	Приморская обл.	Дальний Восток	Сибирь	Европейская Россия
<i>Все население</i>						
1897–1901	25,8	28,6	18,2	23,0	32,0	30,1
1902–1905	27,5	26,9	16,3	22,6	31,2	29,4
1906–1909	26,8	32,4	17,7	23,3	34,0	27,9
1910–1914	27,2	25,4	16,1	20,9	31,9	25,7
<i>Городское население</i>						
1902–1905	37,4	30,6	17,2	22,4	33,9	26,4
1906–1909	44,4	36,9	18,2	23,9	37,9	27,2
1910–1914	52,1	30,3	16,5	21,6	29,1	23,4
<i>Сельское население</i>						
1902–1905	27,1	25,2	16,0	22,7	30,9	29,8
1906–1909	26,5	30,4	17,5	23,1	33,6	28,1
1910–1914	26,5	23,6	15,9	20,6	32,1	26,0

¹² Подсчитано по: Обзор Амурской области за 1905 г. Благовещенск, 1906. С. 5–6, ведомость 4; Обзор... за 1906 г. Благовещенск, 1908. с. 5–6, вед. 4; Обзор... за 1907 г. Благовещенск, 1908. С. 5–6, ведомость 4; Обзор... за 1908 г. Благовещенск, 1910. С. 25–26, прил. 5; Обзор... за 1909 г. Благовещенск, 1910. С. 4–5, прил. 11.

¹³ Обзор Приморской области за 1912 г. С. 36.

¹⁴ Обзор Приморской области за 1911 г. С. 79; Обзор... за 1912 г. С. 38.

¹⁵ Подсчитано по: Обзор Сахалинской области за 1909 г. Пос. Александровский, 1910. С. I, VI–VII; Обзор... за 1911 г. Пос. Александровский, 1911. С. IV, VI–VII.

¹⁶ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...; Обзор Амурской области за 1898 г.; Обзор... за 1899 г.; Обзор... за 1900 г.; Обзор... за 1901 г.

¹⁷ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1900 г.; Обзор... за 1901 г.

¹⁸ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...

¹⁹ Подсчитано по: Обзор Якутской области за 1894 г.; Обзор... за 1895 г.

²⁰ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1900 г.; Обзор... за 1901 г.; Обзор... за 1899 г.

²¹ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...

²² Подсчитано по: Обзор острова Сахалин за 1899 г.; Обзор... за 1900 и 1901 гг.

²³ Подсчитано по: Обзор острова Сахалин за 1899 г.

енты смертности мало отличались друг от друга. Однако в Якутской и Амурской областях городские жители имели заметно более высокий уровень смертности.

Сравнивая показатели начального и заключительного этапов изучаемого периода, можно было бы сделать вывод о сокращении смертности во всем регионе, в отдельных субрегионах и поселенческих комплексах. Однако такую картину явно «портит» скачок смертности в 1906–1909 гг. в Приамурье и Приморье, а также в итоговых данных по Дальнему Востоку. Этот скачок имеет ту же природу, что и одновременный всплеск в Сибири. Временный подъем летальности на восточных окраинах страны был связан с повышенной смертностью среди многочисленных переселенцев «стольпинской волны», пик которой как раз приходился на 1906–1909 гг.

Обратим внимание на особенности смертности в ряде специфических категорий населения. На территории Приморья в Уссурийском казачьем уезде в 1906–1914 гг. смертность варьировала по годам в диапазоне 15–28 ‰. Среднее значение этого показателя в 1906–1909 гг. составляло 24,2 ‰, а в 1910–1914 гг. – 19,8 ‰²⁴. В казачьих станицах и поселках Амурской области в 1906–1909 гг. летальность колебалась между 30 и 44 ‰, средняя же величина составила 34,5 ‰. Крестьянское население Амурского уезда в 1907–1909 гг. имело более высокую смертность – 37,5 ‰²⁵.

Что касается крестьянского населения Приамурья и Приморья, то самый низкий уровень смертности отмечался у старожилов-стодесятильников. По данным на 1912 г., в Приморской области в их среде умерло только 21,6 чел. на 1 тыс. душ населения²⁶. Для крестьян-новоселов эта величина составляла 31,4 ‰, но по мере обустройства на новых местах летальность в их среде понижалась. У переселенцев, проживших в крае 5–10 лет, смертность была уже на уровне 27,4 ‰²⁷. Усредненная смертность преимущественно сельского населения Сахалинской области в 1909–1911 гг. составила 12 ‰²⁸. У аборигенного населения Дальнего Востока смертность была выше, чем у русских жителей.

Фактически мы уже перешли к *характеристике естественного прироста*, который интегрирует весь процесс естественного воспроизводства населения.

Амурская область на протяжении всего изучаемого периода имела самый высокий прирост по сравнению с соседними субрегионами. В 1893–1895 гг. он составлял в среднем 16,6 ‰, к 1899–1901 гг. еще повысился – до 18,2 ‰²⁹. В православном населении

казачьих станиц и поселков Амурского уезда в 1899 г. показатель составлял 16 ‰, а в 1900–1901 гг. он достиг поистине «взрывного» уровня в 25,2 ‰³⁰. Уссурийское казачество в Приморье, недавно организованное и переживавшее стадию становления хозяйственного и семейного быта на новых для русского человека местах, в отношении естественного возобновления поколений сильно уступало амурцам. В Уссурийской казачьей округе в 1901 г. прирост оказался очень низким – всего 3,3 ‰³¹.

В целом по Приморской области рождаемость превысила смертность в 1900 г. только на 10,7 ‰, в 1901 г. – на 12,8 ‰, однако в преимущественно сельском населении (без учета двух наиболее крупных городов) прирост был выше: 11,8 и 14,9 ‰ соответственно³². Якутская область в целом в 1893–1895 гг. тоже имела умеренный естественный прирост – в среднем 12,7 ‰³³. Однако 1895 г. оказался для этого субрегиона весьма неблагоприятным: и во всей Якутии, и в сельской местности прибавка составила только 6,6 ‰³⁴.

На о-ве Сахалин с его преимущественно несвободным (до 1906 г.) населением, дефицитом женщин и низким уровнем брачности естественный прирост являлся минимальным в течение всего изучаемого периода. В 1893–1895 гг. он достигал всего 5,7 ‰³⁵. В 1898 и 1900 гг. имели место отрицательные значения естественного прироста. За 1899–1901 гг. средний показатель с трудом «вышел в плюс» на уровень 1,2 ‰ – позитивно сказалось прибытие в 1899 г. на остров партии женщин. Тем не менее в том же году произошла естественная убыль у крестьян из ссыльных (рождаемость была меньше смертности на 3 ‰), ссыльнопоселенцы и каторжане имели минимальный прирост – по 3,6 ‰. Зато в среде немногочисленных в здешних местах лиц свободного состояния прирост оказался беспрецедентно высоким – 31,1 ‰³⁶. Объяснения этому факту обнаруживаются, во-первых, в специфической структуре свободного населения на острове (меньшая половая диспропорция, более высокий уровень брачности, большая доля лиц детородного возраста при малом количестве стариков и детей); во-вторых, в более благоприятной жизненной обустроенности свободных людей.

Изменения общих коэффициентов естественного прироста на Дальнем Востоке в 1897–1914 гг. показаны в табл. 3 в сравнении с другими регионами Российской империи. Итоговые показатели прироста здесь в 1897–1901 гг. заметно уступали Сибири и даже Европейской России. На этапе 1902–1905 гг. показатели Дальнего Востока, Сибири и Европейской России

²⁴ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1905 г.; Обзор... за 1906 г.; Обзор... за 1907 г.; Обзор... за 1908 г.; Обзор... за 1909 г.; Обзор... за 1910 г.; Обзор... за 1911 г.; Обзор... за 1912 г.; Обзор... за 1913 г.; Обзор... за 1914 г.

²⁵ Подсчитано по: Обзор Амурской области за 1905 г.; Обзор... за 1906 г.; Обзор... за 1907 г.; Обзор... за 1908 г.; Обзор... за 1909 г.

²⁶ Обзор Приморской области за 1912 г. С. 36.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Подсчитано по: Обзор Сахалинской области за 1909 г.; Обзор... за 1911 г.

²⁹ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...; Обзор Амурской области за 1898 г.; Обзор... за 1899 г.; Обзор... за 1900 г.; Обзор... за 1901 г.

³⁰ Там же.

³¹ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1900 г.; Обзор... за 1901 г.

³² Подсчитано по: Там же; Обзор Приморской области за 1899 г.

³³ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...

³⁴ Подсчитано по: Обзор Якутской области за 1894 г.; Обзор... за 1895 г.

³⁵ Подсчитано по: Отчет Медицинского департамента...

³⁶ Подсчитано по: Обзор острова Сахалин за 1899 г.; Обзор... за 1900 и 1901 гг.

Таблица 3

**Поэтапная динамика естественного прироста населения Дальнего Востока и его субрегионов
в сравнительном плане, ‰**

Годы	Якутская обл.	Амурская обл.	Приморская обл.	Дальний Восток	Сибирь	Европейская Россия
<i>Все население</i>						
1897–1901	14,2	20,8	11,5	13,5	17,9	16,7
1902–1905	13,9	27,4	14,7	16,5	16,4	16,4
1906–1909	12,2	20,6	14,9	14,7	18,3	16,4
1910–1914	10,1	24,1	16,3	16,7	19,6	15,1
<i>Городское население</i>						
1902–1905	8,2	19,1	7,2	10,8	8,3	10,6
1906–1909	13,0	11,4	11,6	12,0	11,0	9,6
1910–1914	12,5	17,6	9,3	11,6	11,6	9,0
<i>Сельское население</i>						
1902–1905	14,2	31,1	17,9	18,1	17,2	17,3
1906–1909	12,0	25,1	16,5	16,3	19,1	17,4
1910–1914	10,0	25,8	19,8	17,7	20,5	16,2

выровнялись. В изучаемом регионе при этом обнаружился интересный феномен: сочетание наибольшего за весь изучаемый период наблюдений прироста в селениях и наименьшего – в городах (кроме приамурских, в это время «оседлавших демографическую волну»). В 1906–1909 гг. регион пережил некоторый спад естественного прироста населения, затем показатели снова стали расти. Таким образом, если в соседней Сибири со временем происходило неуклонное увеличение масштабов естественного прироста, а в Европейской России – его слабое сокращение, то на Дальнем Востоке определенная тенденция в динамике показателей так явно не обнаруживается. Пожалуй, можно говорить о некотором хронологическом нарастании масштабов естественного возобновления поколений, но с двумя оговорками: нарастание прослеживается только при суммировании городских и сельских параметров; действие указанной тенденции прерывалось в 1906–1909 гг.

В различных локальных и социальных категориях населения естественный прирост после 1902 г. являл собой очень пеструю картину. В Уссурийском казачьем уезде Приморской области начиная с 1906 г. он год от года возрастал. Увеличившись от 11,1 до 28,1 ‰ в 1910 г., он затем столь же последовательно сокращался – до 15,7 ‰ в 1914 г. Средние величины по выделенным нами этапам выявляют генеральную тенденцию к увеличению прироста в начале XX в.: 16,8 ‰ в 1906–1909 гг. и 20,8 ‰ в 1910–1914 гг.³⁷ В казачьих поселениях на Амуре прирост тоже быстро увеличивался – с 9,2 ‰ в 1906 г. до 37 ‰ в 1908 г., но в 1909 г. немного «сдал назад» – до 30,2 ‰. В крестьянском населении Амурского уезда в 1907 г. наблюдалось умеренное приращение (11 ‰), но средний показатель

за два последующие года выглядит впечатляюще: 35 ‰³⁸.

Вследствие сочетания высокой рождаемости и низкой смертности у зажиточных крестьян-старожилов на юге Дальнего Востока естественный прирост достигал едва ли не рекордных масштабов. По данным по Приморской области за 1912 г., у них общий коэффициент достигал 36,4 ‰³⁹. Крестьяне-переселенцы в здешних местах по сравнению со старожилами-стодесятинниками находились в менее выгодном положении, но даже у них показатель «зашкаливал» до 26,3 ‰. Проводившие обследование сельского быта статистики констатировали: со временем, по мере снижения смертности, прирост в среде новоселов успешно достигает старожильческого уровня. Даже на Сахалине с его неблагоприятными для естественного воспроизводства населения условиями в предвоенный период ситуация выправилась. В 1909–1911 гг. прирост приближался уже к 15 душам на 1 тыс. чел. населения⁴⁰.

В неблагоприятном положении находилось аборигенное население региона. Якуты, самый многочисленный здешний этнос, с 1897 по 1917 г. имели средний ежегодный прирост всего в 5 ‰. Историк Ч.Г. Андреев, приводящий в своей книге эту величину, комментирует ее следующим образом: «Такого низкого показателя естественного прироста не наблюдалось ни у одного нерусского народа Российской империи» [3, с. 53]. Однако это утверждение неточно: у малочисленных этнических групп Дальнего Востока на рубеже XIX–XX вв. был еще более низкий прирост, у некоторых из них сокращалась и численность (тунгусо-манчжурское население, юагиры, ительмены, нивхи, айны) [2, с. 79–80].

³⁷ Подсчитано по: Обзор Приморской области за 1905 г.; Обзор... за 1906 г.; Обзор... за 1907 г.; Обзор... за 1908 г.; Обзор... за 1909 г.; Обзор... за 1910 г.; Обзор... за 1911 г.; Обзор... за 1912 г.; Обзор... за 1913 г.; Обзор... за 1914 г.

³⁸ Подсчитано по: Обзор Амурской области за 1905 г.; Обзор... за 1906 г.; Обзор... за 1907 г.; Обзор... за 1908 г.; Обзор... за 1909 г.

³⁹ Обзор Приморской области за 1912 г. С. 36.

⁴⁰ Подсчитано по: Обзор Сахалинской области за 1909 г.; Обзор... за 1911 г.

Подводя общие итоги, констатируем, что Дальневосточный регион в целом, как и входящие в него субрегионы, в течение изучаемого периода имел фундаментальное единство режима возобновления поколений: все параметры естественного движения населения соответствовали стандартам традиционного общества с его высокой смертностью, которая компенсировалась еще более высокой рождаемостью. В то же время выявляется и существенная разница между областями и поселенческими группами в конкретных диапазонах показателей, что можно объяснить различиями в социальном и половозрастном составе населения, а также социально-экономическими и социокультурными особенностями жизни. Наиболее высокие ежегодные показатели естественного движения населения – рождаемости, смертности и прироста – отмечались в Амурской области. Естественный прирост здесь чаще всего был выше 20 %, что знаменует ситуацию демографического «взрыва». На втором месте находилась Якутская область, Приморье отставало от обоих соседних регионов по всем параметрам до 1903 г., но затем по уровню естественного прироста уверенно обогнало Якутию.

В построенных нами диахронических рядах имеет место определенная устойчивость большинства показателей. Эпизодически случавшиеся более резкие годовые колебания (например, в 1900 и 1907 гг.),

связанные с воздействием эндогенных факторов – эпидемий, политических потрясений, имели неполную синхронность в субрегионах. Сравнение двух этапов (1897–1905 и 1906–1914 гг.) показывает, что с течением времени в Якутии и Амурской области рождаемость населения немного понизилась, а смертность – возросла, что привело к небольшому сокращению естественного прироста. Однако в целом по Дальнему Востоку естественный прирост обнаружил слабую тенденцию к увеличению, поскольку рождаемость немного повысилась, а смертность сократилась, и это соответствовало динамике показателей в Приморской области, население которой к концу изучаемого периода составляло более половины всех жителей региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зверев В.А. «Ну, посчитаемся своими»: демографические и миграционные процессы в Азиатской России XIX – начала XX в. // Проблемы исторической демографии Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 2. С. 42–68.
2. Азиатская Россия : в 4 т. СПб., 1914. Т. 1.
3. Андреев Ч.Г. Коренные народы Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: модернизация и традиционный образ жизни. Улан-Удэ, 2001.

Статья поступила
в редакцию 23.08.2012

УДК 94(47).083/084.3

Ю.М. ГОНЧАРОВ¹, В.Н. ФАРОНОВ²

ЛЮДНОСТЬ СЕМЕЙ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.*

¹д-р ист. наук,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул
²канд. ист. наук,
Алтайский государственный университет,
г. Барнаул
e-mail: yuriig@yandex.ru

В статье рассматриваются изменения в общей и детской лодности рабочих семей Западной Сибири в первой четверти XX в. В начале века наблюдалась тенденция сокращения размеров рабочих семей, сменявшаяся к 1920-м гг. временной тенденцией роста. Отмечается также уменьшение лодности детей. Причинами этого являются: постепенное ослабление экономической необходимости многодетности по мере уменьшения зависимости рабочих от сельского хозяйства; возрастающее участие женщин в производстве; неразвитость капитализма в Сибири и соответствующая этому относительно малая востребованность дешевого детского труда.

Ключевые слова: Сибирь, рабочие, семья, демография, лодность, дети.

Проблемы исторической демографии в последние годы привлекают все большее внимание отечественных исследователей, в т. ч. сибирских. Тем не менее, несмотря на активизацию историко-демографических

исследований, остается еще немало вопросов, которым историки уделяют недостаточное внимание. Одной из малоизученных проблем являются демографические процессы в семьях рабочих. Недостаток внимания к этой теме во многом связан с особенностями постсоветской историографии, одной из характерных черт которой можно признать резкое ослабление интереса к «истории рабочих». В данной статье авторы попыта-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 12-01-00100а.

лись частично закрыть существующую лауну, обратив внимание на такой частный сюжет, как изменение людности рабочей семьи Сибири в первой четверти XX в., преимущественно на материалах Томской губернии (в административных границах до 1917 г.).

В ходе анализа людности рабочих семей Томской губернии, проведенного на материалах архивных фондов Барнаула, Новосибирска и Томска, была установлена близость семей рабочих к семьям мещан и проживавших в городе крестьян. Однако рабочие семьи уступали по величине количественных показателей семьям купцов, духовенства и крестьян, проживавших на селе [1, с. 330–331]. Исследование людности семей рабочих в исторической динамике позволило выявить здесь тенденцию к количественному росту. Так, если в 1901–1914 гг. средняя людность равнялась 3,1–3,8 чел. на семью, то в начале 1920-х гг. наблюдается ее значительное увеличение – до 3,6–4,6 чел. на семью.

Тенденция к количественному росту рабочих семей прослеживается и при рассмотрении показателя размера семьи. Так, до 1917 г. семей размером 1–5 чел. было 73,8–94 %, а в 1920-е гг. – 65,6–80,4 %. Вместе с тем увеличилось количество семей, состоявших из 6–10 чел.: с 6–24,6 % в начале века до 17,2–33,8 % в начале 1920-х гг. Это в целом соответствует отмеченному выше росту людности семей в 1920-е гг. Однако количество семей, состоявших из более чем 10 чел., снизилось соответственно с 0–1,6 % до 0–0,7 %¹, что явилось, пусть и малозаметным, признаком продолжавшегося становления малой семьи.

Увеличение размеров семей рабочих объясняется прежде всего ухудшением жизненных условий, вызванным Гражданской войной и политикой «военного коммунизма», а также значительным притоком в ряды рабочего класса крестьян. Поэтому характеристика увеличения людности семей рабочих в начале 1920-х гг. по отношению к тому же показателю дореволюционного периода вряд ли может служить основанием для вывода о регрессе в развитии семьи.

Совсем иная ситуация складывается при рассмотрении показателя людности детей. Средняя людность детей в рабочих семьях составляла 1,3–2,3 чел. Это соответствует средним показателям городской семьи: например, в Бийске в 1862 г. – 2,26 чел., в Тобольске в 1897 г. – 1,86 чел.² Следует отметить некоторое снижение количества детей в рабочих семьях в 1920-е гг. относительно начала века. Так, если в 1901–1913 гг. людность детей колебалась между 1,3 и 2,3 чел., то в 1920–1923 гг. этот показатель составлял 1,8–1,9 чел.³

¹ Подсчитано по: ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736; Ф. 10. Оп. 1. Д. 555; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 135; ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 136, 327; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 101, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123; Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 206; Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 801–823, 950–1001.

² Подсчитано по: ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 761; ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 1–38.

³ Подсчитано по: ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736; Ф. 10. Оп. 1. Д. 555; Ф. 1328. Оп. 1. Д. 135; ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 136, 327; ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123; Ф. Р-212. Оп. 1. Д. 950–1001.

Таким образом, выявляется факт противоречивого демографического развития семей рабочих: с одной стороны, наблюдается укрупнение семей, а с другой – значительное снижение людности детей. Если первое, как пояснялось выше, стало следствием адаптации населения к экстремальным условиям существования и было временной тенденцией, то второе представляло собой уже одну из основных тенденций трансформации рабочей семьи при переходе от аграрного к индустриальному типу общества.

Основной причиной снижения людности детей в рабочих семьях следует признать снижение экономической целесообразности многодетности по мере того, как основным источником существования становился наемный труд, а не домашнее хозяйство, в котором востребованность труда детей была достаточно велика. По этому поводу историками отмечалось: рабочие, подобно крестьянам, «также тесно были связаны с землей, но это определялось в первую очередь попытками улучшить свое материальное положение, получая собственные продукты питания. Многие из городских рабочих имели собственные дома, усадебные участки, скот, летом заготавливали сено» [2, с. 265]. О вспомогательном характере сельскохозяйственных занятий для сибирских рабочих говорится и в коллективной монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период». В частности, приводится такой пример: «...когда в 1897 г. закрылся сахарный завод Гусевых в Минусинском уезде, то его работники оказались в бедственном положении, так как труд на заводе и свекловичных полях представлял главный источник их доходов» [3, с. 196].

Однако недооценивать связь рабочих с землей также представляется неверным. Так, в вышеназванной работе отмечалось: «Предприниматель, учитывая эту связь работника с землей, снижал заработную плату... работник довольствовался ею, рассчитывая на сельскохозяйственное подспорье. Такая взаимосвязь консервировала на долгое время переходное состояние массы рабочих, задерживая их социальное развитие» [3, с. 305]. А если еще учесть сезонность работ большинства предприятий, то зависимость многих рабочих от земли предстанет еще более обостренной.

Основная же масса рабочих вообще не имела никакого домашнего хозяйства, а часто и собственного жилья. Домами по преимуществу владели бывшие мастеровые и крестьяне, работавшие на предприятиях в сельской местности, а также некоторые из мещан, имевшие либо дома, либо доход, достаточный для снятия квартиры [4, с. 110–111]. В качестве примера можно привести потомков мастеровых, проживавших в районе бывшего Барнаульского сереброплавильного завода и ставших рабочими частных промышленных заведений. Как правило, они занимали отцовские и дедовские дома, имели приусадебные участки и скот [5, с. 286].

Совсем другим было положение пришлых рабочих: они вынуждены были снимать комнаты либо довольствоваться жильем, которое предложит хозяин. Б.К. Андрющенко пишет: «Жилье сибирских рабочих было типичным для дореволюционной России: общие казармы для одиноких, с закутками для семейных;

квартиры и углы, сдаваемые в наем; собственные дома; производственные помещения, которые в ночное время использовались для сна» [4, с. 111]. Можно привести конкретные примеры. Так, в 1912 г. только 23,3 % рабочих, трудившихся в булочных мастерских Томска, имели отдельные помещения для жилья, прочие же спали непосредственно в рабочих помещениях, многие – на столах для теста и на мешках с мукой. В фабричных бараках жили в конце XIX – начале XX в. рабочие винокуренных заводов Платонова под Бийском, Юдалевича в Мариинском округе, Чердынцева там же, каинского купца Шкroeва, салотопенного и мыловаренного завода Жернакова в Колывани, паровой мельницы Рудзинских в Новониколаевске и др. [5, с. 287–288].

В целом жилищно-бытовые условия рабочих оставались в основном весьма тяжелыми, хуже, чем в Европейской России. Оставались они тяжелыми и в дальнейшем. Например, в Барнауле в 1924 г., согласно «Квартирным картам всесоюзной городской переписи», из 682 обследованных 1–2-комнатных квартир рабочих в 96 (15,3 %) жили по две семьи, в 17 (2,7 %) – по три, в двух (0,32 %) – по четыре, и в одном случае (0,16 %) вместе жили сразу пять семей. В.А. Скубневский отмечает, что в 1925 г. в Барнауле неудовлетворительными жилищные условия были у 52 % рабочих, а у 43 % единственная комната служила и кухней [5, с. 290].

Другим фактором снижения рождаемости в рабочей среде становилась все большая вовлеченность женщин в трудовую деятельность. Так, по данным переписи 1897 г., в Сибири в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве и в прислуге женщины-работницы составляли 25 % от общего числа рабочих. В обрабатывающей промышленности доля женщин среди всех сибирских рабочих составляла 9,1 %. Среди горнорабочих женщин было 8,5 %; на винокуренных, пивоваренных и некоторых других предприятиях в 1905 г. – 13,5 %; на спичечных предприятиях – 38,1 % [3, с. 199]. В 1914 г. на предприятиях Сибири, подчиненных контролю фабрично-заводской инспекции, женщин было уже 16,6 % от общего числа рабочих [2, с. 282]. При отсутствии детских дошкольных учреждений (яслей, детских садов), социального страхования, квалифицированной врачебной помощи женщина-работница была поставлена в такие условия, при которых она предпочитала уклониться от своих материнских функций.

Однако нельзя не отметить и того, что в период развития промышленного капитализма наблюдались высокая рождаемость и значительный прирост населения – как в Европе, так и в России [6, с. 73]. Это было связано в первую очередь с тем, что развивающееся производство необычайно высоко подняло спрос на детский труд. По этому поводу демограф Б.Ц. Урланис писал: «Так как операции промышленного рабочего, поставленного у какого-нибудь станка, не требовали большой физической силы, то появилась возможность использовать труд детей... Этим капиталисты очень скоро воспользовались, и тысячи детей были привлечены на фабрики, работая до изнеможения за нищенскую плату. Подобный широкий спрос на детский труд при-

вел к тому, что содержание детей родителям несколько облегчалось» [7, с. 406]. Таким образом, детский труд стал приносить выгоду также родителям детей. Рост людности детей в данный период отмечался практически во всех европейских странах [8, с. 205].

Нельзя и уменьшать значение детского труда на производстве для семейного бюджета рабочих. В этой связи интересен приводимый Б.К. Андриющенко факт: «Когда на Тельменской фабрике было издано распоряжение об удалении с производства детей рабочих, то оно не было выполнено, поскольку “отцы нашли в нем прямое посягательство на уменьшение их заработков”» [4, с. 105]. Тем не менее показатель удельного веса детей среди рабочих Сибири был относительно низким. По данным переписи 1897 г., в Западной Сибири детей до 15 лет среди рабочих было только 3,8 % [9, с. 105]. Правда, в дальнейшем их число увеличивалось и в 1914 г. их удельный вес в целом по Сибири составил 12,6 % [10, с. 85].

Подводя итог, мы можем определить основные процессы демографического развития рабочей семьи Томской губернии, исходя из анализа количественных показателей людности и размеров семей, а также людности детей, следующим образом: 1) в начале XX в. наблюдалась тенденция к сокращению размера рабочих семей, сменившаяся к 1920-м гг. временной тенденцией к росту этого показателя; 2) отмечается также тенденция, но уже поступательная, без регрессий, к уменьшению людности детей. Причинами этого являются: постепенное исчезновение экономической целесообразности многодетности по мере уменьшения зависимости рабочих от сельского хозяйства; возрастающее участие женщин в производстве; неразвитость капитализма в Сибири и соответствующая этому относительно малая востребованность дешевого детского труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фаронов В.Н. Рабочая семья Томской губернии 1900–1920-х гг. // Актуальные вопросы истории Сибири: VI науч. чтения памяти проф. А.П. Бородавкина. Барнаул, 2007. Ч. 1.
2. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: Население. Экономика. Барнаул, 2003. Ч. 1.
3. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982.
4. Андриющенко Б.К. Экономическое положение рабочих обрабатывающей промышленности Сибири в пореформенный период // Из истории Сибири. Томск, 1998.
5. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 1991. Т. 1.
6. Араловец Н.А. Городская семья в России 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003.
7. Урланис Б.Ц. Рост населения в Европе (опыт исчисления). М., 1941.
8. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX в.). М., 1997.
9. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1981.
10. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири. Томск, 1991.

Статья поступила
в редакцию 26.08.2012

УДК 94(47)“1890/2012”

К.А. ЗАБОЛОТСКАЯ¹, А.В. БЕЛЬКОВ²**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО КУЗБАССА
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI в.)**¹д-р ист. наук,
Кемеровский государственный университет
e-mail: noi@history.kemssu.ru²канд. ист. наук,
Кузбасский государственный технический университет,
г. Кемерово
e-mail: nev.spor@kuzstu.ru

В статье анализируются основные факторы, определяющие динамику численности населения Кузбасса в конце XIX – начале XXI в., и на этой основе формулируются определяющие тенденции демографического развития региона – высокие темпы роста численности населения вследствие активных урбанизационных процессов; изменение половозрастной структуры и уровня рождаемости как долгосрочные последствия Великой Отечественной войны; проявление с начала 1990-х гг. общероссийской тенденции сокращения численности населения и удельного веса горожан.

Ключевые слова: население, естественное воспроизводство, рождаемость, смертность, миграция, урбанизация.

Кузбасс уже с конца 1930-х гг. прочно закрепил за собой роль «второго Донбасса» в народном хозяйстве СССР, стал фундаментом экономики Сибири. Велика его роль в годы Великой Отечественной войны, важное место он занимает и в экономике современной России. Чтобы сохранять занятые позиции, необходимо не только наличие богатых природных ресурсов, но и профессиональных кадров, способных обеспечить их добычу и переработку.

На протяжении многих лет Кузбасс постоянно испытывал дефицит рабочих рук, особенно квалифицированных. На разных этапах советской истории руководство страны по-разному решало эту проблему, чаще всего за счет привлечения временного контингента путем оргнабора, различного рода мобилизаций и призывов, наконец, принудительного направления спецконтингентов. Активной демографической политики, направленной на закрепление в регионе прибывающего населения и формирование трудовых ресурсов из состава постоянных жителей, целенаправленно не проводилось. Между тем ряд особенностей экономического и социально-политического развития в Кузбассе оказывал непосредственное влияние на численность и состав его населения, формирование демографических тенденций.

Некоторые демографические тенденции Кузбасса восходят к досоветскому времени. Следует также отметить, что рассматриваемая территория длительное время не являлась самостоятельной административной единицей, поэтому данные о численности, составе и другие сведения о ее населении в демографических переписях и различных статистических разработках отдельно не выделялись¹. Это обстоятельство затруд-

няет сравнительный анализ и требует дополнительных пояснений и обоснований относительно имеющихся данных.

В конце XIX в. согласно существовавшему административно-территориальному делению России почти вся территория Кузнецкого бассейна относилась к Томской губернии. Губернское деление России сохранялось и после установления, а позднее и восстановления советской власти в районах, охваченных ранее Гражданской войной, в т. ч. в Сибири. Только в 1925 г. (постановлением ВЦИК от 25 мая) был создан Сибирский край, разделившийся в июле 1930 г. на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский края. После выделения из Западно-Сибирского края Омской области (1934 г.) и Алтайского края (1937 г.) на оставшейся территории была создана Новосибирская область. В соответствии с изменениями административно-территориального деления огромной территории (первоначально до 1925 г. именовавшейся в документах как «Сибирь») Кузнецкий угольный бассейн относился последовательно к территории Сибири, Сибирского края, Западно-Сибирского края, Новосибирской области [1, с. 79]. В 1943 г., когда страна остро нуждалась в угле и металле, получаемых из Кузбасса, из состава Новосибирской области была выделена Кемеровская область, в которую вошла основная территория Кузнецкого бассейна².

В официальных документах и научной литературе новое административно-территориальное образование наряду с Кемеровской областью именовалось также «Кузбассом» [2; 3]. Строго говоря, границы Кузнецкого угольного бассейна (Кузбасса), выходят за пределы Кемеровской области, но на динамику и тенденции демографических процессов это не оказы-

¹ Труды ЦСУ М., 1921. Т. 1, вып. 3; Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1943. № 5.

вает существенного влияния. Важно отметить другое. Численность, состав и другие демографические показатели, характеризующие население Кузбасса, до 1943 г. определялись методом расчета на основании демографических переписей, в которых, как правило, выделялись только сведения по отдельным городам и населенным пунктам, относящимся к Кузбассу. Исключение составила лишь проведенная Запсибкрайпланом в 1931 г. перепись городского населения Кузбасса³.

У исследователей есть возможность проанализировать и оценить демографическую ситуацию в Кемеровской области на основании официальных данных переписей начиная с Всесоюзной переписи населения СССР 1959 г. и кончая последней Всероссийской переписью населения 2010 г. Анализ динамики численности, состава и других статистических показателей, характеризующих население, проживающее на территории Кемеровской области, позволяет выявить здесь определенные тенденции в демографических процессах.

В конце XIX в. Кузбасс, как и Сибирь в целом, относился к малонаселенным окраинам России с преобладанием сельского населения. Согласно данным Первой Всероссийской переписи населения 1897 г., на территории Мариинского и Кузнецкого округов, охватывавших основную часть современной Кемеровской области, проживало 299,5 тыс. чел., из них жители сельской местности составляли 96,2 %, городов – менее 4 %; крестьяне составляли 75,5 % всех жителей указанных территорий. Это было в основном местное население, которое еще не затронули миграционные процессы, более 78 % населения родилось в Томской губернии. На территории Кузнецкого округа родилось и проживало 84,5 % всех жителей, на территории Мариинского округа – 65,2 %⁴.

Толчком к началу активного освоения природных ресурсов Кузбасса стал ввод в действие Транссибирской железнодорожной магистрали, которая не только начала активно потреблять уголь, добытый в Кузбассе, но и частично транспортировать его в западном направлении. Еще более активизировалась добыча угля после создания на территории Кузбасса в 1912 г. акционерного общества «Кузнецкие каменноугольные копи» («Копикуз»). Увеличение спроса на уголь оказало благотворное влияние на демографическую ситуацию в Кузбассе. Стала быстро расти численность населения городов и рабочих поселков. В 1913 г. городское население Кузбасса достигло 30 тыс. чел.⁵, увеличившись по сравнению с концом XIX в. (1897 г.) почти в 3 раза. Уже в эти годы темпы роста городского населения Кузбасса стали опережать аналогичные среднесибирские показатели [4, с. 19]. В 1917 г., по данным М.В. Шиловского, горожане на территории Кузбасса составляли уже 75,8 тыс. чел. За два десятилетия их численность возросла почти в 7 раз, удельный вес в населении бассейна с 3,8 % (1897 г.) поднялся до 12,2 % [5, с. 17].

Таким образом, начало промышленного освоения природных богатств Кузбасса, особенно его угольных месторождений, еще в Российской империи стимулировало рост численности и удельного веса его городского населения, заложило прочные основы урбанизации – одной из первых и наиболее устойчивых демографических тенденций региона.

Первая мировая, а затем и Гражданская войны, как и любая другая война (особенно когда она ведется на территории данной страны), оказали на демографическую обстановку в стране негативное воздействие. В годы Первой мировой войны, несмотря на влияние ряда негативных факторов, население Сибири росло, причем преимущественно в сельских районах. За 1914–1917 гг. оно увеличилось на 852,1 тыс. чел., в т. ч. на 116,7 тыс. чел. в городах и 735,4 тыс. чел. в сельской местности [6, с. 48]. Перед европейскими территориями России у Сибири имелись значительные преимущества. Это был глубокий тыл, к тому же район, богатый хлебом и активно осваиваемый переселенцами. Такими преимуществами обладал и Кузбасс. По подсчетам, сделанным на основании данных, приведенных М.В. Шиловским (городское население Кузбасса в 1917 г. достигло 75,8 тыс. чел. и составляло 12,2 % населения), всего здесь в 1917 г. проживало 621,3 тыс. чел. [5, с. 17].

Первая перепись населения в годы советской власти проведена в 1920 г. по состоянию на 28 августа. Завершалась Гражданская война, страна приступала к мирному строительству, выявлению его перспектив (план ГОЭЛРО). В связи с этим необходимо было иметь представление прежде всего о наличии людских ресурсов.

В 1920 г. территория Кузбасса по-прежнему входила в состав Томской губернии (Мариинский, Щегловский, Кузнецкий уезды и 16 волостей Томского уезда). Первая мировая и Гражданская войны сопровождалась людскими потерями, массовыми эпидемиями, снижением рождаемости и увеличением смертности. В целом на территории Кузбасса, как и всей Сибири, увеличилось городское и сельское население. По приблизительным подсчетам, зафиксированным Всероссийской демографической переписью 1920 г., в границах современной Кемеровской области численность населения в городах и поселках городского типа колебалась в пределах 84,9–92,4 тыс. чел., или около 11,2–12,0 % наличного населения⁶.

В восстановительный период экономика Кузбасса развивалась неравномерно. Уже тогда индикатором ее развития была угольная отрасль. Спрос на уголь сменился непродолжительным кризисом сбыта, а затем новым повышенным спросом. Колебалась и численность рабочих, прежде всего шахтерских кадров. С 1923 г. население Кузбасса устойчиво растет. Только с марта 1923 г. по декабрь 1926 г. численность населения кузбасских городов увеличилась в 1,7 раза⁷.

³ Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. Новосибирск, 1931.

⁴ Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб, 1904. Т. 79. С. V, 1–3.

⁵ Кемеровская орденоносная: стат. сб. Кемерово, 1968. С. 6.

⁶ Подсчитано по: Предварительные итоги переписи населения 28.08.1920 г. М., 1921. С. 8, 11, 13.

⁷ Подсчитано по: Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. С. VIII.

Курс на ускоренную модернизацию экономики СССР в годы довоенных пятилеток вызвал бурный рост индустрии Кузбасса. Создание Урало-Кузнецкого комбината, выполнение сверхнапряженных плановых заданий, строительство новых крупных промышленных предприятий – все это требовало привлечения дополнительной рабочей силы и привело к небывалому росту численности населения региона и усилению процессов урбанизации. Динамику численности населения Кузбасса определяли горожане. За 1926 – начало 1941 г. население здесь выросло в 4,3 раза: с 404,7 тыс. до 1762,2 тыс. чел. За эти же годы городское население увеличилось в 15,1 раза – с 66,9 тыс. до 1010,4 тыс. чел., а его удельный вес поднялся с 16,5 до 57,3 %. Сельское население увеличивалось сравнительно низкими темпами – только в 2,2 раза: с 337,8 тыс. до 751,8 тыс. чел., при этом удельный вес снизился с 83,5 до 42,7 %⁸.

С началом форсированной модернизации произошли изменения в характере естественного воспроизводства населения. Активное привлечение женщин в общественное производство привело к снижению рождаемости, особенно в городах. Этот процесс не могло сдержать даже существенное пополнение горожан жителями села. Хотя накануне Великой Отечественной войны в 1940 г. коэффициент рождаемости в Кузбассе был достаточно велик – 38 ‰, но высок был и коэффициент смертности – 19 ‰. Видимо, уже тогда на здоровье населения повлиял формирующийся индустриальный профиль региона с преобладанием отраслей тяжелой промышленности с жизнеопасными условиями труда. Кроме того, высока была смертность среди спецпереселенцев, пополнявших население Кузбасса в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Приведем для примера всего две цифры. Согласно переписи городского населения 1931 г. (без учета Мариинска и Тайги) в Кузбассе проживало 262 709 чел.⁹ В сентябре 1933 г. на спецучете значилось 106 862 спецпереселенца [7, с. 14]. Значительную роль в увеличении численности населения Кузбасса играли миграционные процессы. В основном происходило переселение из села в город как в добровольном (оргнабор, общественные призывы), так и в принудительном (спецпереселение) порядке. В 1927–1929 гг. доля механического прироста в увеличении численности городского населения составляла 87,5 % [8, с. 17].

В годы Великой Отечественной войны демографические процессы в регионе претерпели изменения. Резко снизились темпы увеличения численности населения: за 1941–1945 гг. оно выросло всего на 3,6 %. Численность городского населения увеличилась на 19,6 %, а сельского, наоборот, сократилась на 18,2 %¹⁰. И это вполне объяснимо: население Кузбасса, работавшее на предприятиях оборонной промышленности и других отраслей, на которые распространялось

бронирование, проживало в городах, сюда же направлялась большая часть эвакуированных (61,5 %) [9, с. 172], наконец, в меньшей степени были подвержены деформации семейно-брачные отношения горожан. Сельское население получило очень мало пополнений и являлось основным источником комплектования рядов Красной армии.

Великая Отечественная война повлияла на воспроизводство населения Кузбасса и происходившие здесь миграционные процессы. По сравнению с предвоенным периодом резко упала рождаемость. Число родившихся в Кузбассе в 1945 г. составляло 59,6 % от уровня довоенного 1940 г. В городах рождаемость была выше, достигнув 71 % от уровня 1940 г., в сельской местности – 44 % [10, с. 166].

В городах областного подчинения снижение рождаемости происходило более плавно, а в городах районного подчинения и поселках городского типа – более заметно. Очевидно, здесь подверглись более глубоким изменениям половозрастная структура и семейно-брачные отношения, так как здесь почти не было предприятий с работниками, на которые распространялось бронирование. В 1943 г. по сравнению с 1941 г. коэффициент рождаемости в городах областного подчинения снизился на 17,5 ‰, в городах районного подчинения и рабочих поселках – на 21,3 ‰ [8, с. 16]. С 1944 г. рождаемость в области начала постепенно увеличиваться. В первые два года войны смертность населения Кузбасса росла. В сельской местности она начала постепенно снижаться уже в 1942 г., в городах – с 1943 г. В год завершения Великой Отечественной и Второй мировой войн показатели смертности повсеместно были ниже уровня 1940 г. По области в целом они снизились на 44,7 %, среди городского населения – на 35,8 %, среди сельского – на 57,1 %. Коэффициент рождаемости по области в 1945 г. более чем в 2 раза (20,5 ‰) превышал коэффициент смертности (9,7 ‰)¹¹. В процессах миграции четко обозначились два вектора движения: на запад двигались мобилизованные в ряды Советской армии (из Кузбасса преимущественно сельское население), на восток – эвакуированные, как в организованном порядке, целыми коллективами, так и самостоятельно. Эвакуированные появились в Кузбассе уже в первые месяцы войны. Их точное количество из-за отсутствия необходимых источников установить невозможно. По данным на январь 1943 г., этот контингент составлял 209 049 чел. [10, с. 172]. С первых же месяцев войны стало прибывать и трудмобилизованное население из соседних краев, областей и республик Средней Азии. Особую категорию составлял различный спецконтингент. С ноября 1942 г. в регион стали прибывать трудмобилизованные немцы – граждане СССР, позднее – военнопленные, власовцы, интернированные (сведения о численности этого континента до настоящего времени недоступны исследователям).

С 1943 г. активизировался и обратный поток: на освобожденную территорию стали возвращаться эвакуированные ранее жители. Сохранился приток в города. Всего за 1943–1945 гг. механический прирост

⁸ Подсчитано по: Кемеровская орденосная. С. 71; Демографический ежегодник Кемеровской области. Кемерово, 1997. С. 8.

⁹ Подсчитано по: Кузбасс. Результаты переписи городского населения 1931 г. С. VIII.

¹⁰ Подсчитано по: Демографический ежегодник Кемеровской области. С. 8; ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

¹¹ Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 48. Л. 62.

в городах и поселках городского типа достиг 84,5 тыс. чел. [10, с. 173]. На завершающем этапе войны (1943–1945 гг.), включая мирное время 1945 г., население Кемеровской области увеличилось на 36,1 тыс. чел. Основную долю в приросте обеспечивал механический прирост. В 1943 г. он не только компенсировал убыль естественного воспроизводства, но и обеспечил 18 % прироста. В 1944 г. на его долю пришлось 73,4 % прироста населения, в 1945 г. – 57,6 % [10, с. 175].

Несмотря на специфические условия войны, демографическое развитие Кузбасса в целом сохранило прежние тенденции: продолжался рост численности населения (3,6 %), в основном за счет городского (19,6 %), повысился уровень урбанизации – удельный вес горожан в конце 1945 г. достиг 66,2 %¹². Отдельные долговременные последствия Великой Отечественной войны прослеживаются и до настоящего времени. В первые послевоенные годы резко возросла рождаемость. Причины очевидны: улучшилась половозрастная структура населения, пополнились ряды женщин фертильного возраста, появились на свет дети, рождение которых перед войной по разным причинам откладывалось. Динамика смертности колебалась, но она в 2–3 раза была ниже рождаемости. Коэффициент прироста 18,9 ‰ уже в 1946 г. опережал уровень 1940 г. – 18,6 ‰¹³. На миграционный поток влияли два противоположенных процесса: возвращались домой уволенные в запас из Советской армии, продолжались организованная эвакуация и самостоятельное возвращение населения на прежние места жительства. За 1946–1950 гг. население области увеличилось на 13,9 %. В сельской местности темпы роста численности населения (14,6 %) незначительно опережали городское (13,5 %). Население городов увеличивалось в основном за счет миграционного прироста, хотя его удельный вес и несколько сократился (1946 г. – 81,4 %, 1950 г. – 62,0 %). На селе в 1950 г. происходил отток населения, сальдо миграции было отрицательным¹⁴.

В 1950-е гг. население Кузбасса вместе с населением всей страны вступило в стадию демографического перехода. Рост населения Кузбасса (с незначительными колебаниями) продолжался по 1992 г. включительно. За 1950–1992 гг. все население Кузбасса увеличилось на 49,4 %, городское население – на 97, сельское сократилось на 43 %. Повысился уровень урбанизации. В 1988 г. удельный вес городского населения достиг максимального уровня – 88,1 %. Демографический переход в Кузбассе не вполне соответствовал установленному стандарту. Динамика рождаемости и смертности населения не имела устойчивых тенденций. Рождаемость начала устойчиво сокращаться только с 1988 г., смертность в эти годы, наоборот, стабильно росла. За 1950–1992 гг. рождаемость в области снизилась на 61,1 %, смертность выросла на 45,8 %. В городах рождаемость сократилась на 52 %, смертность выросла на 81 %, в сельской местности рождаемость сократилась

на 80,3 %, смертность – на 31,7 %¹⁵. Естественный прирост населения Кемеровской области с 1950 по 1991 г. уменьшился в 108,8 раза: с 54,4 тыс. чел. до 0,5 тыс. чел., а с 1992 г. прекратился совсем. Миграционный прирост в большинстве случаев значительно уступал естественному, а за ряд лет (1960, 1970, 1988–1991 гг.) имел отрицательную величину¹⁶.

С 1992 г. численность населения Кемеровской области стала устойчиво снижаться. В 1992 г. в области проживало 3106,2 тыс. чел. (на начало года) и 3102,6 тыс. чел. (на конец). По данным всероссийских переписей населения, на 9 октября 2002 г. постоянное население области составляло 2899,1 тыс. чел., на 14 октября 2010 г. – 2763,4 тыс. чел. С 1992 по 2002 г. население области уменьшилось на 6,4 %, в т. ч. городское на 7,1 %, сельское на 20 %. С 2002 по 2010 г. население Кузбасса уменьшилось еще на 14,6 %. Почти на 154 тыс. чел. (6,1 %) сократилось число горожан. Их удельный вес в общей численности населения области снизился, но по-прежнему оставался одним из самых высоких (85,4 %) и значительно опережал средние показатели по России – 73,7 %. Однако тенденция к снижению уровня урбанизации отчетливо проявилась (1988 г. – 88,1 %, 1992 г. – 87 %, 2002 г. – 86,7 %, 2010 г. – 85,4 %). Прирост населения в сельской местности на 18,1 тыс. чел. (4,6 %) не компенсировал убыли горожан¹⁷.

В 1992–2010 гг. как в городах, так и на сельской территории Кемеровской области прекратился прирост населения за счет естественного воспроизводства. Миграционный прирост (за исключением 1993 г. в городах, 2002, 2003 и 2010 гг. в сельской местности) оставался положительным, но очень неравномерным. Его величина по отдельным годам колебалась от нескольких десятков тысяч (1996 г. – 18,8 тыс. чел.) до нескольких сотен человек (2010 г. – 537 чел.), не компенсируя отсутствие прироста за счет естественного воспроизводства¹⁸.

За последние 20 лет (1992–2012 гг.) формирование населения Кузбасса происходило под воздействием нескольких факторов: трансформации политической системы и социально-экономических реалий; влияния отдаленных последствий Великой Отечественной войны (демографические волны, изменения в семейно-брачных отношениях); уменьшения в семьях числа детей. Сокращение населения Кемеровской области в обозначенный период было связано прежде всего с прекращением роста естественного воспроизводства. Незначительный всплеск рождаемости в 2008–2010 гг. не изменил ситуацию, поскольку смертность по-прежнему превосходила рождаемость. Миграционный прирост в целом по области среди городского и

¹⁵ Подсчитано по: Демографический ежегодник Кемеровской области. С. 8–9, 30–31.

¹⁶ Подсчитано по: Там же. С. 12.

¹⁷ Подсчитано по: Там же. С. 9; Статистический ежегодник. Кузбасс. Кемерово, 2011. С. 31.

¹⁸ Подсчитано по: Демографический ежегодник Кемеровской области. С. 11–13; Социальная сфера Кемеровской области: стат. сб. (1997–2001 гг.). Кемерово, 2002. С. 110, 121; Статистический ежегодник. Кузбасс. Кемерово, 2001. С. 32, 37.

¹² Подсчитано по: ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

¹³ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 48. Л. 119.

¹⁴ ГАКО. Ф. Р-304. Оп. 1. Д. 1. Л. 72; Демографический ежегодник Кемеровской области. С. 11–13.

сельского населения (за исключением двух-трех лет) был положительным, но его объем не компенсировал отсутствие естественного прироста.

Анализ формирования и развития населения Кузбасса в рассматриваемый период позволяет выявить несколько тенденций:

– с начала 1920-х гг. по 1992 г. происходил ускоренный рост численности населения региона, особенно городского населения;

– темпы увеличения численности городского населения Кузбасса опережали средние показатели по региону;

– Кузбасс был одним из наиболее урбанизированных регионов страны, характеризовавшихся устойчивым ростом удельного веса городского населения;

– динамика численности населения Кузбасса определялась соотношением естественного и миграционного прироста (убыли);

– с 1992 г. население Кемеровской области, как и всей России, оказалось охвачено длительным процессом, связанным с устойчивым сокращением численности населения из-за отсутствия естественного прироста.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заболотская К.А.* Источники по истории рабочего класса советской Сибири: учеб. пособие. Кемерово, 1987.
2. Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971.
3. История Кузбасса. Кемерово, 1970. Ч. 3.
4. Население Западной Сибири в XX в. Новосибирск, 1997.
5. *Шиловский М.В.* Начальный этап урбанизации Кузбасса в контексте модернизационных процессов конца XIX – начала XX в. // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск, 2007.
6. *Гуцин Н.Я.* Население Сибири в XX веке: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995.
7. *Бикметов Р.С.* Трудпоселенцы и советские немцы: влияние на социально-классовую и национальную структуры // Актуальные проблемы новейшей отечественной истории. Кемерово, 2007.
8. *Бельков А.В.* Городское население Кузбасса в 20-е гг. XX в. – начале XXI в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007.
9. *Заболотская К.А., Бельков А.В.* Формирование городского населения Кузбасса в 1920-е – первой половине 1940-х гг. в контексте индустриального развития региона // Проблемы урбанизации восточных регионов России в XIX–XX вв. Томск, 2007.
10. *Заболотская К.А., Бельков А.В.* Демографическая ситуация в Кузбассе в годы Великой Отечественной войны // Западная Сибирь в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). Новосибирск, 2004.

Статья поступила
в редакцию 20.08.2012

УДК 94(47).084.6

А.А. БУРМАТОВ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОТЕРИ ОТ ГОЛОДА НАЧАЛА 1930-х гг. В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

канд. ист. наук,
Куйбышевский филиал НГПУ
e-mail: al-burmatov@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов анализируется достоверность статистических источников, рассматриваются демографические последствия голода начала 1930-х гг. в Западной Сибири, проводится сопоставление с другими территориями СССР.

Ключевые слова: Западная Сибирь, население, рождаемость, голод, демографические потери, смертность.

В начале 1930-х гг. в условиях коллективизации и раскулачивания повсеместно произошло снижение качества учета естественного движения населения. В записке начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР Каплуна, направленной заместителю начальника ведомства И.А. Кравалю, констатируется: «С 1930 года отмечается ухудшение дела организации ЗАГС и учета явлений рождаемости и смертности, главным образом в сельских местностях». Это подтвердила специальная комиссия Госплана, ЦУНХУ и управления нархозучета РСФСР в 1932 г. [1, с. 336]. Начальник Западно-Сибирского краевого УНХУ Мачульский писал: «Концентрация в... городских пунктах больших мигрирующих масс

населения... сопровождается высокой смертностью, резко повышающей общий показатель смертности городского населения»¹.

Анализ архивных материалов свидетельствует о том, что работа по уточнению результатов учета не прекращалась в статистических органах, хотя итоговые расчеты не оглашались. Данные ЗАГСов, попавшие в статистические сводки, массовую гибель людей статистически отражают нерепрезентативно [2, с. 34]. Материалы по территории бывшего Барабинского округа показывают, что доля населения, охваченного регистрацией, была выше в Кыштовском, Северном

¹ ГАНО. Ф. П-11. Оп. 3. Д. 382. Л. 18.

районах, население которых жило в небольших деревнях, и в Баклушевском районе, где поселения были самыми крупными в Барабе. Первые размещались в подтаежной зоне, и на рацион жителей существенно влияли собирательство и охота, а процент коллективизации здесь был ниже. В Баклушевском районе преобладало украинское население с относительно высоким уровнем грамотности, к тому же более приученное к порядку в документации. В Татарском, Купинском и Барабинском районах, примыкавших к железной дороге, охват учетом был слабее. Это объясняется тяжелыми последствиями голода, когда регистрация прекращалась вообще, и небрежным отношением населения и регистраторов к статистическому учету.

В начале 1932 г. случаи опухания и заболеваний от недоедания, попыток самоубийств и смертей от голода отмечались во многих районах юга Западной Сибири. В пищу употреблялись суррогаты, мясо павших животных, собак [3, с. 232–234]. В январе 1932 г. в Западно-Сибирском крае продовольственные трудности были зафиксированы в 50 районах, в феврале – в 75, при этом в 56 районах – в острой форме [4, с. 232]. Секретарь Татарского райкома А.К. Ботов в конце апреля 1932 г. докладывал Р.И. Эйхе, возглавлявшему Западно-Сибирский край: «1) Сидят колхозники голодные по 5–6–7 дней. 2) Пухнут... 3) Едят падаль, хомьяков и сусликов. 4) Уходят по миру (побираться)...» [3, с. 238]. Тяжелое положение с продовольствием в апреле 1932 г. признали на самом вершине, и Западной Сибири была предоставлена продовольственная ссуда в размере 24 тыс. т зерна (16 тыс. т пшеницы и 8 тыс. т проса) [4, с. 232]. Размеры помощи были недостаточными. 26 мая 1932 г. колхозники сельхозартеля «Новое дело» писали в Запсибкрайком ВКП(б): «Идет посевная... А хлеба нет нисколько. Народ с голоду начал опухать, многие без движения, ели дохлых лошадей... мякину... картофельную ботву...» [3, с. 242, 243]. В Усть-Пристанском районе за две недели июня 1932 г. от голода умерло 194 чел. и 254 чел. опухло от недоедания. Фиксировались случаи смерти от голода в Троицком, Покровском, Быстро-Истокском районах края [4, с. 232].

В 1932 г. в Западно-Сибирском крае стало увеличиваться количество зарегистрированных случаев инфекционных заболеваний: возвратный тиф, оспа, септическая ангина, авитаминоз². С августа по ноябрь число заболевших сыпным тифом возросло в 3,7 раза, а в 1933 г. за этот же период – в 2,2 раза. Заболевших было больше в городах и рабочих поселках, где регистрация была лучше. В официальных документах констатировалось: «Отток крестьянского населения из городов... способствовал заносу и образованию очагов сыпного тифа во всех населенных точках края... Недостаточно медицинских кадров»³.

Конъюнктурные данные, предоставляемые каждые 10 дней, свидетельствуют о росте заболеваемости весной 1932 г. Это связано с фактором сезонности и продолжавшимся голодом. Работники здравоохранения констатировали прирост числа заболевших во всех

городах. Неблагоприятными по сыпному тифу были признаны Барабинск, Омск, Новосибирск, Иссык-Куль, Славгород⁴. Плохое качество воды и неразвитая система водоснабжения способствовали распространению инфекционных заболеваний. Больницы зачастую не имели топлива, что приводило к отказу населения от госпитализации⁵. Использовались все методы: от народных средств до организации карантинных и увеличения количества бань. Медикам, несмотря на нехватку средств и препаратов, все же удалось добиться снижения заболеваемости оспой в мае («Оспа снижается, но медленно»⁶, – отмечалось в отчете). В июле произошел скачок желудочно-кишечных заболеваний. Были проведены санитарно-эпидемиологические проверки пищевых комбинатов, предприятий общественного питания. В Убинском районе наказаны руководители районного управления милиции «за антисанитарное состояние арестного дома»⁷. В этом районе местные власти не кормили медиков, и «пришлось решать этот вопрос на уровне краевого руководства»⁸.

В 1933 г. продолжались эпидемии сыпного тифа, септической ангины, зафиксированы случаи смерти от них⁹. К маю 1933 г. «не осталось ни одного района, не имевшего вспышки сыпного тифа». Особо неблагополучными признаны 10 городов и 15 районов края. Заведующий райздравотделом М.Г. Тракман докладывал Наркомздрав РСФСР: «В 1933 году эпидемия сыпного тифа в Западно-Сибирском крае носит диссеминированный характер с преимущественным поражением точек наибольшего притока населения... и районов, расположенных по железнодорожным путям» [3, с. 258]. Усилия врачей и медперсонала, спецотрядов медиков и студентов, т. н. десантов, позволили добиться успехов. «Эпидемиологическое состояние ЗСК в июле 1933 г.: снижение заболеваемости скарлатиной, оспой, дифтерией, сыпным тифом, малярией и усиление дифтеритом по сравнению с июлем 1932 года», – сообщается в отчете¹⁰.

По расчетам Госкомстата СССР, средняя продолжительность жизни в СССР в 1933 г. составляла 11,6 года для обоих полов, в т. ч. у мужчин – 10,3 года, у женщин – 13 лет. Младенческая смертность составила 317 ‰, а недоучет смертности за 1932–1936 гг. достигал 26,6 % [5, с. 39–43]. Итальянский исследователь А. Грациози писал: «Эти оценки считаются лучшими из имеющихся... Однако... занижено количество смертей в 1931 и 1932 гг. путем отнесения их к 1933 г.» [6, с. 63]. С. Уиткрофт считает, что часть демографических событий (особенно смертей), отнесенных к 1933 г., происходила в 1930–1932 и 1934–1936 гг. [7, с. 860–862].

Для Западно-Сибирского края 1933 г. специалисты Госкомстата определили сверхсмертность от голода

⁴ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 39.

⁵ Там же. Л. 156.

⁶ Там же. Л. 33 об.

⁷ Там же. Л. 176.

⁸ Там же. Л. 155.

⁹ Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2333. Л. 121, 129, 148, 156, 251.

¹⁰ Там же. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 388. Л. 243.

² Там же. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2333. Л. 12, 14, 251.

³ Там же. Л. 3.

в 10 %, взяв за норму среднее количество умерших за 1932 и 1934 гг. Они полагают, что голод нигде не начинался ранее конца зимы и не заканчивался позднее лета 1933 г. В Западной Сибири голод отмечался в конце 1931 г. и в 1932 г. Регистрируемая смертность в 1933 г. была выше, чем в 1932 г., на 2 % [8, с. 81].

По оценке иностранных специалистов середины 1930-х гг., в СССР от голода 1932/33 гг. умерло от 3 до 5 млн чел. [9, с. 220], а современные ученые оценивают сверхсмертность 1933 г. в 3–6,7 млн чел. [10, с. 118, 120]. Около 4 млн из них приходится на Украину, где на черноземах рабочим скотом являлись не маломощные лошади, как в Европейской России и в Сибири, а волы, половина которых была забита и съедена в знак протеста против насильственной коллективизации. Из-за недостатка тяглового скота весной 1933 г. земли были вспаханы частично, что привело к большому недобору урожая и, в условиях жесткого плана хлебосдачи, – к изъятию продовольственного фонда самих крестьян и их неизбежному голоду и гибели. Православные конину не едят, поэтому лошадей забивали реже, и масштабы голода оказались меньшими в тех регионах, где пахали на лошадях. В Поволжье много мусульман, поэтому там забивали и коней. Руководство партии уверовало в то, что крестьяне сломлены предыдущими репрессиями, и не предвидело продолжения борьбы с деревней. В конечном счете пострадали крестьяне.

Согласно данным статистического учета, Западная Сибирь от голода пострадала меньше, чем Украина, Северный Кавказ и Поволжье. В Западно-Сибирском крае в 1933 г. умерло 220 тыс. чел. – в 1,5 раза больше, чем в 1928 г. В городских поселениях скончалось 53,1 тыс., или в 2,8 раза больше. Смертность в городах края возросла с 21 % в 1928 г. до 31 % в 1933 г., в сельской местности соответственно с 23 до 28,4 %. Младенческая смертность достигла 202 % (в городах – 218,5, в сельских местностях – 198,1 %). Для всего населения смертность в 1933 г. составила 29,1 %¹¹

Статистики указывали на недоучет демографических событий и увеличили число скончавшихся в городах в 1933 г. на 1,6 тыс. (с 51,5 до 53,1 тыс.)¹². Поправка в 3 % соответствовала установке ЦУНХУ о величине недоучета смертности в стране в 2,4 %. Для рождений корректировок не вносилось. В Западной Сибири голод продолжался с 1930 по 1934 г., и в процентном отношении привел к не меньшим человеческим жертвам, чем в Поволжье и на Украине. Из-за полного отсутствия каких-либо сведений за 1930–1931 гг. и плохого качества учета в 1932–1934 гг. масштабы демографических потерь оказались сильно заниженными.

На территории, охваченной хоть каким-то статистическим учетом в 1933 г., проживало 90,1 % жителей. Источники не позволяют определить таковую долю для 1932 г. Динамика рождений и смертей по районам свидетельствует о плохой регистрации естественного движения. В 1932–1934 гг. отмечается значительное колебание рождений и смертей. В 1933 г. смертность по целому ряду районов оказалась ниже, чем в 1932 и

1934 гг. В сельской местности рождаемость снизилась на 1/7, в городах – на 2/5. В западносибирских городах в 1933 г. было зарегистрировано 338 рождений у иногородних, и показатель рождаемости скорректирован статистиками на 1 % (с 25,6 до 25,9 ‰).

В первой половине 1933 г. превышение смертности над рождаемостью отмечено «в больших размерах, чем в 1932 г.», хотя особо подчеркивается «неблагополучие»¹³ последнего. В 1933 г. смертность в городах увеличилась, но доля умерших от инфекционных заболеваний в городах снизилась. В Рубцовске, Славгороде и Каинске число погибших от них возросло и составляло 8,3–11,8 % всех умерших. Анализ умерших по национальному составу показывает, что большая часть погибших от инфекционных недугов относится к лицам «нехарактерных национальностей», что свидетельствует «о занесении инфекционных заболеваний». Так, в городах Западной Сибири родилось 257, а умерло 1 297 казахов¹⁴. В 1933 г. здесь было учтено 16 158 неместных умерших, из них 1 204 ребенка в возрасте до 1 года. В Прокопьевске зарегистрировано 2 596 смертей иногородних, в Омске – 1 960, в Сталинске – 1 728, в Томске – 4 922, в Анжеро-Судженске – 1 096, в Новосибирске – 2 295. Вследствие значительного числа умерших показатели смертности были статистиками увеличены: в Анжеро-Судженске на 5,4 ‰, в Омске на 4,4, в Новосибирске на 3,8, в Прокопьевске на 12,9, в Томске на 19 ‰. В расчет были включены 50 % иногородних. В Сталинске поправка не вносилась. При ее учете вместо естественного прироста (6 ‰) регистрировалась бы убыль (– 2,5 ‰). Фактически уровень смертности следует увеличить: в Томске на 38 ‰, в Прокопьевске на 25,6, в Омске на 8,6, в Новосибирске на 8,1, в Анжеро-Судженске на 10,3 ‰. Показатель смертности в городах края достиг 35 ‰. Ее уровень составлял: в Томске 64,9 ‰, в Прокопьевске 61,2, в Рубцовске 48,5, в Омске 40 ‰¹⁵.

Уровень смертности статистические органы увеличили с 26,6 до 31, или на 16,5 %, но расчетные показатели для городов, где положение со смертностью было наихудшим, остались существенно заниженными. Статистики в аналитических материалах отмечали, что «материалы ЗАГСов из-за плохой регистрации не позволяют нам установить, в какой мере высокая смертность касается основной массы постоянных жителей... городов»¹⁶. Искажения выявлены и в сельской местности. В ходе проверок точности учета во многих районах были изъяты книги учета смертей в ЗАГСах, что существенно затрудняет исследование проблемы. Естественная убыль составляла 2 тыс. чел., или 1 ‰¹⁷. После официальных поправок ее уровень повысился до 5,1 ‰. Естественная убыль в 1933 г. регистрировалась в 27 городах и рабочих поселках и 10 районах края¹⁸, в 1932 г. – в 13 городских поселениях¹⁹.

¹³ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18, 18 об.

¹⁴ Там же. Л. 18 об.

¹⁵ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 8, 9–11 об.

¹⁶ Там же. Ф. П-3. Оп. 3. Д. 382. Л. 18 об.

¹⁷ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1, 7, 8, 9–11 об.

¹⁸ Там же. Л. 7–12 об.

¹⁹ Там же. Д. 33. Л. 35–35 об.

¹¹ Там же. Ф. 11. Оп. 2. Д. 42. Л. 1, 10–12 об.

¹² Там же. Л. 11 об. – 12 об.

В актовых записях голод как причина смерти указывается редко. Чаще используются такие диагнозы, как истощение, пеллагра, недоедание, упадок сил, слабость, «от поноса», «переутомление при ходьбе», чахотка и др. Насчитывается более 80 вариантов диагноза смерти, скрывающих под собой голод²⁰.

О недоучете статистических событий свидетельствуют материалы о младенческой смертности и мертворождениях (фетоинфантильные потери). Они дают возможность комплексно оценить гибель всех жизнеспособных детей в возрасте до 1 года. В статистике имеет место «переброс» умерших в первые дни жизни в мертворожденные. При распределении родившихся по полу в 1932 г. биологическая пропорция при рождении не была нарушена. Доля лиц мужского пола составила 51 %. В 1933 г. удельный вес мальчиков в числе младенцев в крае возрастает до 52,7 %, в сельской местности – до 56,5 %. Среди погибающих новорожденных должны были лидировать мальчики. Статистически же прослеживается обратное. Погибающих вскоре после рождения младенцев женского пола не регистрировали чаще. Среди умерших лидируют мужчины. Однако 1933 г. выделяется ярко выраженной половой диспропорцией. Доля умерших мужского пола составила 55 %, в городах – 56,1 %, а у иногородних она повышается до 77,6 %, в городах – до 78,3 %. В общегражданскую регистрацию не попали жертвы массовых расстрелов, среди которых доминировали мужчины.

За голодом с временным лагом в 7–9 мес. следовало снижение рождаемости. Это можно проследить на примере г. Каинска. В нем в 1929 г. родилось 416 детей, в 1931 г. – 457, в 1932 г. – 415, в 1933 г. – 257, в 1934 г. – 331 и в 1935 г. – 403 ребенка. В 1932 г., в котором отмечался голод, рождаемость в городе снизилась на 9,2 % по отношению к 1931 г., а в 1933 г. – еще на 39,1 %. С 1934 г. она стала увеличиваться. В 1936 г. число родившихся (519) превысило количество таковых в 1931 г.²¹

В 1933 г. данные о регистрации предоставили 90,1 % сельсоветов, а в 1934 г. – 86,5 %. По целому ряду сельсоветов сбор сведений продолжался не весь год, а в общей статистической сводке сельсовет отмечен как подавший таковые. В 1934 г. доля населения, охваченного статистическим учетом, снизилась, например, в Венгеровском районе на 4,4 %, в Чановском – на 9,4, в Татарском – на 37,4 %. В последнем доля жителей, охваченных регистрацией, составила 50,9 %. Полнота населения, охваченного статистическим учетом, возросла, например, в Убинском (на 15,5 %) и Барабинском (1,5 %) районах. Статистика отмечает очень низкие показатели смертности в сельской местности как следствие огромного недоучета статистических событий. Уровень рождаемости у горожан в 1932–1934 гг. был выше, чем у селян. Незарегистрированных смертей было больше, чем рождений. Естественный прирост преувеличивался. Это

накладывалось на плохой учет миграций. Произошло завышение численности, территориальное размещение населения искажалось.

В целом по РСФСР в 1930-е гг. избыточная смертность составила 3,7 млн чел.: в районах, пораженных голодом 1932–1933 гг., умерло 1,5 млн, в местах заключения – 1 млн, смертность середины и второй половины 1930-х гг. достигла 1,2 млн [11, с. 31]. Эмигрант И. Дядькин оценивает избыточную смертность для СССР за 1929–1936 гг. в 15,2 млн чел. [12, р. 25]. Он завышает число потерь. Неверно относить всю разницу между численностью расчетного и реального населения на потери в ходе голода и репрессий. Следует учитывать также влияние снижения рождаемости (не менее 6 млн чел.) и эмиграции (не выше 200 тыс. чел.) [13, с. 102].

Сверхсмертность в 14,5 млн чел. в годы коллективизации английский исследователь Р. Конквест распределяет примерно поровну между жертвами раскулачивания (5 млн) и голодомора (6 млн), 3,5 млн чел. – это умершие в лагерях после 1937 г. [14, с. 438–440]. Эти данные сильно преувеличены. Эмигрант С. Максудов (А. Бабенышев) [15, с. 226–228] приводит важные аргументы против сверхгибели украинцев от голода, объясняя сокращение их численности сменой этнического самоопределения. Он оценивает повышенную смертность в 1926–1938 гг. в 9,8 млн чел. (5,9 млн мужчин и 3,9 млн женщин), а для лиц, родившихся до 1926 г., – в 5,7 млн чел. [15, с. 145]. Польский исследователь П. Эберхардт указывает, что число умерших от голода на Украине не могло превышать 4 млн чел. [16, с. 24]. Стала популярной оценка сверхсмертности в 1927–1938 гг. для СССР в 7,9 млн чел. [16, с. 24]. Из них в Сибири от голода, по данным В.А. Исупова, погибло несколько сотен тысяч [17, с. 30], по нашим подсчетам – 500–600 тыс. чел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Население России в XX веке: исторические очерки. М., 2001. Т. 1.
2. Тольц М.С. О достоверности статистических источников по демографической истории 30-х гг. // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск, 1989. Вып. 2. С. 34–36.
3. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20–30-е гг. XX в. Новосибирск, 2007.
4. Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 гг. в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-Черноземная область, Западная Сибирь, Урал. М., 2009.
5. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Опыт оценки численности населения СССР в 1926–1941 гг. (краткие результаты исследований) // Вестник статистики. 1990. № 7. С. 39–46.
6. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР: большевики и крестьяне, 1917–1933. М., 2001.
7. Уткрюфт С. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание, конец 1930–1933. М., 2001. Т. 3.
8. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Демографическая история России. М., 1998.
9. Маслов С.С. Колхозная Россия: история и жизнь колхозов. М., 2007.
10. Андреев Е.М., Дарский Л.Е., Харькова Т.Л. Население Советского Союза, 1922–1991. М., 1993.

²⁰ ОЗАГС Администрации г. Куйбышева, текущий архив.

²¹ Там же.

11. Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М., 2001.

12. Dyadkin I. Unnatural Deaths in the USSR, 1928–1954. New Brunswick; L., 1983.

13. Марианский А. Современные миграции населения. М., 1969.

14. Конквест Р. Жатва скорби. Л., 1988.

15. Максудов С. Потери населения СССР. Benson, 1989.

16. Эберхардт П. География населения России. СПб., 2003.

17. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.

Статья поступила
в редакцию 19.08.2012

УДК 314.148 (571.56) «1937/1939»

С.И. СИВЦЕВА

ВСЕСОЮЗНЫЕ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ 1937 И 1939 гг. В ЯКУТИИ

канд. ист. наук,
Северо-Восточный федеральный университет
им. М.К. Аммосова, г. Якутск
e-mail: sivlana@list.ru

В статье на основе архивных данных 1937–1940 гг. выявляются численность и состав населения Якутии, а также спецконтингентов (заключенных и военнослужащих). Анализируются материалы переписи населения 1937 г., данные переписи населения 1939 г., раскрываются особенности работы статистиков и органов НКВД над переписями.

Ключевые слова: Всесоюзная перепись населения 1937 г., Всесоюзная перепись населения 1939 г., спецконтингент.

Демографическую историю России кануна Великой Отечественной войны невозможно воссоздать без анализа данных всесоюзных переписей населения 1937 и 1939 гг. В научной литературе перепись населения 1937 г. называют еще «репрессированной» переписью, так как большинство ее материалов было уничтожено, а статистики, руководившие сбором и анализом данных, – репрессированы. Это произошло из-за несоответствия прогнозных оценок, заявленных на самом высоком уровне, и реальных показателей переписи населения 1937 г. Выявились негативные демографические последствия жестокого голода 1932/33 гг., репрессий, переселения раскулаченных, а также собственно «сталинских пятилеток», создавших обстановку, сложную для обзаведения семьей и детьми [1, с. 32]. Итоги переписи были объявлены не соответствующими действительности, умаляющими достижения социализма. Поэтому было решено провести перепись еще раз, через два года – в 1939 г. Новая перепись должна была показать всему миру возросшее качество жизни человека социалистической страны.

Над материалами переписи населения 1939 г. статистики и работники НКВД трудились очень тщательно, дабы не повторить «ошибок» переписи 1937 г., потому ее называют «сфальсифицированной» переписью. Обнаруженные исследователями приписки и поправки – тому доказательство.

Для того чтобы достоверно осветить картину демографических процессов накануне войны, материалы переписей населения 1937 и 1939 гг. следует рассматривать во взаимосвязи. Достаточно подробную и глубокую оценку материалов переписи 1937 г. дали В.Б. Жиромская, И.Н. Киселев и Ю.А. Поляков

[1]. Позднее В.Б. Жиромская опубликовала работу, посвященную всему периоду 1930-х гг. Она раскрыла механизм приписок к данным переписи 1939 г., уточнила численность населения РСФСР, ее автономий и областей [2]. В названных работах, в частности, указаны основные цифровые показатели приписок к численности населения Якутии. Однако в целом анализ материалов переписей населения 1937 и 1939 гг. на региональном уровне по Якутии еще не проводилось. В 2007 г. вышел в свет сборник материалов и документов, касающихся переписи 1937 г.¹, что облегчает ученым решение обозначенной задачи.

Отметим, что данные переписи 1937 г. сегодня считаются полными и достаточно точными: недоучет населения в них, согласно оценкам и организаторов переписи, и различных исследователей, колеблется в пределах всего 0,3–0,5 % [1, с. 38, 46].

В соответствии с данными указанной переписи, по стране в целом за 1926–1937 гг. городское население увеличилось в 1,7 раза, а сельское сократилось на 3,4 млн чел. (без учета военнослужащих и погранохраны НКВД) [1, с. 54]. Первые, предварительные, итоги подсчета численности населения Якутской АССР (по срочным донесениям) в 1937 г. дали величину в 323,7 тыс. чел. Впоследствии этот показатель возрос до 354 581 чел.² С учетом спецконтингентов «Б» и «В» (расшифровку см. ниже) численность жителей республики составляла в 360 621 чел. (табл. 1, 2).

¹ Всесоюзная перепись населения 1937 г.: общие итоги: сб. документов и материалов. М., 2007.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 281. Л. 119.

Таблица 1

Численность населения Якутской АССР по всесоюзным переписям населения 1926 и 1937 гг. (чел.)*

1926 г.**			1937 г.			1937 г. в % к 1926 г.		
мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
150 029	133 439	283 468	195 181	165 440	360 621	130,1	124,0	127,2

* Составлена по: [1, с. 35, 40, 49; 2, с. 40–41]; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 26; Д. 151. Л. 170; Оп. 336. Д. 353. Л. 3. Итоги переписи 1937 г. – предварительные.

** Без военнослужащих и погранохраны НКВД.

Таблица 2

Численность населения Якутской АССР по Всесоюзной переписи населения 1937 г. (чел.)*

Городское население			Сельское население			Все население		
мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего	мужчин	женщин	всего
42 124	33 997	76 121	153 057	131 443	284 500	195 181	165 440	360 621

* Составлена по: [1, с. 49]; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 142. Л. 30; Д. 151. Л. 174; Д. 199. Л. 96.

Из данных табл. 1 и 2 следует, что с 1926 по 1937 г. произошел прирост численности населения Якутии на 27,2 % (77 153 чел.). Городское население увеличилось в 5 раз, сельское – на 6,1 %; мужское население городов и рабочих поселков выросло в 5,3 раза, женское – в 4,7 раза. Численность же мужчин в сельской местности увеличилась только на 7,8 %, а женщин – на 4,2 %.

Засекреченная перепись 1937 г. содержала еще более секретную часть по ведомствам Наркомата обороны (НКО) и НКВД. Ее материалы проходили во всех документах под названием «спецперепись», а население («спецконтингент») переписывалось «в особом порядке». Спецконтингент был подразделен НКВД СССР на категории «А», «Б», «В». Причем их деление и учет в 1939 г. остались примерно такими же, как в 1937 г. [1, с. 104].

В инструкции 1939 г. разъяснялось, что к контингенту «А» относится весь личный состав: а) оперативно-чекистских управлений и отделов НКВД СССР, их органов, школ, курсов и тюрем; б) (постоянный и временный) пограничных и внутренних войск НКВД; в) в центре и на местах аппаратов – отдела кадров, особоуполномоченного, секретариата органов, административного, комендантского и автотехнического отделов НКВД. Этот контингент подлежал переписи по месту работы, для него использовались специальные переписные листы НКВД.

К контингенту «Б» инструкция относил: а) состоящий на казарменном положении постоянный и переменный состав частей и школ милиции, военизированной пожарной охраны; б) штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, управлений и отделов, мест заключения, тюрем, колоний, трудовых поселков, строителей (по особому списку ГУЛАГ НКВД). Этот контингент переписывали по месту работы, но на общегражданских переписных листах.

Контингент «В» включал: а) осужденных и подследственных заключенных во всех тюрьмах, арестных помещениях, лагерях и трудовых колониях НКВД СССР, трудпоселенцев, проживавших в зоне, трудпоселках ГУЛАГ НКВД, а также задержанных, содер-

жавшихся на момент переписи в арестных помещениях НКВД; б) воспитанников трудколоний, трудкоммун и приемников-распределителей отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД СССР. Все эти граждане переписывались на общегражданских листах по месту нахождения. Однако отметим, что согласно инструкции в спецпереписях учитывались в составе контингента «В» не все трудпоселенцы, а лишь числившиеся за ГУЛАГОм и НКВД. Некоторым трудпоселкам со временем придавался статус колхозов, и их население проходило по переписи как гражданское.

Переписные листы в «обезличенном виде» переислались соответствующим республиканским, краевым и областным управлениям народнохозяйственного учета (УНХУ), кроме листов на трудпоселенцев, которые передавались без срезания верхней части, включавшей Ф.И.О. [1, с. 105]. Специальное решение было принято об организации переписи спецконтингента Дальстроя (подразделение ГУЛАГ), деятельность которого распространялась на три района Дальневосточного края и часть Якутской АССР. При изучении переписки заместителя начальника УНХУ РСФСР М.М. Мудрика с начальником ЦУНХУ Госплана СССР И.А. Кравалем выясняется, что если численность гражданского населения в Дальстрое была относительно невелика, то спецнаселение переписывали вместе с ним³.

По предварительным данным, в 1937 г. (по состоянию на 29 января) в целом по Якутской АССР переписанных особым порядком представителей контингентов «Б» и «В» оказалось 9 004 чел. Из них в городах и рабочих поселках проживало 5 219 чел. (3 372 мужчины и 1 847 женщин), в сельской местности – 3 785 чел. (2 460 мужчин и 1 325 женщин) [1, с. 108]. В Якутске насчитывался 1 181 чел., в т. ч. 949 мужчин и 232 женщины⁴.

Перепись по территориям Крайнего Севера проводилась отдельно, не в общесоюзный срок, возможно, во второй половине 1937 г. Она выявила в Якутии

³ Там же. Д. 143. Л. 118.

⁴ Там же. Д. 142. Л. 52, 58.

10 503 чел., проживавших в труднодоступных районах Крайнего Севера, в т. ч. переписанных в «особом порядке»: заключенных, охрану, обслуживающий персонал, военнослужащих⁵.

После уже состоявшейся переписи 1937 г. (с весны 1937 г.) проводилась обширная работа по «исправлению» данных, которая сейчас с научной точки зрения выглядит фальсификацией результатов переписи. Поправка в целом по Якутской АССР оказалась незначительной – на 3 162 чел., или на 0,9 % (для городского населения – на 0,5 %, для сельского – на 1,0 %) [1, с. 133, 135]. Без этой неоправданной поправки весной-летом 1937 г. численность якутян составила 362 167 чел. Следовательно, можно предположить, что итоговая численность жителей Якутии по переписи 1937 г., без вышеуказанной приписки в 3 162 чел., но с учетом спецконтингента, составила 372 670 чел. (362 167 + 10 503 = 372 670, где 10 503 – население Крайнего Севера).

Обратившись к вопросу о численности населения Якутии по переписи 1939 г., мы будем ориентироваться на вариант, согласно которому общая численность составила 413 198 чел., в т. ч. сельского – 301 650, городского – 111 548 чел. Большая часть архивных документов подтверждает как раз эти данные⁶.

Как удалось установить В.Б. Жиромской, приписка по отдельным регионам СССР состояла из трех слоев. Первый из них – это собственно приписка к общему итогу по численности населения Союза, разложенная на все населенные пункты. Этот расклад проводился неравномерно: большая доля приходилась на те районы, где ощутимее были потери населения, связанные с голодом начала 1930-х гг. В Якутской АССР такой слой приписки, вероятно, отсутствовал или был незначительным.

Второй слой приписки – это перераспределенные заключенные. В ЦУНХУ полученные от НКВД переписные листы на заключенных объединялись с переписными материалами по общегражданскому населению. Предлагалось значительную часть переписных листов на заключенных лагерей, расположенных в Приморско-Хабаровском крае, Бурят-Монгольской, Карельской и Коми АССР, Архангельской, Новосибирской, Свердловской областях, перераспределить из районов их местонахождения в другие республики, края и области [2, с. 51]. В целом, как утверждает В.Б. Жиромская, тогда сложился отлаженный механизм перераспределения спецконтингента НКВД. Сначала итоги переписи в нефальсифицированном виде из всех районов направлялись в Бюро переписи ЦУНХУ, туда же поступали секретные сведения по итогам переписи спецконтингента. В центре подсчитывали общие итоги и определяли, какое количество листов на спецконтингент подлежит распределению в другие районы, затем определялся общий коэффициент приписки. Эти данные сообщались в местные УНХУ, а их секретные отделы распределяли приписку

по конкретным городам и селам. Затем эти конечные результаты сообщались в Центр. В Центре сведения, полученные таким путем с мест, еще раз корректировались, сверялись с итогами переписи 1926 г., чтобы не получить слишком большой убыли или прибыли населения в отдельных местах. Всего по стране таким образом было перераспределено 759 тыс. переписных листов на заключенных [2, с. 52].

Третий слой приписки касался перераспределения переписных листов военнослужащих, переписанных НКЮ. Делалось это в целях сокрытия мест дислокации вооруженных сил. Военнослужащих по переписи было 2,1 млн, из них было перераспределено 800 тыс. [2, с. 53].

Описанное выше перераспределение заключенных, а также военнослужащих в Якутии, несомненно, происходило на практике. Наиболее достоверную информацию на сей счет можно почерпнуть из материалов переписи по районам Крайнего Севера, состоявшейся во второй половине 1939 г.

О «приписках» (вероятно, правильнее говорить о перераспределении, так как люди могли действительно проживать на территории Якутии, и их переписные листки просто перераспределялись внутри республики) к собственным данным переписи населения 1939 г. в Якутии свидетельствует следующий документ от 28 марта 1940 г.: «...Бюро Всесоюзной переписи населения ЦУНХУ при этом направляет Вам переписные листы по районам Крайнего Севера Якутской АССР. Вам необходимо эти переписные листы включить на 1 081 чел. в численность Оймяконского р-на и 1 861 чел. в численность Нижне-Колымского р-на с соответствием с формой № 7... Заместитель начальника ЦУНХУ Госплана СССР Бозин (подпись его)»⁷. Вероятно, указанные данные в полном или частичном объеме были добавлены в численность населения районов, поскольку итоговая численность населения Оймяконского района составила 3 560 чел., а Нижне-Колымского – 2 260 чел.⁸ Судя по дате вышеуказанного документа, приписка эта происходила уже после прошедшей во второй половине 1939 г. переписи населения на территории Крайнего Севера.

Вероятно, механизм переписи населения лагерей Дальстроя (она, по-видимому, входила в перепись по Крайнему Северу) в 1939 г. был таким же, как в 1937 г.: спецнаселение Дальстроя переписывали вместе с гражданским населением, если численность последнего была невелика. Об этом свидетельствуют и данные переписи 1939 г. о количестве жителей, имеющих занятие. Например, в Нижне-Колымском районе мужчин, имевших занятие, было 861, тогда как женщин, имевших занятие, – 113. Значит, число работавших мужчин превышало число работавших женщин в 7,6 раза. В других северных районах этот показатель составил: в Средне-Колымском – 7 раз, в Оймяконском – 6,8 раза, в Анабарском – 6,5 раза⁹.

⁵ Там же. Д. 277. Л. 151.

⁶ Там же. Оп. 336. Д. 353. Л. 2–45; Д. 525. Л. 32–62; Д. 691. Л. 148–292; Д. 741. Л. 145–176; Д. 1051. Л. 162–173; Д. 1141. Л. 238–243; Д. 1157. Л. 307–318; и др.

⁷ Там же. Оп. 329. Д. 416. Л. 15.

⁸ Там же. Оп. 336. Д. 1015. Л. 1014, 1018.

⁹ Там же. Д. 1015. Л. 987–988 об., 1014–1015 об., 1030–1030 об., 1018–1018 об.

Аналогичную статистику в отношении занятого мужского и женского населения можно выявить на юге республики, где также располагались структуры Дальстроя. Так, в Аллах-Юньском районе превышение числа мужчин, имевших занятие, над такой же категорией женщин достигало 7,8 раза, а в р. п. Джеконда Алданского района – 7,6 раза¹⁰. Конечно, трудно судить наверняка, однако перечисленные факты идут вразрез со статистикой по всей республике – в среднем мужчин, имевших занятие, здесь было только в 2,6 раза больше, чем женщин этой же категории¹¹. К тому же членов семей, живших отдельно от семьи, в Якутии по переписи 1939 г. насчитывалось 50 766 (36 240 мужчин, 14 526 женщин), в т. ч. в городских поселениях – 19 051 чел., в сельских местностях – 31 715 чел. Зафиксировано также 27 086 одиночек, из них 23 148 мужчин, 3 938 женщин (исчисления даны в отношении постоянного населения)¹². Это свидетельствует о том, что переписью, возможно, были зарегистрированы заключенные (мы знаем, что в их составе преимущественно были мужчины [2, с. 106–107]), а также приехавшие на заработки мигранты, главным образом мужчины, не обремененные семьями.

Всего, возможно, к численности населения Якутии в результате переписи по Крайнему Северу было добавлено 12 654 чел. Эта цифра выясняется из следующих расчетов: по состоянию на 3 июня 1939 г. (до переписи по Крайнему Северу, которая проводилась во второй половине 1939 г.) численность населения ЯАССР составляла 400 544 чел.¹³ Если учесть, что итоговая цифра по переписи 1939 г. оказалась 413 198 чел., то разница составит 12 654 чел. Такой показатель находит и косвенное подтверждение: когда шла подготовка переписи по Крайнему Северу, запрос по Якутской АССР выразился в 13 тыс. переписных листов. Протицируем соответствующий документ:

Заместителю начальника ЦУНХУ при Госплане СССР, начальнику Бюро Всесоюзной переписи населения тов. Бозину НКВД 31 марта 1939 г. № 95338.

В целях обеспечения проведения подготовительной работы по переписи и самой переписи населения в районах, отнесенных постановлением СНК СССР ко 2-ой половине 1939 г., прошу обеспечить необходимым переписным инструментарием следующие пункты:

Улан-Удэ с количеством переписываемых	4 000 чел.;
Якутск	“ “ 13 000 чел.;
Магадан	“ “ 170 000 чел.;
Красноярск	“ “ 20 000 чел.;
Архангельск	“ “ 8 000 чел.;
Омск	“ “ 33 000 чел.

Зам. народного комиссара внутренних дел СССР майор государственной безопасности Круглов [подпись его]¹⁴.

Следовательно, в итоговую цифру численности населения республики (413 198 чел.) вошли 12 654 чел., проживавших в районах Крайнего Севера Якутии (сюда входит не только коренное население, но и часть военнослужащих и заключенных Дальстроя).

Итак, в соответствии с нашими расчетами разница между итогами переписей населения 1937 и 1939 гг. составляет 40 528 чел. ($413\,198 - 372\,670 = 40\,528$). Посмотрим, насколько достоверной можно считать эту величину.

Известно, что в 1937 и 1938 гг. естественный прирост населения республики составил соответственно 6 681 и 6 714 чел. Механический прирост только по Якутску и Олэкминску (тогда статотчетность составлялась только по городам, имевшим свыше 20 тыс. жителей) за эти годы выразился соответственно в 13 139 и 11 888 чел.¹⁵ Получается, что в 1937 г. численность населения Якутии выросла за счет естественного и механического движения на 19 820 чел., в 1938 г. – на 18 602 чел., а в общей сложности за два года – на 38 422 чел. И это еще без учета механического движения в рабочих поселках, где приток людей был почти всегда интенсивным, и без некоторого недоучета естественного движения (особенно в отдаленных сельских населенных пунктах). Возможно, поэтому у нас в расчетах возникла недостающая цифра – 2 106 чел. ($40\,528 - 38\,422 = 2\,106$), или 0,5 % от численности населения в 413 198 чел. Таким образом, итоги переписи 1939 г. вполне обоснованы показателями естественного и механического движения за 1937 и 1938 гг.

Вероятно, весь учтенный переписями 1937 и 1939 гг. спецконтингент находился на территории Якутской АССР, и потому его учет не являлся припиской. Мы склоняемся к мнению, что поправки к переписям 1937 и 1939 гг., возможно, состояли в перераспределении спецконтингента (заключенных, военнослужащих и т. д.) внутри республики по районам. По итогам переписи 1937 г. численность спецконтингента могла составить 5,2 % (около 19,5 тыс. чел.) от общей численности жителей Якутии. В составе же населения, зафиксированного переписью 1939 г., могло оказаться более 5,2 %, или более 21,6 тыс. чел., учтенных спецпереписью: $12\,654 + 9\,004$ (вероятно, более 9 004 чел., указанных в переписи 1937 г.) = 21 658 чел.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.

2. *Жиромская В.Б.* Демографическая история России в 1930-е гг.: взгляд в неизвестное. М., 2001.

Статья поступила
в редакцию 30.08.2012

¹⁰ Там же. Л. 983–984 об., 1051–1051 об.

¹¹ Там же. Л. 135–979 об.

¹² Там же. Д. 353. Л. 4.

¹³ Там же. Оп. 329. Д. 275. Л. 2.

¹⁴ Там же. Д. 276. Л. 153.

¹⁵ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 349. Л. 371, 373; Д. 410. Л. 53–53 об.

УДК 94(47).”1939/1945”

Н.С. КОРОБЕЙНИКОВА

**ДИНАМИКА РОЖДАЕМОСТИ В ГОРОДСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1939–1945 гг.***аспирантка
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск
e-mail: elleipse@gmail.ru

Статья посвящена исследованию влияния совокупности эндо- и экзогенных факторов на количественную динамику рождаемости в условиях военного времени. Автором проведен расчет соотношения воздействия реалий военного времени и процессов, протекавших внутри общества, на уровень рождаемости, дефицита рождений. Кроме того, проанализированы различные показатели трансформаций рождаемости, такие как изменение числа мертворождений и прерываний беременности по социальным причинам. Выявлено влияние на уровень рождаемости количественных изменений родительского поколения.

Ключевые слова: рождаемость, фертильность, дефицит рождений, количественная динамика рождаемости, цикличность.

Демографические исследования показывают, что одним из самых чувствительных к воздействию внешних и внутренних факторов показателей является рождаемость. В течение ограниченных временных интервалов она может интенсивно сокращаться или расти [1]. В связи с этим большой интерес представляет динамика рождаемости в годы военных конфликтов. В таких условиях в обществе обостряются и до неузнаваемости меняются базовые, и, казалось бы, неизменные процессы.

Трансформации рождаемости провоцирует ряд факторов. Условно их можно разделить на эндогенные и экзогенные. Более глобальный характер имеют эндогенные. Они воздействуют на общество изнутри. К ним относятся демографический переход [2], цикличность [3; 4], естественная адаптация общества к изменяющимся реалиям [5; 6; 7].

Трансформации рождаемости могут происходить также под воздействием внешних количественных изменений в родительском поколении. Сокращение численности родительского поколения может вызвать локальный спад рождаемости при условии действия других факторов. Рождаемость трансформируется под воздействием политических причин, таких как изменения в государственной политике, принятие новых или отмена старых законодательных актов. Так, постановление СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении абортов спровоцировало небольшой рост рождаемости в связи с тем, что приравнивало аборт к уголовному преступлению. Кроме того, трансформации рождаемости провоцируются санитарно-медицинскими причинами, такими как сдвиги в репродуктивном здоровье родительского поколения или сокращение родительского поколения в результате эпидемий или пандемий. Таким образом, этот фактор тесно связан с

механическими количественными деформациями [8]. Данную группу факторов можно назвать экзогенной. Они оказывают внешнее влияние на общество, их действие ограничено во времени и имеет локальный характер.

Основная цель автора данной статьи – определить, каким образом и под действием каких факторов трансформировалась рождаемость в городских поселениях Западной Сибири в годы Второй мировой войны. Выбор данного эмпирического материала обусловлен тем, что Вторая мировая война явилась крупным по числу демографических потерь военным конфликтом. СССР принял в нем активное участие. Вся территория Советского Союза была разделена на три типа: районы оккупации, боевых действий и тыловые. Везде происходили сложные социальные и демографические процессы, которые значительно меняли общество. Западная Сибирь была тыловым районом. Ее важной особенностью было то, что в рамках одного региона находилось несколько разных по типу хозяйствования районов. Это были промышленно ориентированные города Новосибирской и Омской областей и сельскохозяйственный Алтайский край. В годы Второй мировой войны карта региона изменилась. В 1943 г. из состава Новосибирской области была выделена ориентированная на добычу Кемеровская область, а в 1944 г. – Томская область. От Омской области была отделена часть территорий, включенных в состав новообразованной Тюменской области. Ойротская автономная область окончательно вошла в хозяйственную систему Алтайского края.

Основным типом привлеченных источников стали материалы ЦСУ СССР (таблицы рождаемости и формы учета естественного движения населения), а также данные переписи населения 1939 г.

Достижение поставленных целей планируется благодаря решению следующих задач. Во-первых, следует рассчитать основные качественные и коли-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10-01-00247а.

чественные трансформации рождаемости. Во-вторых, необходимо определить, под влиянием каких факторов они происходили. В-третьих, требуется изучить количественные деформации рождаемости. В-четвертых, предстоит выявить соотношение эндогенных и экзогенных факторов в деформациях рождаемости. В-пятых, нужно произвести расчет влияния, оказанного условиями военного времени на изменения уровня рождаемости.

Данная проблема являлась предметом внимания демографов в связи с изучением количественной динамики населения в годы Второй мировой войны. В.А. Исупов в своей работе «Главный ресурс Победы» оценил динамику рождаемости в Западной Сибири в указанный период [9]. Он соотнес трансформации рождаемости с основными социально-экономическими процессами. Кроме того, ученый привел расчеты дефицита рождений, который накопился за годы войны. Проблема рождаемости в СССР в целом и в Сибири в частности была поднята в работе Н.А. Араловец. Данный труд посвящен проблемам брака и семьи. Автор отметил снижение рождаемости в СССР в годы войны [10]. Изменениям ее уровня посвящена глава в работе А.Г. Вишневого «Демографическая модернизация России». Он объяснил падение рождаемости влиянием реалий военного времени, а также объективным процессом, характерным для демографического перехода [1].

По мнению исследователей, во всех регионах Советского Союза в годы войны произошло значительное снижение рождаемости. Оно имеет сложную структуру. В настоящей статье предпринята попытка дать его количественные оценки.

В табл. 1 показаны значительные изменения в динамике рождаемости в 1940, 1942 и 1945 гг. Снижение рождаемости в 1942 г. было спровоцировано массовыми мобилизациями 1941 г. Таким образом, с летних месяцев 1941 г. на количество зачатий, а значит и на уровень рождаемости, действовало механическое изменение количества родительского поколения. В 1945 г. начался обратный процесс – повышение уровня рождаемости. Он также был вызван фактором механического изменения. Однако рост числа рождений оказался не таким заметным, как его спад в 1942 г. В 1944 г. основная часть РККА еще участвовала в боевых действиях. Кроме того, она понесла значительные количественные

потери. Этими двумя обстоятельствами было вызвано то, что в 1945 г. уровень рождаемости поднимался недостаточно быстро. Аналогичную ситуацию иллюстрирует общий коэффициент рождаемости. В 1945 г. он не достиг даже уровня 1941 г. В 1940 г. произошел еще один значительный спад рождаемости относительно 1939 г. Непростыми были и 1939–1940 гг. для Советского Союза в плане внешней политики. В этот период началась и мобилизация мужского населения, однако она в основном коснулась мужчин 18–22 лет, из которых редко кто состоял в браке, а значит, эти меры не играли большой роли в изменении уровня рождаемости.

Данные табл. 2 показывают, что наиболее интенсивное снижение в количестве рождений произошло в когортах женщин 20–24 и 25–29 лет. Самая высокая репродуктивная активность принадлежит женщинам этих возрастных категорий. Суммарно от них зависит более 50 % всех рождений. Изменение уровня рождаемости в этой категории вызывает значительное снижение в целом за период. Количественные изменения родительского поколения были связаны с тем, что женщины, которым в 1939 г. исполнилось от 20 до 22 лет, были рождены в 1917–1919 гг. Результаты переписи населения 1939 г. показывают, что спад рождаемости в родительском поколении продолжался до 1925 г., что стало причиной значительного количественного колебания в детском поколении. Это демонстрирует, что в 1939 г. произошла смена циклов. В 1944 г. женщины 1917–1919 гг. рождения переходят в когорту 25–29 лет. С этого года в данной возрастной категории наблюдается наиболее низкий уровень рождаемости. Однако в когорте 20–24 лет рождаемость также низкая. Увеличение уровня рождаемости в ней наступает только в 1945 г. Однако довоенного уровня эта когорта не достигла. Уровень рождаемости в ней был невысоким, что объясняется действием следующих факторов. Во-первых, ее численность, как и предшественниц, также была незначительной. Важной чертой данной когорты было то, что ее потенциальные мужья, как и мужья когорты 1915–1919 гг., составили основное число потерь в годы Второй мировой войны.

Пыталось ли государство каким-либо образом преодолеть этот спад? Вряд ли сталинская государственная система была готова к серьезным демографи-

Таблица 1

Динамика абсолютного числа рождений и общих коэффициентов рождаемости, 1939–1945 гг.*

Год	Абсолютное число	% к 1939 г.	Отрицательные трансформации рождаемости, %	Общий коэффициент рождаемости
1939	89 519	100,00	0,00	34,67
1940	76 748	85,73	14,27	27,48
1941	73 177	81,74	3,99	22,65
1942	53 791	60,09	21,66	15,71
1943	49 486	55,28	4,81	14,07
1944	43 145	48,20	7,08	12,26
1945	69 254	77,36	-29,17	19,67

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 446. Л. 3, 4, 90, 92; Оп. 11. Д. 20. Л. 1, 37; Д. 78. Л. 1–4, 49, 50; Д. 159. Л. 2, 19, 38, 47; Д. 213. Л. 46, 64, 83, 10, 22; Д. 270. Л. 7, 5, 113; Д. 271. Л. 12, 14, 17, 98, 104, 105; Д. 364. Л. 319, 371, 422, 428.

Таблица 2

**Трансформации рождаемости в городских поселениях Западной Сибири
по возрастным группам матерей (1939–1945 гг.)***

Возраст матерей, лет	Рождаемость													
	1939 г.		1940 г.		1941 г.		1942 г.		1943 г.		1944 г.		1945 г.	
	абс.	% к 1939 г.	абс.	% к 1939 г.	абс.	% к 1939 г.	абс.	% к 1939 г.	абс.	% к 1939 г.	абс.	% к 1939 г.	абс.	% к 1939 г.
15–19	3 784	100	2 745	72,54	3 478	91,91	2 208	58,35	1 562	41,28	1 087	28,73	2023	53,46
20–24	27 451	100	21 586	78,63	21 101	76,87	16 481	60,04	13 397	48,80	10 872	39,61	20316	74,01
25–29	29 632	100	23 771	80,22	23 334	78,75	16 108	54,36	13 909	46,94	11 776	39,74	17162	57,92
30–34	15 570	100	15 927	102,29	14 721	94,55	10 958	70,38	11 864	76,20	11 828	75,97	16969	108,99
35–39	9 297	100	8 848	95,17	7 390	79,49	5 419	58,29	6 119	65,82	5 490	59,05	9416	101,28
40–44	3 255	100	3 301	101,41	2 724	83,69	2 314	71,09	2 258	69,37	1 851	56,87	2904	89,22
45–49	485	100	517	106,60	373	76,91	280	57,73	302	62,27	211	43,51	413	85,15
50–54	42	100	33	78,57	45	107,14	23	54,76	56	133,33	19	45,24	37	88,10
55–60	3	100	20	666,67	11	366,67	0	0,00	19	633,33	11	366,67	14	466,67

* Составлена по: см. источники табл. 1.

ческим мерам, тем более в условиях войны. Пожалуй, самым культовым мероприятием было упомянутое выше постановление от 27 июня 1936 г. В нем содержалось распоряжение относительно сети яслей и детских садов. Он же приравнивал аборт к уголовному преступлению, что спровоцировало небольшой рост рождаемости. В городских поселениях увеличение доходило до 10 %. Но еще одним серьезным последствием стал рост криминальных аборт (термин «криминальный аборт» используется в официальной медицинской статистике, например, форма 90).

Спад рождаемости был вызван не только количественными изменениями в родительском поколении. Еще одним фактором являлось то, что все больше женщин предпочитало откладывать рождение детей на более поздний срок. Это было связано с их активным участием в экономической жизни страны. В 1942–1945 гг. распространение получило ограничение рождаемости. В 1930–1940-е гг. самым доступным способом был аборт. Криминальный аборт фактически был аборт по социальным показателям, вынужденной мерой для избавления от нежелательной беременности [11]. В табл. 3 показано, что за годы войны увеличилось в первую очередь число именно таких аборт относительно общего числа искусственных прерываний беременности. Разумеется, данные показатели – это только верхушка айсберга. Мы видим то, что стало известно прокуратуре. А сколько их прошло без первичных последствий? Сегодня это выяснить уже невозможно.

Указанные изменения свидетельствуют о том, что количество аборт росло и к 1945 г. составило 1/4 от общего числа проведенных операций. В годы войны женщинам, активно участвовавшим в экономической и общественной жизни, было трудно сочетать свою новую роль с традиционной ролью матери. Являлась ли война причиной такого изменения? Опосредованно – да. Но гораздо большее влияние оказывала психологическая трансформация общества [1]. Условия военного времени выступили катализатором, за три года изменив количественные показатели в 4 раза.

Еще один важный фактор, который определял количественные показатели рождаемости, – санитарно-медицинский. Эпидемии каждый год уносили жизни тысяч людей. Вплоть до 1943 г. включительно июль и август сопровождался увеличением смертности [12]. Это оказывало влияние на количественные показатели родительского поколения. Однако развитие медицинской науки и совершенствование способов борьбы с инфекционными заболеваниями приводили к сокращению уровня смертности [13]. В табл. 4 показано, что к 1944 г. уровень мертворождений вырастает относительно общего количества рождений. Мертворождения не включались в общие таблицы рождаемости. Их рост был вызван действием санитарно-медицинского фактора.

Итогом трансформаций рождаемости стал дефицит рождений. Ниже мы попытались оценить демографический урон, нанесенный городским поселениям

Таблица 3

**Динамика искусственных прерываний беременности
в Алтайском крае, Омской и Кемеровской областях, 1942–1945 гг.***

Показатель	1942 г.	1943 г.	1945 г.
Всего аборт	10 292	10 103	15 198
В том числе криминального характера	318	1 218	3 112
Передано дел в прокуратуру	854	1 209	2 052
Доля криминальных аборт в общем количестве, %	9,00	12,06	20,48

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 396. Л. 6, 59, 67; Д. 189. Л. 14, 85; Д. 242. Л. 7, 86, 157.

Таблица 4

Количество мертворождений в Барнауле и Омске (1941–1944 гг.)*

Год	Барнаул		Омск	
	Всего мертворождений	На 1 тыс. рождений	Всего мертворождений	На 1 тыс. рождений
1941	34	2,87	133	8,24
1942	22	2,64	88	7,75
1943	–	–	69	11,39
1944	–	–	68	12,96

* Составлена по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 159, Л. 4, 49; Д. 213. Л. 48, 88; Д. 270. Л. 9, 116; Д. 364. Л. 323.

в результате сокращения уровня рождаемости. Расчет проводился, исходя из количественного недостатка рождений за все годы войны. 1939-й год принимается за максимальный показатель [9, с. 194]. Далее из табл. 5 видно, что каждый год, вплоть до 1944 г., дефицит рождений увеличивается. Мы попытались рассчитать коэффициент дефицита рождений на каждую тысячу чел. населения.

$$D_x = ((N_b - N_x) : P_x) \times 1000,$$

где D_x – коэффициент дефицита рождений в X год, N_b – количество рождений в базовый год (год максимального показателя), N_x – количество рождений в X год, P_x – численность населения в X год.

Применив данную формулу, мы видим, что коэффициент дефицита рождений увеличивается. Однако меняется и общее количество населения. Используя формулу расчета коэффициента дефицита, мы выводим формулу расчета гипотетического дефицита, если бы количество населения в течение всех лет войны оставалось неизменным.

$$D_{hx} = D_x : 1000 \times P_b,$$

где D_{hx} – гипотетический дефицит рождаемости в год X , D_x – коэффициент дефицита рождений в год X , P_b – численность населения в базовый год (год максимального показателя).

В табл. 5 показаны результаты расчета по данной формуле. Коэффициент дефицита растет, потому что увеличивается количество населения. Среднегодовой дефицит составил 7,20 ‰.

В качестве среднего значения на графике установлена ось абсцисс, соответствующая значению 0. На рисунке видно, что с 1941 г. дефицит рождений превышает средний показатель. В табл. 2–4 показано, что снижение рождаемости произошло под влиянием совокупности факторов. Однако часть их действовала независимо от факта участия СССР в войне. Если мы принимаем среднее значение коэффициента дефицита за ординату, то можем видеть, что все значения, которые находятся выше ее, вызваны факторами, спровоцированными войной. Мы можем рассчитать, что потери в условиях военного времени составили 46 851,55 ребенка. Таким образом, действие факторов условий мирного времени в 2,7 раза превышает дейст-

Таблица 5

Изменение дефицита рождений в городских поселениях Западной Сибири, 1939–1945 гг.*

Год	Дефицит рождений	Коэффициент дефицита, ‰	Гипотетический дефицит
1939	0	0,00	0
1940	12 771	4,57	11 807
1941	16 342	5,06	13 058,5
1942	35 728	10,44	26 944,9
1943	40 033	11,38	29 387,2
1944	46 374	13,18	34 035,2
1945	20 265	5,76	14 862,5
<i>Итого:</i>	171 513	7,20	130 095

* Составлена по: см. источники табл. 1.

вие факторов военного времени. Гипотетически, без воздействия войны, снижение рождаемости достигало бы 3,99 на 1 тыс. населения.

В настоящей статье мы пытались проанализировать условия, совокупность которых привела к резкому снижению рождаемости в 1939–1945 гг., а также рассчитать соотношение факторов мирного и военного времени. Полученные результаты показывают, что в результате условий военного времени уровень рождаемости сократился на 1,45 ‰. Факторы, которые действовали независимо от этих условий, привели к сокращению уровня рождаемости на 3,86 ‰. Такая разница объясняется тем, что война усиливала воздействие только экзогенных факторов. Для влияния на эндогенные факторы, которые протекали глубоко в обществе, необходимо было более длительное воздействие. Большое влияние на динамику рождаемости оказывали механический, социальный и санитарно-

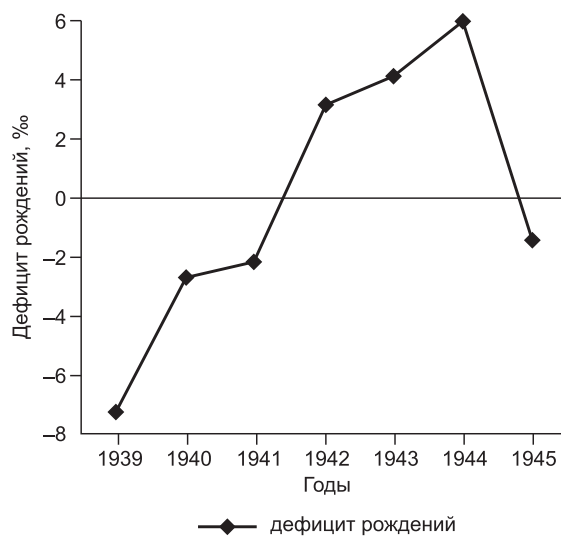

Рис. Дефицит рождаемости в городских поселениях Западной Сибири (1939–1945 гг.)¹

¹ Составлен по: ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 446. Л. 3, 4, 90, 92; Оп. 11. Д. 20. Л. 1, 37; Д. 78. Л. 1–4, 49, 50; Д. 159. Л. 2, 19, 38, 47; Д. 213. Л. 46, 64, 83, 10, 22; Д. 270. Л. 7, 5, 113; Д. 271. Л. 12, 14, 17, 98, 104, 105; Д. 364. Л. 319, 371, 422, 428.

медицинский факторы. Механический фактор воздействовал через мобилизации. Эпидемии и пандемии могли в короткие сроки изменить родительское поколение.

Мы приходим к выводу, что положительная и отрицательная динамики рождаемости были вызваны совокупностью действий эндогенных и экзогенных факторов. Основные трансформации происходили под воздействием изменений родительского поколения. Часть факторов действовала на уровень рождаемости еще до начала военных действий. Это действие было стабильным по отношению к изменениям рождаемости. Данные факторы оказывали большее по степени воздействия влияние. Другая группа факторов была спровоцирована войной. Она отличается от первой тем, что была ограничена во времени, легко преодолевалась, а также не была столь значительной. Совокупность всех этих факторов спровоцировала стабильный рост снижения рождаемости в течение всех лет войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкий А.Г. Демографическая модернизация России. М., 2006.
2. Notestein F.W. The Future Population of Europe and the Soviet Union: Population Projections, 1940–1970 / with Irene B. Taeuber,

Dudley Kirk, Ansley J. Coale, and Louise K. Kiser. Geneva: League of Nations, 1944.

3. Pearl R. The biology of population growth. N. Y., 1925.
4. Нефедов С.А. О законах истории и математических моделях // Изв. Уральск. гос. ун-та. 2000. № 15. С. 15–23.
5. Becker G. An economic analysis of fertility // Demographic and Economic Change in Developed Countries. 1960. С. 209–231.
6. Mincer J. Labor force participation of married women: a study of labor supply // Aspects of Labor Economics. 1962. P. 1–35.
7. Örsal D.D., Goldstein J.R. The Increasing Importance of Economic Conditions on Fertility // MPIDR WORKING PAPER WP 2010-014.
8. Медков В.М. Демография: учеб. пособие. Ростов н/Д., 2002.
9. Исупов В.А. Главный ресурс Победы: людской потенциал Западной Сибири в годы Второй мировой войны (1939–1945). Новосибирск, 2008.
10. Араповец Н.А. Городская семья в России, 1927–1959. Тула, 2009.
11. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. М., 1969.
12. Пулькис В.А. Эпидемиологические особенности брюшного тифа в военное время // Вопросы военной терапии. Новосибирск, 1943.
13. Гальперин М.Ф., Косолапова Я.В. Характеристика брюшного тифа по материалам 4-й инфекционной больницы // Вопросы военной терапии. Новосибирск, 1943.

Статья поступила
в редакцию 03.09.2012

УДК 314 (091)

Я.А. КУЗНЕЦОВА

СЕМЕЙНО-БРАЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В БУРЯТИИ В 1970–1980-х гг.

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: afina80@rambler.ru

В статье рассмотрены предпосылки, факторы и тенденции развития семейно-брачных отношений в 1970–1980-х гг. на территории Республики Бурятия, в одном из крупных многонациональных регионов Восточной Сибири. Одним из определяющих факторов в развитии народонаселения республики в этот период стало интенсивное индустриальное и транспортное освоение ее отдаленных северных районов и строительство участка БАМ. Это привело к масштабным миграциям молодого населения и качественным изменениям в составе групп населения по полу и возрасту, что отразилось и на структуре семейно-брачных отношений. В статье проанализирована динамика демографического развития республики, а также выявлены общие и специфические особенности развития семейно-брачных отношений в данном регионе.

Ключевые слова: демографические процессы, семья, брак, Сибирь, Республика Бурятия, половозрастная структура, миграции.

Важное место в исследованиях по демографии занимают работы, посвященные семье и браку, поскольку состояние брачности и разводимости населения оказывает непосредственное влияние на социально-демографические процессы. Рост количества разводов ведет к снижению рождаемости, увеличению числа одиноких людей, преждевременному старению населения и т. п. Благоприятная семейная структура и брачное состояние населения являются результатом прежде всего демографического и социально-экономического развития.

1970–1980-е гг. характеризовались динамичным развитием научно-технического прогресса, а также всей общественной жизни в СССР. Процесс урбанизации в стране и распространение городского образа жизни, увеличение числа образованных людей, расширение их материальных и духовных возможностей, активное вовлечение женской части населения в сферу высококвалифицированного умственного труда и производства способствовали как бы «уплотнению» нагрузки на активный период жизни человека.

Исследуя тенденции развития брачно-семейных отношений в стране в этот период, М. Мацковский

подчеркивал: «у многих женщин, особенно городских и имеющих высокий уровень квалификации, изменилась система ценностей: профессиональное и должностное продвижение, рост образования, содержательный и рациональный досуг стали занимать более высокое место в общей иерархии ценностей, вытесняя на задний план ценности чисто семейные» [1, с. 4]. Эти особенности отмечены как в целом по стране, так и по отдельным регионам. Однако в каждом регионе процессы брачности и разводимости имели ряд отличий. Особенно это касалось крупных национальных регионов, одним из которых является Республика Бурятия.

Уровень брачности населения в Бурятии был ниже, чем в соседних регионах Восточной Сибири и по стране в целом (табл. 1).

Причем в середине 1970-х гг. уровень брачности в республике был самым высоким за весь изучаемый период, а с середины 1980-х гг. стал постепенно снижаться. Причины колебания частоты заключения браков разнообразны, но в целом зависели от социально-экономических, этнокультурных и, главное, демографических факторов – воспроизводства населения, его половозрастного состава.

Для того чтобы изучить глубже процессы, происходящие в структуре семейно-брачных отношений, необходимо рассмотреть и тенденции общего демографического развития республики в данный период.

Новым и, по сути, определяющим фактором в развитии народонаселения Бурятии в этот период стало начало интенсивного индустриального и транспортного освоения региона и строительство Бурятского участка БАМ в 1974 г. Проект БАМ был поддержан не только мощными финансовыми, но и людскими ресурсами. В целях обеспечения районов освоения трудовыми ресурсами проводилась активная государственная миграционная политика. Повышенный спрос на рабочую силу и высокая «миграционная емкость» новых осваиваемых территорий вызвали интенсивное

миграционное перераспределение населения в эту зону из других районов Бурятии и регионов страны. За счет миграционного притока населения в зону БАМ в 10-й пятилетке было получено 44 %, а в 11-й – 35 % общего прироста населения [2, с. 41].

Вместе с количественными изменениями качественно изменилась и половозрастная структура населения Бурятии. В 1970-е гг. структура характеризовалась небольшой разницей в соотношении численности мужчин и женщин (табл. 2).

В 1980-е гг. соотношение женского и мужского населения оставалось фактически на том же уровне, разница даже сократилась за счет снижения числа женщин. Выравнивание соотношения полов происходило в республике быстрее, чем в европейских регионах.

В сельской местности в 1970-е гг. проживало мужчин больше, чем в городе (см. табл. 2). Такое наиболее благоприятное соотношение полов в Бурятии, как и в целом в Сибири, объяснялось сохранением высокого естественного прироста. В 1980-е гг. удельный вес мужчин в сельской местности стал снижаться, что было обусловлено динамикой социально-экономического развития и активными миграционными процессами, в которых в основном участвовали мужчины.

Таким образом, соотношение женского и мужского населения оставалось относительно стабильным, характеризовалось небольшой разницей в численности.

Возрастная структура населения Бурятии отличалась высоким удельным весом детских категорий и малой долей лиц старших возрастов. Уровень рождаемости среди русского и особенно коренного бурятского населения оставался в этот период довольно высоким, и процесс старения населения пока в меньшей степени касался республики. При этом, несмотря на сохранявшиеся положительные тенденции рождаемости и естественного прироста, доля населения младших возрастов росла медленно, хотя сохранение значительной доли детских возрастных когорт свидетельствовало

Таблица 1

Количество зарегистрированных браков на 1 тыс. чел. населения*

Регион	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1987 г.
РСФСР	10,1	11,1	10,6	9,7	9,9
Восточная Сибирь	10,4	11,2	11,0	9,6	9,6
Бурятия	9,5	10,8	10,8	9,2	8,9
Читинская область	9,9	11,0	10,4	8,9	8,9
Иркутская область	10,3	11,1	10,7	9,1	9,5

* Составлена по: [2].

Таблица 2

Распределение населения Бурятии по полу, тыс. чел.*

Годы	Все население		Городское население		Сельское население	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
1970	387,6	424,6	171,2	191,3	216,3	233,2
1979	442,3	470,9	248,8	269,8	193,5	201,1
1989	504,4	533,8	308,0	332,3	196,4	201,5

* Составлена по: Естественное движение населения в Республике Бурятия. Улан-Удэ: Госкомстат, 1995. С. 11–12; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3836. Л. 139.

Таблица 3

Соотношение численности мужчин и женщин по возрастным группам (женщин на 1 тыс. мужчин)*

Возраст (лет)	1970 г.	1980 г.	1989 г.
0-4	964	976	960
5-9	965	974	976
10-14	965	979	974
15-19	915	877	948
20-24	906	892	950
25-29	994	930	940
30-34	1 062	934	962
35-39	1 071	1 025	969
40-44	1 165	1 083	953
45-49	1 568	1 121	1 085
50-54	1 602	1 312	1 167
55-59	1 503	1 851	1 272
60-64	1 657	1 751	1 501
64-69	2 049	1 733	2 162
70 и старше	2 015	2 342	2 459

* Составлена по: Статистический ежегодник по Республике Бурятия. Улан-Удэ, 2002. С. 43-44; Естественное движение населения в Республике Бурятия: стат. сб. № 06-02. Госкомстат. Улан-Удэ, 2001. С. 21.

об относительно положительном демографическом потенциале (табл. 3).

В связи с активной трудовой миграцией в половозрастной структуре северных районов освоения Бурятии также произошли изменения. Возросла доля молодых возрастов мужского и женского населения при незначительной доле лиц предпенсионного и пенсионного возрастов. Наиболее многочисленная демографическая группа приходилась на возраст 20–29 лет. Среди работавших на БАМ в 1974 г. молодежь до 28 лет составляла 50,2 %, в 1976 г. – 56,2, в 1978 г. – 48,8, в 1980 г. – 43,9, в 1983 г. – 43,9 % [3, с. 85]. Снижение здесь в середине 1980-х гг. доли молодого населения объяснялось окончанием строительных работ и уменьшением мигрантского притока трудоспособного населения в зону БАМ. Прибывшие в начале 1980-х гг. большие контингенты преимущественно мужского молодого населения из других регионов передислоцировались на другие строительные объекты страны.

Следует также отметить особенности половозрастного состава коренного бурятского населения. По сравнению с населением других национальностей бурятское население характеризовалось высоким удельным весом женщин по сравнению с мужчинами. Так, в 1980-е гг. на каждую тысячу мужчин бурятской национальности приходилось 1 111 женщин. Для сравнения отметим, что для русского населения это соотношение составляло 1 062 [4, с. 3]. Возрастная структура бурятского населения характеризовалась более высоким удельным весом лиц молодого возраста по сравнению со среднестатистическим уровнем по республике. По переписи 1989 г., в целом по Бурятии средний возраст населения составлял 30,6 лет, у бурят – 27,7 лет [4, с. 14].

Таблица 4

Общие коэффициенты брачности у мужчин и женщин Бурятии*

Год	Приходится браков на 1 тыс. чел.	
	мужчины (16–59 лет)	женщины (16–54 лет)
1970	36,6	35,2
1975	36,9	36,7
1979	35,3	41,8
1985	29,3	36,9
1989	30,6	33,4

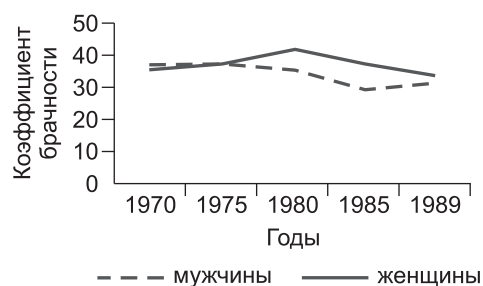
* Составлена по: [8, с. 32]; Бурятская АССР в цифрах: краткий стат. сб. Улан-Удэ, 1987. С. 74.

Таким образом, в этот период Республика Бурятия отличалась весьма благоприятным составом демографических групп по полу и возрасту.

Материалы изучаемого периода свидетельствуют, что по возрастной дифференциации большее количество браков в Бурятии приходилось на 20–29 лет, что характерно и для населения других регионов. Однако уровень брачности населения в городах и сельской местности был различным. В селах молодые люди вступали в брак в более ранних возрастах: 19–22 года. Это объяснялось тем, что создание новой семьи имело хозяйственную основу. Для сельской семьи был характерен сложный тип, характеризующийся проживанием и совместным ведением хозяйства нескольких семей и поколений. При этом браки сельских жителей оказывались более стабильными вследствие большего числа детей, более длительного знакомства молодых и их родителей, тщательной подготовки к браку, тогда как в городах около 90 % молодых принимали самостоятельные решения, стремясь к экономической независимости от старшего поколения и подвергаясь определенному риску в выборе супругов. В 1970-е гг. коэффициент брачности у мужчин и женщин был почти одинаков, начиная с 1980-х гг. наблюдались значительные различия (табл. 4).

Если перенести данные таблицы в диаграмму, то можно отметить, что кривая брачности у женщин несколько выше, чем у мужчин (см. рис.). Эта тенденция прежде всего связана с увеличением количества разводов у мужского населения.

Повышение коэффициента брачности с середины

Коэффициенты брачности мужчин и женщин в Бурятии в 1970–1989 гг.

1970-х до середины 1980-х гг. объяснялось прибытием в республику мигрантов активных молодых возрастов. Поскольку частота заключения браков, особенно в раннем возрасте, неодинакова, необходимо провести анализ частоты браков по полу. Для этого можно воспользоваться показателем возрастных коэффициентов брачности мужчин и женщин в республике (табл. 5). Частота заключения браков у мужчин и женщин неодинакова, с возрастом она сначала резко возрастала, потом, достигнув определенного максимума в 20–30 лет, начала медленно снижаться, сходя до минимума к 60–65 годам. Вместе с тем между динамикой брачности мужчин и женщин наблюдались различия, отражающие особенности мужской и женской брачности. Максимальный показатель женской брачности выше показателя мужской брачности, снижался он более резкими скачками. Эти различия отражали разную частоту браков мужчин и женщин. Женщины вступали в повторный брак чаще, что и объясняло значительное превышение числа женщин, состоящих в браке. При этом мужчины вступали в брак в основном в более позднем возрасте, чем женщины. Это было связано в первую очередь с вышеназванными изменениями в возрастной структуре населения, а также с увеличением среднего срока продолжительности учебы. Так, если в 1970 г. средний срок обучения молодых составлял 6,3 года, то в 1985 г. – 9,3 года, что также являлось

некоторым сдерживающим фактором вступления в брак и создания семьи.

Наряду с интенсивной брачностью женщин в молодом возрасте эта особенность была заметна и в более пожилом возрасте вследствие высокого показателя разводов и тенденции увеличения количества повторных браков.

Период 1970–1980-х гг., отмеченный ростом миграционной мобильности и ускорением социально-экономического развития республики, характеризовался не только переходом к современному типу воспроизводства, но и трансформацией семейно-брачных отношений, изменениями ценностных ориентаций на семью, духовными и материальными потребностями мужчин и женщин, их социально-психологической совместимостью, большей экономической самостоятельностью женщин.

Формирование нового современного типа семьи сопровождалось повышением интенсивности ранних браков (до 20 лет), особенно у девушек, внутрисемейным регулированием числа и сроков рождения детей, ориентацией в городах на одно-двухдетную семью, а иногда и бездетную (тогда как в сельской местности – от трех детей и более), ростом повторной брачности (в 40–50 лет).

Несмотря на положительную тенденцию формирования семей, как в городском, так и в сельском

Таблица 5

Возрастные коэффициенты брачности мужчин и женщин в Бурятии*

Возраст (лет)	1980 г.		1985 г.		1989 г.	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
моложе 20 лет	13,3	73,1	13,2	85,3	36,4	87,6
20–24	102,6	99,0	110,2	77,0	112,2	91,6
25–29	45,6	33,4	38,9	33,8	46,0	35,4
30–34	21,1	17,7	17,1	15,0	22,4	19,5
35–39	11,4	8,0	11,0	8,1	13,3	11,7
40–44	7,6	5,9	7,0	6,3	10,7	8,6
45–49	4,8	4,1	5,0	4,6	6,7	5,1
50–54	4,6	3,0	4,1	4,6	4,3	7,1
55–59	5,3	3,2	3,2	4,0	4,0	4,9

* Составлена по: [2, с. 27].

Таблица 6

Число зарегистрированных браков и разводов на 1 тыс. населения Бурятии*

Показатель	1970 г.	1975 г.	1980 г.	1985 г.	1989 г.
Кол-во браков в расчете на 1 тыс. чел.	94,5	108,2	107,6	91,5	93,2
В том числе:					
в городах	116,6	118,1	109,5	90,1	99,1
в сельской местности	76,5	96,8	105,0	93,6	94,0
Кол-во разводов в расчете на 1 тыс. чел.	14,1	20,7	29,3	26,5	28,2
В том числе:					
в городах	22,9	29,8	42,5	35,4	38,5
в сельской местности	6,8	10,2	11,6	12,3	14,0

* Составлена по: [2, с. 27].

Таблица 7
Изменение средней величины семьи в Бурятской АССР
в 1980–1989 гг.*

Население	Средняя величина семьи, чел.		
	1980 г.	1989 г.	%
Всего	3,6	3,5	97,2
в том числе:			
городское	3,4	3,4	100,0
сельское	3,8	3,7	97,3

* Составлена по: Бурятская АССР в цифрах...; НАРБ. Ф. 196. Оп. 1/8. Д. 115. Л. 160.

населении увеличивалась доля одиночек. Это было следствием разницы в уровнях повозрастной смертности мужчин и женщин, когда одиночками оставались в основном женщины в связи с миграцией мужского населения в города, а также из-за увеличения числа разводов.

Сопоставление показателей разводимости за 1970–1980-е гг. позволяет выявить закономерности ее развития. Это дает возможность установить место и роль процесса разводимости в процессе трансформации семей (табл. 6).

Как видно из табл. 6, в Бурятии наряду со снижением процесса брачности наблюдался непрерывный рост разводов: каждый третий брак заканчивался распадом семьи. Особенно высок был уровень разводимости в городах: примерно в 3 раза выше, чем в сельской местности. Это объяснялось в первую очередь тем, что сельская семья была скреплена хозяйственными отношениями и отличалась многодетностью, что также служило сдерживающим фактором.

Наибольшая доля расторгнутых браков как в городской, так и в сельской местности приходилась на мужчин в возрасте 30–34 лет, у женщин – 25–29 лет. Количество разводов стабильно повышалось, достигнув в 1980-х гг. 3,1 % на 1 тыс. чел. по сравнению с 1,4 % в 1970-х гг. [2, с. 23].

Особо следует отметить увеличение количества разводов молодых семей. По данным статистики, в 1987 г. 12 % расторгнутых браков в возрасте 25–29 лет приходилось на долю семей «со стажем» совместной жизни супругов до 3–5 лет. Треть разводов составляли браки, просуществовавшие менее года, а еще треть – от года до пяти лет [5, с. 87]. Причины роста процесса разводимости как явления разнообразны и связаны со структурно-функциональными изменениями семьи. Общая тенденция роста разводимости обусловлена перестройкой семьи, в частности, повышением требований к внутрисемейным отношениям в условиях почти всеобщей занятости и экономической самостоятельности женщин.

Еще одной причиной, негативно влиявшей на стабильность молодых семей, являлось изменение отношений между супругами. Положительное значение имело то, что супруги с первых дней совместной жизни становились самостоятельными в ведении быта, воспитании детей, однако вследствие этого молодая

семья лишалась возможности поддержки со стороны старшего поколения.

Несколько другой была семейно-брачная структура в северных районах Бурятии. Диспропорциональная половозрастная структура вследствие высокой доли мигрантов-мужчин на бурятском участке БАМ создавала ряд дополнительных трудностей для формирования здесь постоянного населения, препятствовала созданию новых семей. Так, в 1975–1976 гг. доля мужчин составляла 71,6 %, женщин – 23,4, в 1981 г. – соответственно 66,3 и 33,7, в 1985 г. – 62,1 и 37,9 % [6, с. 76]. Данное обстоятельство отчасти объясняется тем, что в первые годы строительства магистрали лишь 40 % женатых мужчин жили вместе с семьями. У остальных семьи оставались в местах выезда.

Превалирование мужского населения над женским вполне закономерно в силу специфики труда в строительной отрасли, ограничивающей сферу приложения женской занятости. Оно усугублялось также недостаточным развитием сети учреждений социально-бытового назначения и отсутствием вследствие этого «женских» видов труда. Диспропорция в половом составе молодежи затрудняла создание новых семей и замедляла процесс естественного прироста населения. Неслучайно 55–83 % опрошенных молодых мужчин, проживавших в поселках БАМ, наиболее важным препятствием для создания семьи назвали отсутствие невест [7, с. 77].

При этом бамовские семьи не отличались большой стабильностью. Доля разводов в регионе была одной из самых высоких в стране – 60 %. Причины разводов большинство исследователей видело в социально-бытовой неустроенности, отсутствии постоянного жилья, детских садов, в наличии проблем с трудоустройством женщин и т. д. Так, в 1978 г. в Северобайкальском районе зарегистрировано 324 брака и 153 развода, а в 1988 г. – соответственно 440 и 175 [6, с. 250].

В отличие от республики в целом, социально-демографическая структура населения северных районов имела особенности, характерные для строек на малоосвоенных территориях: преобладание молодых возрастов, диспропорции в половозрастном составе, высокая брачность и нестабильность семей и т. д. В результате демографического перехода к новому, современному режиму воспроизводства и внутрисемейному регулированию деторождения семейный состав населения республики становился более узким, но превышал статистические показатели по стране, что обуславливалось сохранением у коренного и в т. ч. сельского населения традиционного типа воспроизводства, ориентированного на многодетность (табл. 7).

В среднем за этот период размер семьи в республике уменьшился с 4,0 до 3,5 чел., а по России – с 3,6 до 3,2 чел. [8, с. 65]. Таким образом, под воздействием новых социально-экономических и демографических тенденций в республике трансформировалась структура семьи и брака.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молодожены: сб. ст. / ред.-сост. В.А. Сысенко. М., 1985.
2. Демографическое и социальное развитие Бурятской АССР. Улан-Удэ, 1990.

3. *Медведева Л.М.* Трудовая и политическая активность строителей Байкало-Амурской железнодорожной магистрали (1974–1984 гг.). М., 1988.

4. Буряты в зеркале статистики. Улан-Удэ, 1996.

5. *Переведенцев В.И.* Воспроизводство населения и семья // СОЦИС. 1982. № 2.

6. *Байкалов Н.С.* История формирования социальной инфраструктуры Бурятского участка БАМа (1974–1989 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005.

7. *Белкин Е.В., Шереги Ф.Э.* Формирование населения в зоне БАМ. М., 1985.

8. *Мангатаева Д.Д.* Население Бурятии: тенденции формирования и развития. Улан-Удэ, 1995.

*Статья поступила
в редакцию 16.08.2012*

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ

УДК 94(47).063/065

А.Х. ЭЛЕРТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО СЕВЕРО-ВОСТОКУ СИБИРИ КАК ПЕРЕЛОМНЫЙ ЭТАП В ЭКСПЕДИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г.Ф. МИЛЛЕРА

д-р ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: alexandrelerert@yahoo.com

В статье исследуется экспедиционная деятельность академика Г.Ф. Миллера в период его пребывания на северо-востоке Сибири в 1736–1737 гг. Выделение данного этапа как переломного в научной биографии ученого связано с тем, что именно в это время историком были начаты важнейшие проекты по комплексному изучению Сибири (труды по истории русских географических открытий, истории присоединения и освоения русскими различных регионов края, русско-китайских отношений, этнографии и др.). Реализация этих проектов во время экспедиции и после ее окончания принесла ученому европейскую известность и славу «отца сибирской историографии».

Ключевые слова: Г.Ф. Миллер, Вторая Камчатская экспедиция, северо-восток Сибири, география, история, этнография.

При анализе творческой биографии Герарда Фридриха Миллера обычным является выделение в ней сибирского этапа в целом. По общему признанию, именно в ходе десятилетних путешествий в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) Миллер сформировался как выдающийся ученый с европейской славой. За эти годы он, единственный из участников Второй Камчатской экспедиции, посетил и исследовал все уральские и сибирские уезды, и мы вряд ли можем говорить, к примеру, о мангазейском, томском, туринском и других этапах в научной работе путешественника. По нашему мнению, исключение в этом отношении составляет время пребывания Миллера на Северо-Востоке: именно здесь перед историком открылись новые горизонты в исследовании Сибири, и здесь он приступил к реализации наиболее масштабных научных проектов.

На северо-востоке Сибири Миллер пробыл более полутора лет. 24 марта 1736 г. он отправился из Илимска и до конца 1737 г. совершил путешествия по следующему маршруту: Илимск – Усть-Кутский острог (пробыл здесь с 26 по 28 марта) – д. Усть-Илга (31 марта – 27 мая) – Усть-Кутский острог (3–18 июня) – Киренский острог (23 июня – 11 июля) – Чечуйский острог (12–17 июля) – Сполошная слобода (17–23 июля) – Витимская слобода (27 июля – 11 августа) – Олекминский острог (16 августа) – Якутск (с 4 сентября 1736 г. по 9 июля 1737 г., с выездами в окрестности) – Олекминский острог (24 июля – 2 август-

та) – Витимская слобода (17–21 августа) – Киренский острог (3 сентября – 6 ноября) – Верхоленинский острог (15–26 ноября) – Иркутск (прибыл 30 ноября)¹.

Во время этих поездок Миллер не вел путевых описаний, которые составлялись им во время путешествий по территории Урала, Западной Сибири и Енисейского края в 1733–1734 и 1739–1742 гг. В Восточной Сибири он поручил эту работу сотрудникам академического отряда (студенту С.П. Крашенинникову, переводчику И. Яхонтову и др.). Однако обычные для путевых описаний Миллера сведения географического характера, данные о расселении русских и других народов Северо-Востока мы можем обнаружить в ряде других работ ученого этого периода и прежде всего в его полевом дневнике.

В самом начале экспедиции Миллер приступил к составлению историко-географических описаний сибирских уездов. Всего им было подготовлено семь таких трудов (описания Кузнецкого, Томского, Енисейского, Мангазейского, Красноярского, Селенгинского и Нерчинского уездов) [1, с. 41–55]. Ученый планировал продолжить эту работу и, посылая в январе 1737 г. в Сенат «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов...», сообщал:

Того ради охотно желаю, чтобы я и о протчих сибирских городах и уездах такое же обстоятельное известие дать

¹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 53 («Краткая роспись сибирского путешествия профессора Академии наук Г.Ф. Миллера»).

мог, дабы сибирская история и география, ежели я иногда оную по порядку предлагать буду, сходна была. Не только о Иркутске, Илимске и Якутске, но и о самой Камчатке уже многие документы имею, а из здешнего архива получил столько известия, что над оными до будущей весны трудиться и пространнее прежнего описывать буду... [2, с. 87].

Однако, судя по всему, к написанию обещанных работ Миллер так и не приступил. В отношении Якутского уезда это отчасти можно объяснить следующим. Важнейшим источником ученого для характеристики современного положения уездов являлись официальные данные, которые он получал из городских канцелярий методом анкетирования [1, с. 16–41]. В Якутске с этим возникли немалые трудности. 12 января 1737 г. Миллер направил «вопросные пункты» анкеты в Якутскую воеводскую канцелярию, присовокупив, что сведения необходимо представить в кратчайший срок «ради подлинного описания Якуцкого уезда»². 21 апреля он вновь обратился в воеводскую канцелярию:

Понеже я оной ведомости Якуцкой воеводской канцелярии и по сие число не получил, от чего в положенных на меня делах читится немалая остановка, а по иным сибирским городам сочинены такие ведомости в две, в три и в четыре недели, того ради сим Якуцкой воеводской канцелярии вторично предлагаю и требую, чтоб повелено было оную ведомость сочинить и ко мне прислать не упуская времени³.

Когда, наконец, в июне 1737 г. ученый получил ведомость, то оказалось, что она «явилась необстоятельна». Почти по всем пунктам историк потребовал повторных ответов, указывая на этот раз, чтобы избежать обычных отговорок («справитца не по чему»), на источники, из которых составители ведомости могли бы почерпнуть информацию. Несмотря на категоричное требование Миллера «прислать оную ведомость ко мне в неукоснительном времени, понеже мы отсюда в скорых числах отправимся»⁴, уезжать из города ему пришлось без ведомости. В промемории в Якутск, посланной 20 августа из Витимской слободы, Миллер уже грозит, что если ответы на анкету не будут присланы «конечно в немедленном времени», то он напишет об этом «вышним командам».

Миллер не получил в «немедленном времени» не только ведомость, но даже обычный ответ с оправданиями и ссылками на непреодолимые препятствия, помешавшие выполнить «Ея императорского величества указ». Уже в январе 1738 г. он пишет жалобу в Иркутскую провинциальную канцелярию и просит подтвердить требование о присылке ответов на анкету специальным указом. В итоге историк получил ответы на «вопросные пункты» по Якутскому уезду⁵ спустя полтора года, когда он уже отказался от плана составления описаний всех сибирских уездов.

Учитывая огромные размеры Якутского уезда, Миллер не ограничился анкетированием лишь воеводской канцелярии. Во время пребывания в Якутске им был составлен ряд инструкций приказчикам острогов и ясачных зимовий, а также ясачным сборщикам.

Содержание этих инструкций во многом повторяет «вопросные пункты» анкет. Требовалось представить описание дорог до зимовья или острога, куда направлялся ясачный сборщик или приказчик, дать сведения о реках, лесах, флоре и фауне окрестных мест, сообщить о составе, численности и расселении русских и коренных жителей, их повинностях, составе и состоянии построек в зимовье или остроге⁶. Большинство составленных в соответствии с данными инструкциями описаний было также получено Миллером уже после отъезда из Якутска.

Причиной отказа Миллера от составления отдельных описаний уездов, по нашему мнению, все же был не недостаток необходимых данных. Это могло вызвать задержку в подготовке очередных описаний, но не полное прекращение такого рода работы. Мы полагаем, что основная причина кроется в следующем: собранные Миллером в первые годы путешествия материалы позволили ему от комплексного историко-географического описания отдельных уездов перейти к работе над обобщающими трудами, в первую очередь по истории и этнографии народов Сибири. Немаловажную роль в этом отношении сыграли источники, полученные в Якутске и Якутском уезде.

Прежде всего, это документы Якутского архива – одного из богатейших в то время в Сибири собраний актовых источников. Накануне поездки в Якутск во время пребывания в Илимске Миллер впервые лично просмотрел все документы местного архива и убедился в том, что только таким путем можно было получить «великую пользу» в познании истории. В небольшом Илимском архиве было скопировано лишь 90 документов, но вскоре опробованный здесь метод сплошного просмотра дал блестящие результаты в следующем архиве – Якутском. Миллер писал в связи с этим: «Нигде не видал я столь достаточной и полезными известиями наполненной архивы, как в Якуцкой канцелярии. То было изрядно, что я над оною архивом трудился целую зиму» [3, с. 78]. Всего в Якутске было скопировано 715 документов, составивших пять громадных по объему томов. Для сравнения укажем количество документов, скопированных в предшествующий период в других городах: в Таре – 33, в Кузнецке – 33, в Селенгинске – 22, в Нерчинске – 123 [4].

Но не только количество скопированных в Якутске документов определяет их значение для исторических исследований Миллера и последующих поколений историков. Среди этих документов находилось множество ценнейших источников, позволяющих воссоздать историю и Северо-Востока, и других регионов Восточной Сибири (Забайкалье, Приамурье и др.) начиная со второй четверти XVII в. А.И. Андреевым приведены убедительные доказательства того, что первые четыре главы «Истории Сибири» Миллер начал писать не позднее 1740 г. [5, с. 72–73]. По нашему мнению, есть основания предполагать, что первые тексты, которые легли в основу некоторых глав «Истории Сибири», касающихся Восточной Сибири, были написаны уже в 1736–1737 гг.

Показательно в этом отношении «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов Иркутской про-

² Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 8.

³ Там же. Л. 31 об.

⁴ Там же. Л. 57 об.–59.

⁵ РГАДА. Ф. 199. Портф. 481. Ч. 7. Л. 205–274.

⁶ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 24. Л. 372–377 и др.

винции в Сибири, в нынешнем их состоянии, летом 1735 г.», насчитывающее 554 стр. рукописного текста. Эта работа была завершена в Якутске и отослана в Сенат в январе 1737 г. Данный труд отличается от предыдущих описаний как по объему (он вдвое пространнее, чем все пять предыдущих описаний уездов вместе взятых), так и по содержанию. Вопреки названию, Миллер рассмотрел здесь географию края и его историю в XVII в., почти не касаясь современного положения. «Описание Селенгинского и Нерчинского уездов...» свидетельствует о том, что Миллера перестали устраивать прежние формы работы. Проявилось это не только в выходе за рамки одного уезда или резком увеличении объема. Данное описание – это капитальное историческое исследование, которое базируется на документальных источниках, выявленных историком самостоятельно в сибирских архивах. По сути, это «Описание...» можно рассматривать как первый этап работы над «Историей Сибири». Проведенный нами анализ неопубликованных 21–23-й глав «Истории Сибири» показывает, что они представляют собой доработанный текст «Описания Селенгинского и Нерчинского уездов...».

Обнаруженные в Якутском архиве уникальные источники по истории русских географических открытий (среди них и подлинные документы об историческом плавании С. Дежнева), а также информация, полученная от мореходов, промышленных и служивых людей, позволили Миллеру приступить к написанию серии специальных трудов, посвященных этой теме. Начало же этому положила написанная в Якутске работа «Известия о северном морском ходе...»

Говоря об этнографических изысканиях Миллера, необходимо упомянуть о неопубликованных рукописях, в которых отложился первичная информация, полученная путешественником из разных источников, и в первую очередь в результате непосредственного общения с информаторами. Среди них наибольший интерес представляет полевой дневник, который Миллер вел на протяжении всего сибирского путешествия и в который он весьма бессистемно, по мере поступления, заносил сведения по всем интересовавшим его проблемам. Нами выявлены все пять частей дневника, насчитывающего в общей сложности около 2,5 тыс. стр. рукописного текста. Из всех материалов данного источника наиболее объемны и интересны для современных исследователей те, что касаются истории, этнографии и современного положения народов Северо-Востока. Они вошли в 3-ю часть дневника, имеющую архивное название «Разные исторические и географические сведения, могущие служить материалом для описания Сибири»⁷. «Якутский» блок этой части занимает 510 стр. текста (л. 1–255 об.).

Содержание дневника показывает, что начиная с Якутии опросный метод сбора информации, непосредственное общение с местными жителями как в городе, так и во время ознакомительных поездок в близлежащие волости и улусы становятся важнейшими элементами экспедиционной работы историка. Конечно, и ранее Миллер общался с информаторами, но не

столь интенсивно, и основной его целью при этом было получение сведений по довольно ограниченному кругу вопросов (география региона, этнический состав, численность и расселение коренных жителей, местоположение русских населенных пунктов). В Якутии Миллер продолжал собирать сведения по указанным проблемам, но не они становятся для него приоритетными. На первый план выходят такие темы, как этническая история народов Северо-Востока, вхождение региона в состав России, взаимоотношения русских и коренных жителей, материальная и духовная культура якутов и других народов, религиозные верования и обряды.

В отличие от предшествующего периода, Миллер, начиная с Якутии, стал заносить в дневник сведения о тех людях, от которых ему удалось получить наиболее ценные сведения. Среди названных ученым более чем 100 информаторов, с которыми он общался в Якутии, указаны служилые (рядовые, дети боярские и дворяне), приказчики острогов и зимовьев, промышленные люди, представители коренного населения – якуты, эвенки, эвены, коряки. Многие сведения, полученные от них, поистине уникальны, их нет ни в одном другом известном нам источнике. Это и рассказы участников военных походов против чукчей и коряков, и детальнейшие описания традиционных верований и обрядов, сделанные авторитетными шаманами «в славе», и рассказы тех же шаманов об исторической прародине якутов, и показания потомком знаменитого Тыгына о генеалогии их рода и т. д. В совокупности все эти материалы, в сочетании с источниками официального происхождения, давали возможность реконструировать этническую историю народов Северо-Востока, а также изучить до мельчайших деталей их материальную и духовную культуру.

В литературе, посвященной деятельности Миллера как этнографа, особое место отводится анализу его инструкции по организации этнографических исследований в Сибири, составленной в 1740 г. для И.Э. Фишера («Показание, каким образом при описании народов, а паче сибирских, поступать должно»). Безусловно, этот программный документ, состоящий из 923 пунктов-статей, наиболее полно отражает взгляды ученого на цели, конкретные задачи, методы и формы этнографических исследований. Однако имеются все основания полагать, что основные взгляды по этим проблемам сформировались у него раньше, и поворотным пунктом в этом отношении стало его пребывание в Якутском уезде. Об этом свидетельствует не только то, что лишь начиная со времени пребывания в Якутии этнографические исследования Миллера приобрели широкий масштаб и комплексный характер. Как прообраз указанной этнографической программы 1740 г. можно рассматривать две инструкции, предназначенные для С.П. Крашенинникова. Первая из них, написанная Миллером совместно с И.Г. Гмелиным при отправлении Крашенинникова на Камчатку, состоит из 89 пунктов, значительная часть которых посвящена этнографическим проблемам. Вскоре после отъезда Крашенинникова Миллер отправил ему и специальную этнографическую инструкцию, состоящую из 230 пунктов, под заголовком «Допросы при описании

⁷ РГАДА. Ф. 199. Портф. 507. Ч. 2.

народов и их нравов и обычаев»⁸. Несмотря на то, что данная инструкция предназначалась для изучения народов Камчатки, в ней уже очерчен тот основной круг проблем, которыми, по мнению Миллера, должен был заниматься исследователь в ходе полевой работы при описании всех народов Сибири.

Ко времени пребывания Миллера в Якутском уезде следует отнести, скорее всего, начало его работы над грандиозным проектом комплексного сравнительного этнографического описания всех сибирских народов. По нашему мнению, толчком к этому послужило то, что в конце 1736–1737 г. исследователь смог получить качественно новые, более обширные по объему и разнообразию материалы по этнической истории, материальной и духовной культуре многих народов Северо-Востока (архивные источники, результаты опросов информаторов, личные наблюдения). В связи с этим появилась возможность обобщить разрозненные сведения по каждому народу в отдельности, а затем сопоставить их между собой.

В рамках решения первой задачи Миллер в конце 1736 или в начале 1737 г. приступил к написанию работы под архивным названием «Известия о якутах и их шаманах, о юкагирах, остяках, тунгузах, самоедах, камасинцах, тайгинцах, качинцах, татарах и об обычаях разных сих народов»⁹. Описанию народов Якутского уезда здесь посвящено около половины текста – 179 стр. из 356. Тогда же во время пребывания в Якутском уезде Миллер, опираясь на различные источники и в первую очередь материалы полевого дневника и «Известий о якутах и их шаманах...», начал работу и над текстом фундаментального обобщающего труда – «Описания сибирских народов»¹⁰.

Еще одним начинанием Миллера, относящимся ко времени его пребывания в Якутии, является сбор этнографических коллекций. Правда, отдельные предметы приобретались им и ранее, однако среди них преобладали разного рода «куриозы». Начиная с Якутска работа по сбору этнографических экспонатов приобрела масштабный и систематический характер. В промемории от 29 марта 1737 г. ученый потребовал:

чтоб соблаговолено было из Якуцкой воеводской канцелярии послать во все подгородные волости Ея императорскаго величества указы к лучшим оных волостей князцам, и велеть им объявить лучшее свое мусское и женское платье, чтоб из оного выбрать, которое для посылки в Ея императорскаго величества Кунсткамеру будет угодно, а которое выберется, за то заплачено им будет по вольной настоящей цене безобидно¹¹.

Летом 1737 г. ученый обратился в Якутскую канцелярию с аналогичным требованием, указав в этот раз еще и те образцы мужской, женской и детской одежды, зимней и летней, которые его интересовали более всего («санаяки, тагалаи с привесами и без привесов...» и др.)¹². Помимо этого ученый наказывал служилым, которых посылали в улусы для доставки информаторов из числа «лучших» людей в Якутск, чтобы они брали с собой «для показу» образцы одежды. Часть этих образцов Миллер покупал. В результате ему удалось собрать богатейшую коллекцию одежды и обуви не только якутов, но и других народов Северо-Востока (эвенков, эвенов, юкагиров, коряков). Только в одном «резестре» отправленной в Кунсткамеру коллекции описывается 71 предмет «иноземческого платья» указанных народов¹³. Большинство их впоследствии погибло во время пожара в Кунсткамере, однако даже описания утраченных коллекций представляют собой ценный этнографический источник. Приведем в качестве примера описание якутской шапки, посланной Миллеру из Якутска 24 февраля 1739 г. вместе с другими предметами:

Старшево мужа убор на голове шапка, по их прозванию малахай: верх лоб волчей, обложен рассамачьих черев, посредине два рошка, оболочены рысьими ушками, под рошками обнизано бисером в четыре ряда, окол щек белки, испод на красной коже, по щекам горностальи кожи, по краю бисер по пяти рядов. Та шапка опущена перед рассамачьей кожи. На той же шапки против лба круг серебряной. Цена всему один рубль пятьдесят копеек¹⁴.

Оценивая работу Миллера в Сибири, исследователи среди наиболее важных ее результатов обычно называют выявление и копирование громадного комплекса архивных документов, труды по истории Сибири и этнографии населяющих ее народов, исследования по истории русских географических открытий. Нет никаких сомнений в том, что важнейшим этапом в работе Миллера по всем указанным направлениям явилось его пребывание на Северо-Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Элрт А.Х. Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск, 1990.
2. Андреев А.И. Очерки по источниковедению Сибири. М.; Л., 1965. Вып. 2: XVIII век (первая половина).
3. Иванов В.Ф. Историко-этнографические изучения Якутии. XVII–XVIII вв. М., 1974.
4. Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г.Ф. Миллера. Описи копийных книг. Новосибирск, 1993–1995. Т. 1–2.
5. Андреев А.И. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.

Статья поступила
в редакцию 10.08.2012

⁸ Там же. Портф. 509. Д. 10. Л. 1–22.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 1–178 об.

¹⁰ РГАДА. Ф. 181. Д. 1386. Ч. 1. Л. 1–170; Ч. 2. Л. 1–92 об.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 21. Оп. 2. Д. 2. Л. 24–24 об.

¹² Там же. Л. 80–80 об.

¹³ Там же. Оп. 5. Д. 68. Л. 75–79.

¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 90–91 об.

УДК 94(47).082/083

А.И. ТАТАРНИКОВА

**СЕТЬ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ СИБИРИ КОНЦА XIX в.:
ТИПИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА, ЧИСЛЕННОСТЬ, ВЕЛИЧИНА**

канд. ист. наук,
Тобольская комплексная
научная станция УрО РАН
e-mail: tatob777@yandex.ru

В статье дается конкретно-историческая характеристика типической структуры, численности и величины сети сельских поселений на территории Сибири в конце XIX в. На основе анализа массовых статистических данных раскрывается разнообразие типов сельских населенных пунктов и их доля в общем числе сельских поселений региона. Определяется средняя величина населенного пункта (по количеству дворов и числу жителей) в каждом из округов Сибири.

Ключевые слова: сельское поселение, поселенческая сеть, типическая структура, система расселения.

Изучение вопросов формирования и развития сети сельских поселений в масштабах и страны в целом, и ее отдельных регионов занимает важное место в исторической науке. Испытывая на себе влияние политических, экономических и иных факторов, сельская поселенческая сеть одновременно отражает специфику колонизации отдельных территорий, уровень их промышленного и сельскохозяйственного освоения, особенности демографического развития, торгово-промышленных связей и т. п.

Интерес к изучению обозначенной темы возник сравнительно недавно. Только в последние десятилетия появились специальные работы, посвященные изучению истории развития населенных пунктов страны и ее отдельных территорий. Б.Н. Миронов проследил развитие городских и сельских поселений России в XVIII – начале XX в. в их исторической взаимосвязи, уделив особое внимание развитию города и деревни в процессе модернизации [1]. Л.Н. Мазур, изучая сельское расселение на Среднем Урале, охарактеризовала в своих работах направления и варианты трансформации поселенческой сети в XX в., показывая при этом особенности ее исторического развития [2]. История отдельных населенных пунктов или поселенческих гнезд становится сейчас популярной темой историко-краеведческих исследований в различных субрегионах Сибири, где работа по описанию процесса развития сети поселений ведется в контексте изучения истории отдельных сельских районов [3; 4; 5]. Однако вне поля зрения исследователей остаются такие значимые вопросы, как динамика численности поселений разного типа, изменение величины населенных пунктов по количеству дворов и числу жителей, структурирование, функционирование и эволюция сети поселений в масштабах всего Сибирского региона во второй половине XIX – начале XX в.

В настоящей статье предпринята попытка дать конкретно-историческую характеристику типической

структуры, численности и величины сети сельских поселений на территории Сибири в конце XIX в. Под сельским поселением мы понимаем населенный пункт, не имевший в изучаемый период официального статуса города.

Основным источником для изучения сельской поселенческой сети Сибири, ее типологии и численности стали «Списки населенных мест» Енисейской, Иркутской, Тобольской и Томской губерний, составившиеся приблизительно в одно время. Так, данные по населенным пунктам Иркутской губернии относятся к 1890 г., по поселениям Енисейской, Тобольской и Томской губерний – к 1891–1893 гг. [6]. Столь незначительный временной разрыв в составлении упомянутых списков позволил обобщить данные по типологии и численности сети сельских поселений названных губерний и провести их количественное и качественное сопоставление.

Следует отметить, что в списках поселений Енисейской губернии отсутствуют данные по населенным пунктам Туруханского приставства, входившего в конце XIX в. в ее состав. Оно занимало северную часть губернии, малопригодную для проживания, поэтому сеть поселений здесь была весьма разреженной. Интенсивное заселение и хозяйственное освоение происходило преимущественно в южных округах губернии. Именно на их территории формировался каркас поселенческой сети, возникали и успешно развивались населенные пункты разных типов. В связи с этим отсутствие данных по поселениям Туруханского края существенно не влияет на показатели развития сети сельских населенных пунктов губернии в целом.

Неполными по охвату населенных пунктов являются списки поселений Омского округа, входившего в интересующий нас период в состав Акмолинской области [6]. При составлении списков селений за 1893 г. в ней были учтены лишь селения Сибирского казачьего войска и казахские аулы. Поселения, в которых

проживали крестьяне, в списки не вошли. Вследствие этого сопоставление сети сельских поселений Омского округа с другими административно-территориальными единицами изучаемого региона является проблематичным.

Тем не менее наличие данных по большинству округов Сибири позволяет изучить основные показатели развития сети сельских поселений на ее территории, получить характеристику типической структуры и численности населенных пунктов в губерниях и округах этого обширного региона.

К концу XIX в. в четырех губерниях Сибири насчитывалось свыше 10 тыс. населенных пунктов. Лидирующее положение по их количеству занимала Тобольская губерния: на ее территории находилось 36 % всех поселений Сибири. Наименьшей численностью населенных пунктов отличалась Енисейская губерния (12 % от числа всех поселений четырех рассматриваемых административно-территориальных единиц). Селения Томской губернии составляли 31 % сельской сети поселений Сибири, Иркутской губернии – 21 %. Однако численность населенных пунктов – не единственный показатель плотности поселенческой сети. Вследствие огромной площади сибирских губерний, наличия значительного количества непригодных для жизнедеятельности земель густота сети сельских поселений не отличалась равномерностью. Так, в Тоболь-

ской губернии наибольшей плотностью отличалась сеть населенных пунктов Курганского, Ялуторовского и Тюменского округов. Среднее расстояние между населенными пунктами здесь составляло 4,5–6 км (подсчитано по: [6]). В Томской губернии высокая плотность поселенческой сети была характерна для Кузнецкого, Барнаульского и Каинского округов, в Енисейской – для Красноярского и Минусинского, а в Иркутской – для Балаганского и Иркутского округов. Самая разреженная сеть поселений была в Березовском и Сургутском округах Тобольской губернии, Томском и Мариинском округах Томской губернии, Енисейском и Канском округах Енисейской губернии, Киренском и Нижнеудинском округах Иркутской губернии. Среднее расстояние между населенными пунктами в таких округах, как Березовский, Сургутский, Енисейский и Киренский, составляло свыше 100 км (см.: [6]).

Рассмотрим количественные характеристики развития сети сельских поселений в каждой из сибирских губерний, учитывая данные по округам, входящим в их состав. В основные параметры этой характеристики мы включили численность населенных пунктов и их среднюю величину по количеству дворов и числу жителей. Результаты произведенных нами подсчетов представлены в табл. 1–4.

Данные табл. 1 свидетельствуют о большом разрыве в количестве населенных пунктов между

Таблица 1

Количество и средняя величина сельских поселений в округах Тобольской губернии (1893 г.)*

Округ	Число поселений		На 1 поселение в среднем	
	абс.	%	дворов	жителей
Березовский	182	4,9	13	82
Ишимский	425	11,4	93	537
Курганский	446	12,0	103	544
Сургутский	160	4,3	6	41
Тарский	447	12,0	51	303
Тобольский	748	20,1	22	143
Туринский	368	9,9	30	170
Тюкалинский	297	8,0	77	455
Тюменский	275	7,4	61	288
Ялуторовский	371	10,0	99	484
<i>Итого:</i>	3719	100	58	322

* Подсчитано по: [6].

Таблица 2

Количество и средняя величина сельских поселений в округах Томской губернии (1893 г.)*

Округ	Число поселений		На 1 поселение в среднем	
	абс.	%	дворов	жителей
Барнаульский	681	21,2	91	477
Бийский	672	21,0	95	552
Каинский	398	12,4	61	305
Кузнецкий	671	21,0	36	179
Мариинский	200	6,2	77	463
Томский	585	18,2	44	229
<i>Итого:</i>	3207	100	67	363

* Подсчитано по: [6].

Таблица 3

Количество и средняя величина сельских поселений в округах Енисейской губернии (1893 г.)*

Округ	Число поселений		На 1 поселение в среднем	
	абс.	%	дворов	жителей
Ачинский	201	15,8	69	212
Енисейский	205	16,1	36	98
Канский	165	12,9	66	237
Красноярский	129	10,1	83	251
Минусинский	574	45,0	42	119
Усинский	2	0,1	76	796
<i>Итого:</i>	1276	100	53	321

* Подсчитано по: [6].

Таблица 4

Количество и средняя величина сельских поселений в округах Иркутской губернии (1890 г.)*

Округ	Число поселений		На 1 селение в среднем	
	абс.	%	дворов	жителей
Балаганский	952	42,5	27	134
Верхоленский	394	17,6	33	159
Иркутский	391	17,4	49	253
Киренский	337	15,0	28	137
Нижнеудинский	168	7,5	56	274
<i>Итого:</i>	2242	100	34	170

* Подсчитано по: [6].

разными административно-территориальными единицами Тобольской губернии. Больше всего поселений включали в себя Тобольский, Тарский, Курганский и Ишимский округа. Но в Березовском и Сургутском округах масштабы поселенческой сети были крайне незначительными. Несмотря на большую численность поселенческой сети, по величине населенных пунктов Тобольский округ более чем в 2 раза отставал от среднегубернских показателей. Наиболее крупными в губернии были селения Курганского, Ялуторовского и Ишимского округов. При этом свыше 500 дворов насчитывалось лишь в двух населенных пунктах Курганского округа. Подавляющее большинство всех поселений Березовского и Сургутского округов состояло всего из 1–25 дворов, что дало нам основания отнести их к населенным пунктам малой величины.

В Томской губернии к 1893 г. насчитывалось 3 207 населенных пунктов (табл. 2). Свыше 60 % всех поселений сосредоточивалось в трех округах: Барнаульском, Бийском и Кузнецком.

Самым бедным по количеству населенных пунктов был Мариинский округ. Однако средняя величина поселений здесь была выше общегубернских показателей. Лидирующее место по количеству крупных населенных пунктов принадлежало Бийскому и Барнаульскому округам. В Бийском округе к 1893 г. насчитывалось 10 населенных пунктов, имевших свыше 500 дворов, и 20 поселений с числом дворов от 301 до 400. В Барнаульском округе в изучаемое время свыше 500 дворов имелось только в двух селениях, а от 301 до 400 дворов – в четырех. Селения Кузнецкого округа были чаще всего малой и средней величины. Самая высокая доля селений малой величины (1–25 дворов) характер-

на для поселенческой сети Томского округа (28,9 %), а самая низкая – для Бийского округа (13,4 %).

В Енисейской губернии в рассматриваемый период насчитывалось лишь 1 276 населенных пунктов (табл. 3). Здесь находилась самая разреженная сеть поселений. Площадь губернии (без Туруханского приставства) составляла 624 623 кв. версты. Таким образом, на одно селение здесь приходилось 489,5 кв. версты (подсчитано по: [6]). В Тобольской губернии этот показатель составлял 327,3 кв. верст, в Томской – 238,4, в Иркутской губернии – 291,4 кв. версты (подсчитано по: [6]).

Наибольшее количество населенных пунктов имелось в поселенческой сети Минусинского округа. К 1893 г. здесь насчитывалось 574 поселения, что составляло почти 45 % всей сети сельских поселений губернии. Наименьшие масштабы поселенческой сети были характерны для Красноярского округа. Несмотря на небольшую численность, по величине населенные пункты этого округа были самыми крупными в губернии. Сеть поселений одноименного округа Енисейской губернии по средней величине поселений находилась примерно на одном уровне с Кузнецким округом Томской губернии и Туринским округом Тобольской губернии.

Иркутская губерния по числу населенных пунктов занимала 3-е место среди сибирских губерний. Согласно данным табл. 4, свыше 42 % всей сельской поселенческой сети губернии приходилось на Балаганский округ. Наименьшее количество населенных пунктов было в Нижнеудинском округе. Сельские поселения Иркутской губернии характеризовались самым низким показателем средней величины. Например,

Таблица 5

Количество и доля основных типов населенных пунктов в общем числе сельских поселений Сибири*

Губерния	Тип поселения							
	село		деревня		заимка/заселок**		выселок	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Тобольская	488	13,1	2361	63,5	6	0,2	128	3,5
Томская	394	12,3	1914	59,7	158	4,9	34	1,1
Енисейская	182	14,3	587	46,0	76	6,0	13	1,0
Иркутская	197	8,8	569	25,4	485	21,6	155	6,9
<i>Итого:</i>	1261	12,1	5431	52,0	725	6,9	330	3,2

* Подсчитано по: [6].

** Включены в одну графу, так как в списках населенных пунктов некоторых губерний данные по их численности и величине объединены.

по количеству дворов и числу жителей населенные пункты здесь были в 2 раза меньше селений Томской губернии К 1890 г. лишь в пяти селениях Иркутской губернии насчитывалось свыше 500 дворов (подсчитано по: [6]).

Структура сельских поселений Сибири в конце XIX в. выглядела довольно пестро. Помимо таких распространенных типов селений, как деревни, села, поселки, заимки, выселки, встречались весьма редкие – форпосты, караулы, урочища и др.

Селения коренных народов Сибири имели свои местные типические названия, употребляемые и официальными властями. Так, селения остяков (хантов) и самоедов (ненцев, селькупов) назывались *юртами*. Вогулы (манси) проживали в небольших населенных пунктах, называемых *паулами*. В рассматриваемый период юрты встречались в Тобольском, Березовском, Сургутском, Тарском, Тюменском и Ялуторовском округах Тобольской губернии; в Томском, Мариинском и Каинском округах Томской губернии. Паулы можно было встретить на территории Туринского округа Тобольской губернии.

У коренных алтайцев Бийского округа наиболее распространенным типом поселений был *аул*. Казахские и татарские селения назывались *аулами*. Характерным типом «инородческих» селений Кузнецкого округа Томской губернии являлись *улусы*. Их можно было встретить и на территории Енисейской губернии, преимущественно в Минусинском округе, где проживали хакасы, а также в Иркутском, Балаганском и Верхоленском округах Иркутской губернии.

Всего к 1893 г. в Тобольской губернии насчитывалось 676 селений «инородческого» типа (18,2 % от всей поселенческой сети губернии), в Томской – 602 (18,9 %), в Енисейской – 397 (31,1 %), в Иркутской губернии – 753 (33,6 %) (подсчитано по: [6]).

Основным типом русских сельских поселений Сибири являлись деревни, многие из которых при удачном развитии становились селами. Сходными по своим типическим признакам с селами были слободы и станицы. В 1893 г. статус слободы имели восемь поселений Тобольской губернии и семь селений Иркутской губернии. На землях Сибирского казачьего войска роль административно-хозяйственных центров играли станицы. К 1893 г. в Сибири официальный статус станицы имело 21 поселение (подсчитано по: [6]).

Для облегчения сопоставления абсолютного и относительного соотношения наиболее распространенных типов поселений в сибирских губерниях полученные нами данные сведены в табл. 5. Выяснилось, что доля сел в сети поселений большинства рассматриваемых губерний была примерно одинаковой. Исключение составляла Иркутская губерния, в которой удельный вес селений названного типа был незначительным. Низкие показатели удельного веса сел и деревень в губернии объясняются высокой долей селений аборигенного типа. Так, в Иркутском и Балаганском округах улусы и стойбища составляли соответственно 52,4 и 54,3 % их поселенческой сети. В целом на долю «инородческих» поселений приходилась треть всей сети населенных пунктов губернии.

В Тобольской, Томской и Енисейской губерниях преобладающим типом поселений была деревня. Немало деревень Сибири региона выросли из заимок, заселков или выселков.

В конце XIX в. на территории Томской и Енисейской губерний встречались поселения со статусом заселка. На наш взгляд, возникновение населенных пунктов с таким статусом могло быть следствием и вынужденного выселения из старых районов земледельческого освоения, и расселения мигрантов, прибывавших на новые, еще не освоенные территории.

Удельный вес заимок и заселков в сети населенных пунктов Сибири значительно различался по губерниям. Так, в Тобольской и Иркутской губерниях заселков не существовало, а доля заимок в сети поселений составляла соответственно 0,2 и 21,6 %. Особенно высоким был удельный вес заимок в Балаганском округе Иркутской губернии (45,1 % всей сети его поселений). Большая доля заимок в сети населенных пунктов данной губернии свидетельствовала об интенсивном хозяйственном освоении ее территории.

В пользу вывода об интенсивном заселении и освоении Иркутской губернии свидетельствует высокий показатель доли выселков среди всех ее поселений. Чаще всего выселки можно было встретить в Киренском и Верхоленском округах (соответственно 12,2 и 11,2 % от общего числа поселений в них). В Томской губернии самый большой удельный вес выселков имел одноименный округ (3,8 % его поселенческой сети), в Тобольской губернии – Тобольский и Тарский округа (соответственно 10,8 и 6,5 %). В Енисейской губернии

выселки как тип поселения встречались гораздо реже, чем в других губерниях Сибири. Самой высокой долей селений названного типа обладала поселенческая сеть Канского округа, но показатель удельного веса выселков в общем числе его поселений составлял лишь 0,5 %.

К сельским населенным пунктам несельскохозяйственного или смешанного типа можно отнести встречавшиеся в крае поселения при рудниках, приисках, заводах. Как правило, такие поселения имели одинаковый с основным предприятием статус. В Тобольской губернии к 1893 г. насчитывалось шесть таких поселений, в Енисейской – одно, в Иркутской – десять. В Томской губернии населенных пунктов с указанным статусом не было.

В заключение отметим, что на изучаемой территории к концу XIX в. из 10 444 населенных пунктов 6926 поселений (66,3 %) приходилось на долю Тобольской и Томской губерний (Западная Сибирь) и 3518 (33,7 %) – на долю Енисейской и Иркутской губерний (Восточная Сибирь). Для структуры расселения большинства округов Енисейской и Иркутской губерний, а также северных округов Тобольской и Томской губерний было характерно очаговое расположение населенных пунктов и их малонаселенность, т. е. преобладали поселения, небольшие по размерам (особенно в Иркутской губернии). Несколько иной была картина в южных округах Тобольской и Томской губерний, где удельный вес крупных по числу жителей селений возрастал, а заселение территории отличалось большей равномерностью. В целом по Сибири средний по величине населенный пункт состоял из 53 дворов и 294 жителей.

В типической структуре сельских поселений рассматриваемого региона преобладали населенные пункты со статусом села, деревни, заимки, выселка, что свидетельствовало о его интенсивном сельскохо-

зяйственном освоении. Количество несельскохозяйственных сельских поселений в изучаемый период было незначительным. Специфическая система поселений (заводы, селения при рудниках и приисках) формировалась в основном в горных Бийском и Кузнецком округах Томской губернии, а также в Минусинском округе Енисейской губернии, Нижнеудинском и Киренском округах Иркутской губернии.

Характерной особенностью региона являлось существование на его территории большого количества «инородческих» поселений и их значительная доля в общем числе сельских населенных пунктов (свыше 23 %).

Таким образом, к концу XIX в. в Сибири сложилась достаточно устойчивая система расселения, основу которой составляла сеть сельских поселений. Эта сеть, несмотря на неравномерность ее размещения, небольшую численность и малонаселенность, способствовала дальнейшему заселению, аграрному и промышленному освоению Сибирского края.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миров Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. 3-е изд. СПб., 2003.
2. Мазур Л.Н. Сельское расселение на Среднем Урале в XX в.: направления и варианты трансформации поселенческой сети: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2006.
3. История Курганской области. Курган, 1999. Т. 5; 2001. Т. 6.
4. Павловский район: очерки истории и культуры. Барнаул, 2000.
5. Зональный район: история, люди и судьбы. Барнаул, 2003.
6. Статистика Российской империи: волости и населенные места 1893 г. СПб., 1893. Вып. 1: Акмолинская область; 1894. Вып. 4: Иркутская губерния; Вып. 12: Томская губерния; 1895. Вып. 10/11: Тобольская и Енисейская губернии.

Статья поступила
в редакцию 20.08.2012

УДК 94(47)«18/1917» 316.342.4.

А.Ю. КОНЕВ

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ИНОРОДЦЕВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ИХ СОБСТВЕННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ (XIX – НАЧАЛО XX В.)

канд. ист. наук
Тюменский государственный
нефтегазовый университет
e-mail: aldimoks@mail.ru

В статье исследуется социальное самоопределение автохтонных народов Северо-Западной Сибири в процессе реализации реформы М.М. Сперанского. Прослеживается отношение представителей этих народов к предписанному им государством статусу, соотношение его с их собственным пониманием своего положения в обществе. Определяются сформировавшиеся к началу XX в. элементы сословной самоидентификации инородцев. При этом автор обращает внимание на сохранявшие актуальность локальные, этнические, территориально-административные и конфессиональные связи и идентичность, которые свидетельствовали о незавершенности процесса сословной консолидации инородцев региона.

Ключевые слова: инородцы, сословие, идентичность, Северо-Западная Сибирь.

Побудительным мотивом к написанию данной статьи для автора послужил возросший в последние годы со стороны отечественных историков, этнографов и правоведов интерес к изучению терминологии описания народов Российской империи [1; 2; 3; 4]. На наш взгляд, интерес этот не в последнюю очередь обусловлен вниманием к названной тематике в новейшей зарубежной историографии, тем более что соответствующие работы в течение последних десяти лет активно переводились на русский язык [5; 6; 7].

Отметим, что в большинстве известных нам публикаций, посвященных происхождению и содержанию термина «инородцы», основное внимание сосредоточено на его юридическом определении законодателем, на том, какие значения приобретало это понятие на протяжении XIX – начала XX в. в политическом, этнографическом и бытовом смыслах. Практически вне поля зрения исследователей остался весьма интересный аспект, связанный с тем, как сами представители инородческого населения осознавали свою принадлежность к определенной сословной группе, как они относились к предписанному им государством социальному статусу и соотносили его с их собственным пониманием своего места в общественной структуре. В этом отношении выделяется работа Л.И. Шерстовой, в которой автор анализирует ментальные установки тюрков Южной Сибири, обусловленные спецификой их социального состояния и проявившиеся в процессе отстаивания этими инородцами своих прав, определенных Уставом 1822 г. [8, с. 216–270].

В настоящей статье говорится об индигенном населении, под которым понимается население, предшествовавшее заселению Сибири и прилегающих к ней территорий русскими. С.В. Соколовский обращает внимание на то, что близкие к понятию «индигенность» термины «аборигенность» и «автохтонность» не являются его полными синонимами, имея собственные нюансы значений. Аборигены – первые насельники земель от начала начал; автохтоны – группы, впервые сформировавшиеся на данной территории [9, с. 321]. Термин «индигенные» позволяет охватить наряду с обскими уграми, самодийцами и частью сибирских тюрков, традиционно воспринимающихся в качестве туземных/автохтонных для исследуемого региона, проникавших сюда с конца XIV в. выходцев из Средней Азии и позднее – поволжско-уральских татар, потомки которых в XIX в. также попали в категорию инородцев.

Имеющийся в распоряжении исследователей корпус источников, связанных с реализацией в рассматриваемый период государственной политики в отношении народов западносибирского севера, транслирует информацию, опосредованную сознанием местных администраторов, священнослужителей и волостных писарей. В их среде существовали обусловленные господствующими общественно-политическими и религиозными воззрениями, правовыми установлениями взгляды на роль и место, которые отводились инородцам в имперской системе. Наряду с этим накапливавшийся в процессе практической деятельности личный опыт должностных светских и духовных лиц позволял составить им частные суждения о нуждах и проблемах

инородческого населения, о положении, в котором оно пребывало, о мерах по улучшению/изменению его социально-экономического быта. Данные обстоятельства создают некоторые сложности для адекватной интерпретации соответствующих документов с целью поиска ответов на поставленные вопросы. По утверждению В.О. Бобровникова, выяснить мнение об инородческой политике самих туземцев не так-то просто: «в архивах их голосов не найти» [4, с. 285–286].

Тем не менее услышать «прямую речь» инородцев, на наш взгляд, возможно. Наиболее информативными в этом отношении источниками являются приговоры инородческих сходов, постановления родовых судов, материалы, связанные с урегулированием земельных споров, разрешением/запретом поселения русских в инородческих волостях, а также документы, содержащие информацию об осуществлении властями мероприятий по изменению разрядной принадлежности автохтонного населения.

В результате реализации Устава об управлении инородцев 1822 г.¹ в Северо-Западной Сибири произошла существенная перестройка сложившихся у нерусского населения региона социальных структур. В число инородцев были включены представители разнообразных категорий: ясачные, бухарцы, оброчные чувальщики, с конца 1860-х гг. – служилые татары (*йомышлы*). До реформы они различались, в первую очередь, формой податного обложения и способом отправления тех или иных повинностей в пользу государства, особенностями административно-территориальной организации, наконец, самосознанием, сформировавшимся под влиянием совокупности факторов этноконфессионального, административно-правового и экономического свойства. В ряде случаев социальные границы группы определялись этническим происхождением ее членов, например, в число т. н. бухарцев включались только выходцы из Средней Азии.

Устав, разработанный М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым, предусматривал интеграцию разношерстной в этноконфессиональном и социально-правовом отношении массы аборигенного и оседавшего в регионе пришлого мусульманского населения. Формулировалась новая иерархия социальных статусов, определяемая принадлежностью инородца к разряду «бродячих», «кочевых» или «оседлых» в зависимости от «степени гражданского образования и образа жизни». Перечисление из более низкого в более высокий разряд должно было осуществляться по мере перехода к оседлости и производящим формам экономической деятельности при обязательном согласии самих инородцев. Выступая «агентом идентификации и категоризации» [10, с. 150], государство использует правовые и символические ресурсы для выработки новых классификационных схем, способов контроля и учета населения со стороны бюрократии. Стремилось ли оно изначально к «внедрению» новой идентичности у тех, кого оно отнесло к категории «инородцы», однозначно ответить сложно. Тем не менее практика социальной, экономической и административной политики объективно способствовала этому.

¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). 1-е собр. Т. XXXVIII, № 29 126.

Реформа 1822 г. в Сибири должна была свести на нет влияние конфессионального фактора на правовое и административное положение инородцев. Сословия, разряды, волости могли объединять представителей разных религий. § 17 Устава предписывал включать в число государственных крестьян «иноверцев», занимающихся «свойственными земледельцам упражнениями», § 53 и 286 устанавливали свободу вероисповедания, а § 56 определял, что «восприятие христианской веры не препятствует» инородцам «оставаться на прежних правах», т. е. в том разряде и волости, к которым они причислены. Отличие от православных выражалось только в именовании язычников и магометан «оседлыми, торговыми, кочевыми *иноверцами*» (§ 12, 14, 53). В самом деле, в составе многих инородческих волостей находились представители разных исповеданий. Вместе с тем для административных объединений тюрков – татар и бухарцев, которые в наименьшей степени подверглись влиянию христианизации, была характерна конфессиональная однородность. Одним из проявлений их религиозного самосознания стало прошение, поданное в январе 1900 г. на имя тобольского губернатора доверенным от татар Вагайской волости Тахтабаем Курмановым. Суть его состояла в том, чтобы местные власти «не обзывали» выбранных в должности голов, кандидатов и сборщиков податей носить установленные для волостной администрации должностные знаки, так как на знаках этих был изображен христианский символ – крест. Просьба эта была удовлетворена [11, с. 207–208].

Неоднозначной выглядит в Уставе роль этнической принадлежности. С одной стороны, сам термин «инородцы» и принцип комплектования этой категории сибирского населения подразумевал проведение социальной границы по линии русские – нерусские. С другой, как уже отмечалось, закон не препятствовал переходу «оседлых» в другие податные сословия. При этом торговые и оседлые инородцы уравнивались с россиянами в правах и обязанностях (кроме рекрутской повинности) по тем сословиям, в которые они могли вступить, и, кроме того, имели право составить «собственные ратуши», «словесные суды» и «особенные волости», выбирать собственных старост (§ 81, 87–89). В связи с этим обращает на себя внимание решение Второй ясачной комиссии (действовала в Западной Сибири в 1828–1831 гг.) по вопросу подчинения состоявших в разряде оседлых куртумовских вогул Жуковскому волостному правлению. Вследствие просьбы инородцев комиссия разрешила иметь им собственное волостное управление «в отвращение притеснений» от русских крестьян².

Этнический фактор сохраняет свою роль в сфере административно-территориального устройства. Результаты первых лет реализации положений Устава свидетельствуют, что, как правило, каждая инородческая волость состояла из представителей одной этнической общности, отнесенных к одному и тому же разряду. Исключением являлась административная

приписка тундровых и лесных ненцев к некоторым остяцким волостям Нижнего Приобья. Такая практика обуславливалась неустойчивостью ненецких родов и ватаг, отсутствием у них стационарных поселений и сложившейся на протяжении XVII–XVIII вв. традицией управления «немирной самоядью» при посредничестве «остяцких князцов». Но и здесь прослеживается тенденция к совмещению этнических и административных границ. Это касается попытки вывести в 1823 г. из подчинения князя Тайшина самоедов, числящихся в Обдорской волости, и назначить для них особого главного самоедского старшину Пайгола³. Окончательно управление обдорскими остяками и самоедами было разделено только в 1865 г., когда для них были созданы отдельные инородные управы. Произошло это вследствие прошения на имя государя ненецкого старшины Илбады Седлеева. Причем Седлеев не именует своих «родовичей» инородцами, не указывает их разрядную принадлежность. Испрашивая разрешения платить ясак не «остяцкому князю», а «прямо в государственную казну», он пишет – «мы, самоеды».⁴ В делопроизводственных материалах Обдорских остяцкой и самоедской управ, судя по книге для записи приговоров по тяжбам и спорам, этнонимические обозначения также преобладают над употреблением терминов «инородец», «инородка».⁵ Более того, практика судопроизводства в Нижнем Приобье свидетельствует о том, что в конце XIX в. среди хантов сохраняются представления о специфике разных этнотерриториальных групп, находившей отражение в обычном праве. В 1881–1882 гг. Обдорская управа отказалась разбирать дела ляпинского остяка Сайнахова и инородца Куноватской волости Русьмеленхова, совершивших проступки на ее территории. В решениях управы указывалось, что каждый из них должен «судиться по обычаям того племени, к которому принадлежит» и что существует разница в наказаниях по аналогичным проступкам между Обдорской и Куноватской и, «вероятно», Ляпинской управами/волостями⁶.

Стремление подчеркнуть свою этносоциальную обособленность устойчиво прослеживается у бухарцев, нередко смежно проживавших с татарами в Тобольском, Тюменском и Тарском округах/uezдах. Проведя сравнительный анализ опубликованных Г.Т. Бакиевой прошений татар и бухарцев в адрес различных инстанций и должностных лиц второй половины XIX – начала XX в., обнаруживаем, что если первые в этот период в официальной переписке определяют себя в основном уже через термин «инородцы»/«инородец», то вторые, как и ранее, – через этноним «бухарцы»/«бухарец» [11, с. 187–212].

Для приговоров и постановлений инородных управ Сургутского округа/uezда, где проживало гомогенное в этническом отношении хантыйское насе-

³ Там же. Д. 300. Т. 1. Л. 26; Государственный архив в городе Тобольске (далее – ГА в Тобольске). Ф. 152. Оп. 39. Д. 116. Л. 13 об.

⁴ Там же. Л. 12–12 об.

⁵ Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник (далее – ТИАМЗ). ТМ-13428.

⁶ Там же. Л. 5–7.

² Исторический архив Омской области (далее – ИсаОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 967. Л. 1 об., 13 об., 15–15 об.

ление, в конце XIX – начале XX в. было характерно использование термина «инородцы»⁷.

Вряд ли отмеченные терминологические особенности можно объяснить делопроизводственными штампами или предпочтениями писарей инородных волостных управлений определенных регионов губернии. Актуализация этнической идентичности могла быть отражением конфликтов и соперничества местных элит, как в Обдорской волости, и их стремлением подчеркнуть свою групповую специфику и солидарность в условиях тесных контактов с близким по языку, верованиям и антропологическому типу коренным населением, как в случае с бухарцами.

Один из важных отличительных признаков положения «бродячих» и «кочевых» состоял в несении ими особого рода повинности – ясака (пушным зверем или деньгами), что сохраняло сложившийся в предшествующий период порядок фискальных взаимоотношений с государством. Ясаком обуславливалось право землепользования, фактического распоряжения землей и угодьями, «издревле» состоявших во владении тех или иных инородческих родов и обществ. Коллежский советник Оболенский, проводивший в 1853 г. по заданию генерал-губернатора Западной Сибири ревизию дел в Березовском округе, в своем отчете отметил, что «инородцы были обложены ясаком за право владения тундрами и лесами, в коих они ловили разных зверей» и поэтому уплачивают ясак «в соразмерности с числом угодий, которыми каждый из них пользуется»⁸. Кроме того, ясачная подать стала фактором, влияющим на статусные позиции членов общины (волости, рода). «У инородцев... принято, что тот, кто уплачивает ясак, т. е. несет тяготу, стоит во всеобщем мнении выше не несущего оной», поэтому даже старики «непременно обязанностью своею считают уплачивать так же ясак, ибо иначе теряют все свое влияние и право суда и разбирательства, приобретенное именно через старшинство лет»⁹. Безусловно, такие представления сложились еще до начала XIX в. и бытовали не только у самоедов и остяков Нижнего и Среднего Приобья.

Перевод части ясакоплательщиков в «оседлые» в ходе реформы Сперанского, прежде всего татар, повлекший за собой замену ясака на формы податей, свойственные «сельским обывателям», вызывал негативную реакцию со стороны причисленных к этому разряду. Причины недовольства следует искать не только в том, что подушная подать должна была быть больше прежнего ясачного сбора, здесь власти проявили здравомыслие и, например, для татар Тобольской губернии переход «в полные обязанности по состоянию крестьянскому» осуществлялся постепенно [12]. Сложение ясака могло поставить под вопрос незыблемость прав коренного населения в сфере землепользования, несмотря на то, что согласно § 20 Устава «владеемые по древним правам сами иноверцами земли» утверждались за ними. Характерной особенностью прошений части татар на протяжении нескольких десятилетий после 1822 г. было указание на их принадлежность к

«ясашным» или «староясашным», когда дело касалось имущественных и поземельных споров¹⁰. Показательна в этом отношении позиция татарского населения Иштаманских юрт Тоболтуринской волости, подавших через своего поверенного соплеменника жалобу на бухарцев, претендовавших на пользование земельными участками наравне с татарами из числа бывших ясачных и служилых. Аргументируя протест своих доверителей, поверенный указал, что бухарцы никогда не участвовали в платеже ясака, подушной, а затем и оброчной подати и что они до 1875 г. вообще никаких угодий в этой местности не имели [11, с. 125–126].

Чиновник Главного управления Западной Сибири (ГУЗС) И. Русанов, отправленный в 1863 г. для обозрения быта инородцев Сургутского отделения Березовского округа, в рапорте на имя тобольского гражданского губернатора сообщал: «по распросам старшин и самих остяков... оказалось, что в них сильно укоренилось то убеждение, что они как народ ясашный непременно должны вносить ясак звериными шкурами, а не деньгами, и как видно более из опасения, что бы правительство по недостатку у них зверя не переменяло их быта на другое положение»¹¹. Опасения эти имели основания. Еще в 1835 г. в разряд оседлых были переведены вогулы трех волостей Туринского округа¹², так как по образу жизни и качеству промыслов они приближались к русским крестьянам.

Таким образом, ясачная подать и факт принадлежности даже в прошлом к категории ясачных и после реформы Сперанского продолжали играть существенную роль в осознании и обосновании специфических прав и обязанностей у большей части инородцев Северо-Западной Сибири. Ясачный фактор связывал воедино представления об исконности проживания на данной территории и особом статусе автохтонов-инородцев (самоеды, остяки, вогулы, татары), проводил грань между ними и пришлыми (бухарцы, оброчные чувальщики, зыряне, русские).

Отстаивание своих прав на владение рыбными угодьями, пастбищами, сенокосами и пахотными землями в условиях активного проникновения на территории инородческих волостей русских крестьян, мещан и промышленников, а также зырян являлось отражением сформировавшихся групповых интересов. Под влиянием внешней идентификации эти интересы и связанные с ними права постепенно осмысливаются как сословные «инородческие». Вследствие жалоб березовских остяков генерал-губернатору Западной Сибири и ходатайства князя Тайшина «за всех своих родовичей» самому императору о захвате их земель русскими промышленниками и поселении на этих землях ссыльных в 1854 г. была создана особая комиссия по разбору поземельных споров в Березовском округе. В связи с этим ГУЗС указало, чтобы «разные земельные угодья и промыслы, принадлежащие целым обществам инородцев» в соответствии со статьей 1451 X тома Свода законов гражданских отдавались в наем русским промышленникам «не иначе как по письмен-

⁷ ГА в Тобольске. Ф. 421. Оп. 1. Д. 22, 166; Ф. 427. Оп. 1. Д. 26.

⁸ Там же. Ф. 152. Оп. 39. Д. 5. Л. 298 об.

⁹ Там же. Л. 299.

¹⁰ Там же. Ф. 464. Оп. 1. Д. 125. Л. 1^б-1^{об}.; [11, с. 188].

¹¹ ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 40. Д. 148. Л. 98.

¹² ПСЗ. 2-е собр. Т. X. Отд. 1, № 8183. С. 653.

ным условиям с согласия самих обществ за подписью не менее 2/3 лиц, платящих ясак и повинность»¹³. На протяжении 1905–1912 гг. велся спор между инородцами юрт Туртасских Назымской волости и их общественником Макаром Качаиновым о наделении землей его приемного сына. Отказ в обеспечении наделом обосновывался тем, что «приемыш» Антон Сафонов «состоит не из среды общества инородцев, а из общества крестьян русской Уватской волости» и переведен был без приемного приговора¹⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что к началу XX в. у индигенного населения региона складываются основные элементы сословной самоидентификации, обусловленные фактором категоризации этого населения государством, особенностями порядка управления и суда, землепользования, освобождением от воинской повинности и отношением к ясаку. Эти маркеры отличали инородцев от близкого им по статусу сословия государственных крестьян. Вместе с тем локальные этнические, территориально-административные, конфессиональные связи и идентичности зачастую оказывались не менее актуальными для индивида или общины, осознавались ими отчетливее, чем общая рамка «инородчества», что свидетельствовало о незавершенности процесса их сословной консолидации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001.
2. Андреева Н.Н. Понятие инородцев и их классификация в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской империи XIX века // Вестник Моск. городского пед. ун-та. Серия: Юрид. науки. 2009. № 2.

3. Тлетцок Р.А. Проблема «имперского расширения» России в понятиях и терминах // Вестник Майкопского гос. технолог. ун-та. 2010. № 3.

4. Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 2.

5. Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing non-christian identities in early modern Russia // Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917 / ed. by Daniel R. Brower and Ed. Lazzarini. Bloomington, 1997.

6. Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005.

7. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авториз. пер. с англ. яз. О. Леонтьевой. М., 2008.

8. Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX в. Новосибирск, 2005.

9. Соколовский С.В. Аборигенность и права на территорию: антропологические и биогеографические параллели // Ab Imperio. Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. Казань, 2010. № 3.

10. Брубейкер Р., Кунер Ф. За пределами «идентичности» // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010.

11. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерки правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX в. Новосибирск, 2011.

12. Конев А.Ю. Реформа 1822 г. у татарского населения Тобольской губернии: преодоление стереотипов // Сибирские татары: Материалы I-го Сиб. симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998.

Статья поступила
в редакцию 09.08.2012

УДК 94(47)073+94(571)+930.085

Н.П. МАТХАНОВА

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ О РЕВИЗИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ СЕНАТОРОМ И.Н. ТОЛСТЫМ («Дневник» В.Д. Философова и письма Н.М. Голицына)*

д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: istochnik_history@mail.ru

В статье вводятся в научный оборот новые источники по истории Сибири XIX в. – «Дневник» В.Д. Философова и письма кн. Н.М. Голицына. Они были участниками ревизии Восточной Сибири 1843–1845 гг. сенатором И.Н. Толстым. Показывается повседневная жизнь и служебные занятия приезжих чиновников, отношение их к сибирским купцам и чиновникам.

Ключевые слова: сенаторские ревизии, власть и общество, В.Д. Философов, Н.М. Голицын, ревизия И.Н. Толстого, источники по истории Сибири.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а. Автор благодарит за помощь сотрудников РГАЛИ и библиотеки Государственного Эрмитажа.

¹³ Тобольский историко-архивный музей-заповедник (далее – ТИАМЗ). ТМ-12513/5. Л. 12.

¹⁴ ГА в Тобольске. Ф. 344. Оп. 1. Д. 199. Л. 14, 26–27.

Сенаторские ревизии в Российской империи являлись важным инструментом управления, выполняя функции высшего надзора и контроля [1; 2; 3; 4; 5]. Инструкции сенаторам-ревизорам¹ предполагали сбор сведений о разных сторонах жизни населения и деятельности местных органов управления, в т. ч. и о том, «нет ли каких-либо от местных начальств народу притеснений, безгласных налогов, также жестокости в употреблении власти». В 1819 г. им были предоставлены в ряде случаев права исполнительной власти [3, с. 157, 159]. Сенатор А.Ф. Кони писал восторженно: «Эти ревизии были своего рода тучами, которые неслись с севера в разные концы России и, повиснув над той или другой местностью, гремели во имя поправленного закона, метали служебные молнии в “рабов ленивых и лукавых” и смывали накопившуюся грязь распушенности и произвола» [6, с. 4].

Историками значение этого инструмента оценивается по-разному. Н.М. Дружинин, с неизбежными оговорками, приводил факты реального влияния на ход дел в нескольких губерниях [2, с. 157, 162–163, 173–175]. Э.С. Паина подчеркивала их существенную роль если не в общем ходе управления, то в судьбе отдельных чиновников и даже ситуации в отдельных губерниях [3, с. 161, 164]. О.В. Морякова, основываясь на материалах ревизий пяти губерний Центральной России, утверждала: «Сенаторы не вмешивались во внутреннюю жизнь губерний и для губернской администрации ревизии не имели, по сути, никакого значения» [4, с. 37]. А.В. Ремнёв пришел к выводу, что ревизия Западной Сибири сенаторами кн. Б.А. Куракиным и В.К. Безродным в 1827 г. ограничилась «формальным обозрением состояния делопроизводства в присутственных местах и выявлением наиболее вопиющих случаев злоупотреблений властью» [5, с. 163].

Ревизию Восточной Сибири сенатором И.Н. Толстым в 1843–1846 гг. Э.С. Паина считала «самой значительной из сенаторских ревизий окраин империи в XIX в.» [3, с. 162]. Однако А.В. Ремнёв, используя свидетельства бывшего генерал-губернатора Восточной Сибири С.Б. Броневского, известного литератора и историка В.И. Вагина, ряда декабристов, пришел к выводу о ее низкой результативности [5, с. 187]. Все же в итоге был отправлен в отставку и с трудом избежал суда генерал-губернатор В.Я. Руперт, отстранен от службы енисейский губернатор В.И. Копылов, отданы под суд другие чиновники, а проекты и материалы ревизии использованы новым главой края Н.Н. Муравьевым [7, с. 94]. Ревизия запомнилась многим жителям Восточной Сибири и стала заметным явлением в истории региона.

К сожалению, материалы ревизии Толстого сохранились плохо. Их нет в «Делах сенаторских ревизий» [8, с. 175, 176]. В фондах Министерства юстиции, Комитета министров и других органов управления имеются лишь немногочисленные разрозненные документы. Из произведений участников ревизии до сих пор были известны лишь воспоминания Л.Ф. Львова [9; 10], но в них о самой ревизии ничего нет.

В архивах выявлены новые свидетельства: это дневник В.Д. Философова, находящийся в фонде его сына в РГАЛИ, и письма Н.М. Голицына родителям, хранящиеся в отделе редких книг библиотеки Государственного Эрмитажа². Записи в дневнике Философова, относящиеся ко времени его пребывания в Сибири, охватывают период с мая 1843 г. по май 1844 г., письма Голицына родителям – с февраля 1843 г. по август 1845 г.

Владимир Дмитриевич Философов (1820–1894) был первым главным военным прокурором России, членом Государственного совета [11, с. 823–825], но специальных работ о его жизни и деятельности нет. О нем рассказано в обширном труде А.В. Тырковой, посвященном биографии его жены, известной деятельницы женского движения [12]. Николай Михайлович Голицын (1820–1885), принадлежавший к знаменитому княжескому роду, тоже сделал весьма успешную карьеру [13]. Оба хотели сами принять участие в ревизии, с которой и началась их карьера.

В подобных случаях намерения молодых чиновников и опытных ревизоров бывали обоюдными. «Сенаторы старались поставить свою канцелярию на надлежащую высоту, – писал еще в 1913 г. И.А. Блинов, – и усилия их не оставались безрезультатными. В большинстве случаев при них находились знающие и добросовестные люди». Вместе с тем «командировка в состав канцелярии ревизирующего сенатора представлялась всегда весьма привлекательной для каждого, в особенности молодого чиновника... на ревизии, особенно во второй четверти XIX в., стремился цвет столичной молодежи» [14, с. 264].

Были и денежные выгоды: участникам ревизии Восточной Сибири выплачивалось двойное жалованье, двойные суточные, двойные прогоны, да еще и выдавалось «на подъем» по 1 тыс. руб. старшим и по 700 руб. младшим чиновникам³. Для Голицына это вряд ли было важно, он получал крупные суммы из дома. Фамильное состояние и отношения с отцом Философова не позволяли ему пренебрегать материальной стороной службы, но и его мотивы могли быть более сложными. Это следует из такой записи: «Цель поездки моей не чиновничья, а любознательная и поэтическая» (д. 8, л. 152 об.). Даже дневник он ведет из давней склонности к литературному творчеству. Письма Голицына родителям проще по стилистике, но в одном из них встречается любопытное замечание: «тетушка Васильчикова читает мои письма московским литераторам» (д. 167740, л. 77–77 об.).

Довольно много в этих источниках говорится о выполнении поручений сенатора, о повседневной жизни

² Философов В.Д. «Воспоминания о прошедших днях». Дневник 20 августа 1840 – 16 февраля 1844 г. // РГАЛИ. Ф. 1183. Оп. 1. Д. 8; [Голицын Н.М.] Восточная Сибирь. 1843–1845. Архангельск и Астрахань. 1855 // Библиотека Эрмитажа. РК. 5.1.23. № 167 740. Далее сноски на эти источники даются в тексте в круглых скобках, с указанием только дела и листов. Более подробная их характеристика будет представлена в статье автора «“Дневник” В.Д. Философова 1843–1844 гг. и письма Н.М. Голицына 1843–1845 гг. как источник по истории Сибири» (Археология и источниковедение в Сибири. Вып. 32).

³ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1, 1842 г. Д. 1498. Л. 557 об. – 560.

¹ ПСЗ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. XXV. С. 905–930, № 19212; Т. XXVIII. С. 100–104, № 21861; Т. XXXVI. С. 1150–1152, № 27722.

ни его подчиненных, их взаимоотношениях. Наиболее важны для освещения хода ревизии характеристики ее участников, их деятельности, отношений к начальству, друг к другу и местным жителям, к выполняемым поручениям.

Основным занятием чиновников было «обревизование» отдельных местных учреждений, производство следствий, «разных удостоверений и дознаний». Перечни конкретных поручений содержатся в послужных списках, а описание процесса их выполнения, связанных с этим мыслей и чувств – в дневнике и письмах. Так, сильное впечатление на Философова произвело дело «Об истязаниях еврея Калмана и поселенца Щербачева, при розыске Минусинским местным начальством потерявшихся из кассы питейной конторы 7000 рублей ассигнациями» [11, с. 824], особенно попытки несправедливо обвиненных Калмана и Щербачева чиновниками, укравшими деньги. Описание заканчивается восклицанием: все это делалось в нашем «образованном веке, и я видел этих людей и их истязателей, и я слышал видевших это свидетелей, которые клялись землею и небом, что знать не знали и ведать не ведали» (д. 8, л. 143 об. – 144).

Голицын с января 1843 г. до июня 1844 г. исполнял обязанности правителя канцелярии [14, с. 181]. Он понимал пользу поручения для карьеры, но был не очень доволен: «...чести много, но зато и хлопот и ответственности еще более... От души желаю возвратиться в ряд прочих чиновников ревизии, занятия которых более интересны и не сопряжены с ответственностию» (д. 167740, л. 66–66 об.).

Близкое сотрудничество с сенатором (как известно, правители канцелярий отличались именно этим) привело к сходу общих оценок. Голицын писал из Красноярска: «В короткое мое пребывание в Восточной Сибири я мог уже заметить и изумиться расстройству административной машины в этом крае. Тут, где по отдалению и обширности, равно как и по составу народонаселения края нужна власть строгая, недремлющая, даже деспотичная, вы встречаете на каждом шагу доказательство крайней беспечности, неспособности и корыстолюбия губ[ернских] властей, которые обязаны блюсти за порядком и устройством, об нижайших чиновниках и говорить нечего. Под гнетом стольких корыстолюбивых, злонамеренных людей страждут честные, трудолюбивые крестьяне; а ссыльные, эта выжига общества, в совершенном приволье» (д. 167740, л. 34 об.).

Толстой примерно тогда же доносил министру юстиции о «всеобщем беспорядке, допущенном губернаторами, в течение многих лет не обозревавшими вверенных им губерний», о том, что «многие части управления» требуют «для пользы края значительных изменений и улучшений»⁴. Голицын однажды назвал сенатора «неопытным начальником», однако чаще заступался за него: «Медленность в распоряжениях сенатора по ревизии причиной долгого нашего пребывания здесь», но «Енисейская губерния в таком расстройстве, управление ее во всех частях так гнило, так запущено, что непрерывно открываются новые

злоупотребления, требующие разысканий. То растрата казенных денег, то утайка значительных дел и сокрытие преступлений, то, наконец, расхищение сумм при поставках по подрядам» (д. 167 740, л. 57).

Замечание о медленности ревизии отражало реальную и очень серьезную проблему – этим были недовольны в верхах. Здесь мы имеем дело с тем случаем, когда при отсутствии итогового отчета о ревизии можно использовать сопутствующие документы. Министр юстиции В.Н. Панин, оправдывая Толстого, освещал масштабы работы: «...ревизия одной Енисейской губернии продолжалась около года и... остается еще обревизовать прочие части Восточной Сибири, занимающие обширнейшее пространство, и в которых города расположены на значительном между ними расстоянии. Сколько по сей причине, столько и по переездам, не представляющим удобств по малонаселенности края, дальнейшее производство ревизии потребует еще более времени»⁵. Толстой в одном из донесений Панину описывал занятость своих подчиненных: «...ныне два человека посланы для ревизии Охотского и Камчатского приморских управлений и для обозрения во всех частях сего отдаленного края, откуда они ранее года возвратиться не могут; двое отправлены в Вилюйский округ... двое оставлены в Якутске для окончания ревизии дел областного правлений и производства следствий по злоупотреблениям в управлении городскими казаками; двое в Олекминске и двое в Киренске, для окончания открытой уже там ревизии присутственных мест». Там же доказывалась необходимость ревизии Забайкальского края, «на который мало было обращено внимания местного начальства»⁶.

Именно Голицын был тем чиновником, которому поручалось обозрение Вилюйского округа. В письмах подводились итоги: «В течение истекшего месяца совершил я около 2 000 верст верхом и 600 верст водою... Все это время вел я жизнь совершенно скитальческую, бивачную, кочевал меж якутами, останавливался в их юртах и пил их кумыс... но что истинно неприятно, это топи и чаща в лесу, наконец, рой комаров, оводов и мошек, от которых едва можно укрыться под сеткой. Таковая поездка верхом, кроме множества трудностей, представила много неудобств... но я все вынес без особой усталости, был постоянно бодр духом, был тогда здоров и теперь, слава Богу, готов перенести вдвое столько же» (д. 167 740, л. 77, 78 об. – 79). Этот рассказ об одной из многих (хотя, вероятно, самой трудной) деловых поездок показывает, чем были заняты иногда чиновники. Виден из него и характер молодого человека, его настроение – или, во всяком случае, то, каким он хотел предстать в глазах любящих родителей.

Важнейшей задачей было рассмотрение жалоб населения, о чем упоминает Философов: «Утром осматривал магазин. Собирал мир и спрашивал, нет ли недовольных. Со всех сторон куча жалоб»; «В Абаканском дали очную ставку бывшему писарю Широкову с некоторыми крестьянами», как и заседателю

⁴ Там же. Ф. 1264. Оп. 1, 1844 г. Д. 1653. Л. 163 об.

⁵ Там же. Д. 1643. Л. 470 об. – 472.

⁶ Там же. Д. 1653. Л. 163 об. – 164 об.

земского суда; «очные ставки Засульскому (земскому исправнику. – Н.М.) с мужиками» (д. 8, л. 115 об., 142 об., 163); и т. д.

Результаты выполнения отдельных поручений отражались в особых записках. Например, Голицыну было поручено составить записку об итогах ревизии Якутской области (д. 167 740, л. 82). Философов писал: «Вот общие замечания о быте инородцев, которые я намерен представить Сенату» (д. 8, л. 146 об.), хотя самих «замечаний» нет – вероятно, они были изъяты автором и переданы по назначению. Попутно описывались местные достопримечательности, записывались легенды, рассказывалось о типичных развлечениях чиновников ревизии. У большинства они сводились к игре в карты, визитам к местным жителям, в губернских городах – к балам и вечерам. И Философов, и Голицын с удовольствием осматривали достопримечательности, любовались природой, устраивали экскурсии пешком, верхом, в лодках и т. п. Поездка в Кяхту и Маймачен была вполне деловой – сенатор встречался с официальными лицами китайской администрации. Но молодые чиновники рассматривали ее и как увеселительную прогулку, рассказывали о пребывании в пограничных городках, описывали китайский обед, облик и наряды китайских чиновников и купцов, театральное представление и непривычную европейскому уху музыку, иллюминации и фейерверк (д. 167 740, л. 62–64 об., д. 8, л. 167 об. – 168). Голицын, как и другие члены ревизии, приобретал различные, особенно китайские, редкости для себя, родственников и знакомых (д. 167 740, л. 63 об., 86 об. – 87).

Известно, что многие петербургские сановники участвовали в сибирской золотопромышленности, интересовались ее возможностями и участники ревизии. Хорошо осведомленный современник даже писал, что М.А. Безобразов принял участие в ревизии ради дел компании своего отца [15, с. 474–475]. Писал об этом отцу и Голицын: «Я здесь слышал от верных лиц, что в Петербурге составляется общество на пах для золотодобытия в Верхнеудинском округе... Много есть надежд на успех... Не рискнуть ли и вам какую-нибудь сумму, конечно, еще незначительную?» Позже, познакомившись с реальной ситуацией, он предупреждал: «...из ста золотопромышленников разорилось в прах девяносто девять. Впрочем, при удобном случае купить по сходной цене участие в компании, уже владеющей золотоносными россыпями, я не упущу Вам написать» (д. 167 740, л. 35, 105–105 об.).

В ходе ревизии приезжие чиновники познакомились со многими сибирскими купцами и золотопромышленниками. В дневнике Философова имеются их красочные характеристики: томский городской голова Н.Е. Филимонов – «человек лет тридцати, одутловатой наружности... недальновидный, но истинно добрый и обязательный человек, принявший нас как родных и непрерывно старавшийся доставить нам возможное удовольствие... На все сговорчивый, ко всем снисходительный, когда дело касается до охоты, он готов хоть драться на кулаках»; Ф.А. Горохов – «здешний аристократ, вышел из писцов земского суда в первые томские богачи посредством женитьбы на сестре Филимоно-

ва... человек лет пятидесяти, рябоватый, подленькой наружности»; кяхтинский купец Н.М. Игумнов, хотя и «плутоватый», но «хорошо знает край и интересен в обращении по дельному и умному разговору»; Н.П. Боткин – «человек, много путешествовавший и читавший, для Кяхты находка» (д. 8, л. 103, 104, 107–107 об., 173 об., 174); и т. д.

Среди сибирских чиновников есть и удостоившиеся вполне благоприятных оценок Философова, хотя преобладают все же негативные. Наиболее образны характеристики красноярских чиновников: губернатор В.И. Копылов – «покровитель всех воров, негодяев и мздоимцев Енисейской губернии, низкопоклонный раб, снимающий шапку перед сенатским курьером и наведывающийся о здоровье у сенаторских лакеев»; председатель губернского суда Д.Е. Зубарев – «пьяная дерзкая рожа, грубиян в полном смысле слова, вечно воняющий сивухой и духами, человек, как я по опыту удостоверился, способный на все, что ни есть низкого и подлого»; И.Г. Родюков – «губернский прокурор, очень порядочный и умный человек, в сравнении с другими чиновниками честных и благородных правил... Из молодых чиновников мне известен производящий со мною следствие окружной стряпчий Баженов, умный и деловой человек с хорошими правилами». Очень резко отзывы о генерал-губернаторе В.Я. Руперте – «скверная фигура развратного и подлого старика», о губернаторе А.В. Пятницком – «хвостун и дурак» (д. 8, л. 158–158 об., 159 об., 161, 165). В официальных документах и даже в полуофициальном письме И.Н. Толстого к его покровителю министру внутренних дел Л.А. Перовскому⁷ подобных слов, разумеется, не было и быть не могло. Но общее отношение сенатора к тем чиновникам, о которых говорится в дневнике его подчиненного, было примерно таким же. Толстой нашел в Енисейской губернии вопиющие «беспорядки в разных частях управления» и подал на высочайшее имя рапорт о немедленном увольнении губернатора В.И. Копылова, что и было сделано в июне 1844 г.⁸ В письмах Голицына содержится подтверждение остроты конфликта между И.Н. Толстым и В.Я. Рупертом: «Мы начали ожесточенную войну с генерал-губернатором Рупертом»; и даже приводится слух о возможной радикальной перемене в их судьбах: «Я уверен, что генерал Руперт будет наказан... а сенатор временно будет назначен на его должность» (д. 167 740, л. 108–108 об.)⁹.

Известно из писем и воспоминаний декабристов, что с ними встречались многие чиновники ревизии, в т. ч. сам И.Н. Толстой. Рассказы о них Философова приведены А.В. Тырковой [12, с. 58–61]. Голицын также пишет о знакомстве с В.Л. Давыдовым, М.Ф. Митьковым, М.М. Спиридовым, А.З. Муравьевым, А.В. и И.В. Поджио, С.Г. Волконским, С.П. Трубецким. «В приятном обществе этих господ забываешь Сибирь и переносишь себя в петербургскую гостиную, – заключает Н.М. Голицын. – Заговорщиков в них вовсе

⁷ Там же. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 53.

⁸ Там же. Ф. 1263. Оп. 1, 1844 г. Д. 1643. Л. 237–239.

⁹ Прочтение и перевод с франц. канд. ист. наук Е.Б. Васильевой.

нельзя узнать, они умные, образованные и благоразумные люди; на службе отечеству принесли бы стократ более пользы, чем все чиновники, которых здесь встречаешь с пряжкой беспорочной службы и в крестах» (Иркутск, д. 167740, л. 71–71 об.).

Поездка по стране позволила одновременно ознакомиться с тем огромным «объектом» управления, которым в будущем пришлось заниматься, особое внимание обращалось на жизнь крестьян и ссыльнопоселенцев. Въехав на территорию Сибири, Философов замечает: «По дороге во всех селениях множество ссыльных, живущих самым несчастным образом, часто в бедных лачужках без крыш и без хлевов для скота. Напротив того, старожилые сибирские крестьяне, как кажется, чрезвычайно зажиточны и более образованы, нежели наши. Почти у каждого найдете в избе самовар, а чистота полов и стен не уступает у них педантической опрятности корабельных палуб» (д. 8, л. 96 об.). Голицын сначала высказывается схожим образом: «В отношении селений я вам скажу, что в России вы верно найдете мало таких богатых селений и зажиточных крестьян, как по Барабе. Избы просторны и, как по всей Сибири, чрезвычайно чисты, любо смотреть, как пол и стены вымыты, выскоблены, печь выбелена, это настоящая корабельная чистота, не худо бы многим нашим господам у них поучиться опрятности. У всех крестьян вы находите самовары, почти у всех фарфоровые чайные сервизы. Их дворы наполнены всякой скотины: лошади, коровы, бараны, козы, свиньи, гуси и куры. Народ ловкий, красивый, здоровый. Мы любовались их нарядами, проезжая воскресеньем через богатое селение. Мужчины в ситцевых рубашках, плюсовых шароварах и полукафтанах, женщины большею частью красивые, также хорошо одетые, ходили и пели в пестром хороводе» (д. 167740, л. 32 об.). Позже появились различия в оценках. Так, уже вернувшись с ревизии Заледеевской волости Красноярского округа, Голицын делился с отцом: «Проживши четыре дня среди здешних крестьян, я мог присмотреться к их быту. Сибиряки вообще рослы, очень толковиты и понятливы, одеваются нарядно» (д. 167740, л. 27 об.). Философов же замечает об одной из деревень Красноярского округа: «Грубость, глупость и пьянство мужиков превосходят всякое вероятие. Какая разница с Минусинским округом, где почти каждый крестьянин более или менее знает грамоте. Пьянство также не укоренилось там в такой силе» (д. 8, л. 157).

Некоторые записи Философова явно сделаны впрок, как заготовки для каких-то деловых бумаг. Например: «Напишу здесь некоторые общие замечания, которые удалось мне сделать насчет Сибири... Со времени заведения золотых промыслов хлебная промышленность и скотоводство чрезвычайно развились в Восточной Сибири. Цены на все увеличились. Из верхних селений во множестве сплавляют хлеб вниз по Енисею. Любопытно, что предприниматели до сих пор не заведут у себя для этого предприятия искусных лоцманов... Что бы завести искусных лоцманов, устроить пароходство – выгоды были бы решительны, если б только местное правительство более заботилось о выходах края, нежели о своих карманах... Богатая

будущность, но все ли это так случится, или люди и обстоятельства дадут этому прекрасному краю заглухнуть в уединении без славы и пользы для государства» (д. 8, л. 130 об. – 131).

Юристы по образованию (Философов окончил Училище правоверения, Голицын – Царскосельский лицей) и по роду деятельности, они в Сибири занимались следствиями, рассматривали судебные дела, знакомились с пенитенциарной системой. Философов отмечает неудовлетворительную организацию ссылки – «казенное поселение... исключительно назначенное для ссыльных... выстроено в виде маленького городка и состоит из нескольких улиц, примыкающих к площади. Все домики порядочной архитектуры и построены на один манер. На площади маленькая деревянная церковь. Но везде пустота и безмолвие. Из 10 едва один дом обитаем. Остальные стоят с выбитыми стеклами и разнесенной крышей. Видно, что нынешнее местное правительством не умеет привязать ссыльных к месту их поселения» (д. 8, л. 115 об.). Интересуют его и правовые представления местного населения: «Здесь вообще делают странное различие между ссыльными не по делам их... Ссыльные вообще разделяются по принятому мнению на 4 разряда. Это: 1) Посельщики. 2) Несчастные. 3) Политические преступники. 4) Государственные преступники. Посельщики – ссыльные люди за разные преступления и за бродяжество из простого звания. Несчастные – ссыльные за разные частные преступления дворяне. Политические преступники – сосланные за польскую революцию мятежники, и государственные преступники – жертвы несчастного возмущения 14-го декабря» (д. 8, л. 139 об.). В записке «О телесных наказаниях в Сибири» говорится о «наказании кнутом и клеймении»: «Так ли должно воздавать справедливое возмездие за ужасные преступления, которые здесь творятся на каждом шагу. Кнут – игрушка, хлысты переломаны, палач неискusstный. После 35 ударов наказанный попросил вина и отправился пешком по городу как ничего не бывало. Вид наказания весьма мало действительно... У многих оно обращается в привычку как табак. Нет, для Сибири необходима смертная казнь, иначе преступления будут производиться все с большим и большим ожесточением и им не будет конца. Надо делать людей из скотов» (д. 8, л. 130–131 об.).

Голицын также неодобрительно отзываясь о карательной роли сибирской ссылки: «Всякий здравомыслящий человек убедится, что наша наказательная система не достигает своей цели и даже вредна. Она не устрашает преступников, ибо наш народ с каждым днем более знакомится с Сибирью, следственно, не предупреждаются преступления. Она не исправляет преступников, ибо при сильной потребности рабочих рук в Сибири, ссыльный элемент может заработать легко 1 000 руб. в год, живет в изобилии на воле и продолжает воровство, разврат и буйство. Каторжные, большею частью неспособные к работам трудным и требующим некоторого искусства, употребляют в легкие работы на винокурных и солеваренных заводах, откуда они часто бегают, совершая злодеяния, от

которых волосы становятся дыбом. Неуместная наша филантропия дошла до того, что убийцы, наказанные 50 ударами кнута, смеются над кнутом, называя его лещедкой¹⁰. Много про это мог бы я написать и намерен по возвращении представить министру свои замечания» (д. 167740, л. 34 об. – 35). Заметны и близость рассуждений, и отражение в них непосредственных впечатлений от увиденной сцены наказания.

Впоследствии руководитель военной юстиции В.Д. Философов, проводя в целом курс на гуманизацию, все же отстаивал необходимость суровых наказаний вплоть до смертной казни в исключительных случаях [12, с. 199–200]. Вряд ли следует проводить прямую связь между сибирскими впечатлениями начинающего молодого чиновника и позицией опытного государственного деятеля, но ясно, что размышления на эту тему у Философова начались очень рано.

Как участник ревизии Философов побывал, считая только Восточную Сибирь, в Красноярске, Ачинске, Минусинске, Канске и ряде округов Енисейской губернии; в Иркутске, Нижнеудинске, Киренске, Якутске, Кяхте, Верхнеудинске, Чите, Нерчинске, Сретенске и многих округах обширной Иркутской губернии. Голицын также посетил все эти места, да еще и Вилюйск, и Олекминск. Такие непривычные нагрузки были и у других чиновников ревизии¹¹.

Таким образом, сохранившиеся документы позволяют в общих чертах оценить масштабы и значение проделанной работы. Толстой еще до окончания работы докладывал Николаю I: «Мною лично и через чиновников обревизованы присутственные места Енисейской губернии, Якутской области, Камчатского и Охотского приморских, Троицкосавского пограничного и Нерчинского заводского управлений»¹². Даже В.Я. Руперт признавал, что сенатор и его сотрудники обревизовали почти все присутственные места, от Главного до окружных управлений¹³. Как показывают источники, действия чиновников распространялись в отдельных случаях и на волостной, и даже на более низкий уровень, они принимали жалобы от простых крестьян, аборигенов и казаков. Толстой понимал невозможность «уничтожить злоупотребления», и стремился хотя бы «страхом воздержать на долгое время покушение на оные»¹⁴. Был представлен ряд проектов: об обеспечении народного продовольствия Восточной Сибири; об устройстве там водяного сообщения; о найме рабочих на золотые прииски; об управлении ссыльными¹⁵.

Не менее важен был и другой итог работы ревизии. Как писал Толстой Перовскому, состоящие при нем чиновники почти все «большую частью молодые люди, едва вышедшие из училища или служившие

некоторое время в министерствах, где чиновник занимается одним предметом, часто никакого отношения к внутреннему управлению не имеющим. Теперь они все опытны после почти трехлетних трудов; моя ревизия образовала их на все роды службы»¹⁶. В.А. Шкерин, проанализировав взгляды и мотивы поступков ряда бывших декабристов, занявших значительные места на государственной службе, пришел к выводу, что они пытались реализовать в своей деятельности некоторые идеи либерализма [16]. И.Н. Толстой в молодости был близок к многим членам тайных обществ, особенно дружил с С.П. Трубецким [17, с. 174], возможно, он и был тем «старым товарищем», которому Трубецкой адресовал свои записки, недавно опубликованные [18, с. 36]. Эти факты биографии Толстого, приведенные выше его высказывания, контакты его и некоторых чиновников ревизии со ссыльными декабристами в Сибири складываются в весьма выразительную картину. В нее прекрасно вписывается и последующая карьера по крайней мере двух из участвовавших в ревизии чиновников. В.Д. Философов стал одним из ближайших сотрудников Д.А. Милогина, участвовал в составлении и осуществлении новых Воинского устава о наказаниях и Военно-судебного устава. Н.М. Голицын был назначен генерал-аудитором флота, войдя таким образом в число сподвижников великого князя Константина Николаевича [13]. Таким образом, оба они нашли свое место среди «либеральных бюрократов», готовивших и осуществлявших Великие реформы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов И.А. Отношение Сената к местным государственным учреждениям в XIX веке. СПб., 1911.
2. Дружинин Н.М. Сенаторские ревизии 1860–1870-х годов. (К вопросу о реализации реформы 1961 г.) // Ист. записки. М., 1966. Т. 79.
3. Паина Э.С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.) // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX – начала XX в. Л., 1967.
4. Морякова О.В. Местное управление в России во второй четверти XIX в. (по материалам сенаторских ревизий) // Вестн. Моск. ун-та. Серия 8: История. 1994. № 6.
5. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. Омск, 1995.
6. Кони А.Ф. В.А. Арцимович // Виктор Антонович Арцимович. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904.
7. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX в. В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск, 1998.
8. Ключков М.В. Памятная книжка Сенатского архива. СПб., 1913.
9. Из воспоминаний Леонида Федоровича Львова // РА. 1885. Кн. 1, № 1–3; кн. 2, № 4.
10. Львов Л.Ф. Из воспоминаний // «В потомках ваше племя оживет». Воспоминания современников о декабристах. Иркутск, 1985.
11. Шилов Д.Н., Кузьмин Ю.А. Члены Государственного совета Российской империи. 1801–1906: Биобиблиогр. справ. СПб., 2006.
12. Сборник памяти А.П. Философовой. Пг., 1915. Т. I: Тыркова А.В. Анна Павловна Философова и ее время.
13. Александрович Н. Голицын, князь Николай Михайлович // Русский биографический словарь. Т. Гоголь – Гюне. М., 1997.

¹⁰ Лещедка – расщепленная палка для ловли птиц. – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1881. Т. 2. (Репринтное переизд.: М., 1979. С. 250).

¹¹ РГИА. Ф. 1263. Оп. 1, 1844 г. Д. 1653. Л. 163–164 об.

¹² Там же. Д. 1713. Л. 941 об.

¹³ Там же. Л. 919.

¹⁴ Там же. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 53. Л. 2.

¹⁵ Там же. Ф. 1405. Оп. 48. Д. 1372. Л. 1–1 об.

¹⁶ Там же. Ф. 1021. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об. – 2.

14. *Блинов И.А.* Исторические материалы, извлеченные из Сенатского архива. Сенаторские ревизии // Журнал Мин-ва юстиции. 1913. № 2.

15. *Вагин В.И.* Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990.

16. *Шкерин В.А.* Декабристы на государственной службе в эпоху Николая I. Екатеринбург, 2008.

17. *Андреева Т.В., Ильин П.В.* Письма С.П. Трубецкого И.Н. Толстому // С.П. Трубецкой. Записки. Письма И.Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011.

18. *Ильин П.В.* Неизвестные записки С.П. Трубецкого // Там же.

*Статья поступила
в редакцию 24.04.2012*

УДК 94(47)''1946/1955''

А.А. ДОЛГОЛЮК

ПОВЫШЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ИТР И СЛУЖАЩИХ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ СИБИРИ В 1946–1955 гг.*

канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: dolgalal@mail.ru

В статье раскрываются формы повышения квалификации инженерно-технических работников и служащих строительных организаций Сибири в течение двух послевоенных пятилеток. Оцениваются масштабы и качество их обучения; проводится сравнение существовавшей системы переподготовки управленцев и специалистов с аналогичными структурами в зарубежных странах.

Ключевые слова: Сибирь, строители, инженерно-технические работники, специалисты, повышение квалификации, переподготовка кадров.

Для XX в. характерно непрерывное развитие технико-технологического уровня всех сфер производственной деятельности. Не являлась исключением и строительная отрасль. Технический прогресс в ней происходил неравномерно. В тесной взаимосвязи с ним повышались требования к профессиональной подготовке руководителей, инженеров и техников.

После окончания Великой Отечественной войны многим заводам, производящим различные машины и строительную технику, пришлось перестраиваться на выпуск гражданской продукции, поэтому они медленно наращивали производство. Промышленные предприятия не выполняли и половины поступавших к ним заказов. Поэтому и на стройки приходило мало строительных кранов, экскаваторов, тракторов, бульдозеров, автомобилей и специальной техники. И тем не менее уже к концу четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) начал ощущаться подъем технического уровня капитального строительства. Под влиянием военного опыта изменялись и методы организации труда и производства в отрасли. Все это обуславливало необходимость переподготовки строителей и прежде всего руководителей различных подразделений, инженеров и техников. Уже в эти годы стала возрастать потребность в систематическом обновлении специалистами имеющихся у них профессиональных знаний. В 1950-е гг. она еще более усилилась. Причем данная проблема остро стояла не только в СССР, но и в капиталистических странах, что

определялось большими изменениями в производственном процессе, связанными с появлением новой техники, внедрением более совершенных технологий. И, как свидетельствовала послевоенная практика, здесь она решалась с большей системностью.

В первые послевоенные годы в стране практически не существовало организованной в общегосударственном масштабе системы переподготовки и повышения квалификации специалистов. Исключение составляли здравоохранение и народное образование. Действовавшие в СССР факультеты и курсы повышения квалификации руководящих работников охватывали лишь незначительную их часть. В то же время потребности в переподготовке специалистов возникали постоянно. Поэтому строительные тресты и управления были вынуждены самостоятельно заниматься повышением квалификации инженеров и техников, мастеров и бригадиров, бухгалтеров и нормировщиков, других работников. В одних случаях целью являлось повышение общего теоретического уровня слушателей, в других – решение конкретной производственной задачи, стоявшей перед коллективом. Поэтому и формы повышения квалификации специалистов были разными.

В этот период лишь незначительная часть ИТР и служащих имела возможность повысить свою квалификацию. Во многих трестах, в т. ч. и в общестроительных, обучение специалистов не проводилось. Например, так было в тресте «Сталинскпромстрой» и в большинстве небольших по мощности специализированных трестов. Масштабы обучения специалистов с целью повышения их квалификации росли очень мед-

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, проект № 33.2.3.

ленно. Если в 1945 г. на предприятиях и в организациях Сибири, подведомственных строительным наркоматам, было обучено 298 инженеров, техников, мастеров, бригадиров, нормировщиков и 117 бухгалтеров и счетоводов, то в 1950 г. – соответственно 547 и 85 чел.¹ Не помогало делу даже всеохватывающее планирование. Планы повышения квалификации инженерно-технических кадров выполнялись редко. Например, в тресте «Кузнецктяжстрой» план повышения квалификации ИТР и служащих был выполнен в 1952 г. на 29 %, а в 1953 г. – на 13 %². Отношение руководителей министерств, предприятий и организаций к данной проблеме стало изменяться только во второй половине 1950-х гг. С этого времени количество специалистов, ежегодно проходивших переподготовку на всевозможных семинарах и курсах, стало постепенно увеличиваться.

В условиях послевоенного дефицита дипломированных специалистов подавляющую часть ИТР и служащих составляли практики. В связи с этим возникла необходимость хотя бы часть из них обучить без отрыва от производства в системе высшего и среднего специального образования. Бывшие фронтовики вместе с другими инженерами и техниками-практиками оказались в студенческих аудиториях, совмещая учебу с работой. Существовавшая в стране система заочного и вечернего обучения позволяла в больших масштабах привлекать к обучению инженерно-технических работников (ИТР), не имевших высшего и среднего профессионального образования (практиков). Этот процесс можно рассматривать, с одной стороны, как обучение профессии, а с другой – как расширение профессиональных знаний, получаемых в процессе выполнения должностных обязанностей.

Пропаганда необходимости продолжения учебы велась активно. С этой целью организовывались открытые партийные собрания, печатались статьи в местных и многотиражных газетах, читались специальные лекции, проводились беседы с отдельными людьми. С каждым годом увеличивалась численность ИТР-практиков, а также рабочих, обучающихся без отрыва от производства. В 1956 г. в строительных организациях Новосибирской области каждый пятый практик учился в вузе, техникуме или школе рабочей молодежи³.

Уже в годы четвертой пятилетки (1946–1950) при крупных стройках и отдельных трестах стало больше открываться строительных техникумов, учебно-консультативных пунктов и даже филиалов институтов. В последующем эта практика получила еще большее распространение. Такие техникумы были созданы при многих трестах и управлениях, в т. ч. при Кузнецктяжстрое, Ангарском управлении строительства № 16, в ряде организаций Министерства энергетики и электрификации СССР. В Братске, Ангарске, Дивногорске, Красноярске, Чите, Черемхово, Усолье-Сибирском, Железногорске стали действовать филиалы Иркутского политехнического, Новосибирского и Томского инженерно-строительных институтов [2, с. 223; 3, с. 74].

¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 1. Л. 146–148; Д. 3242–3253.

² РГАЭ. Ф. 8763. Оп. 2. Д. 87. Л. 57; Д. 219. Л. 212. Ф. 8522. Оп. 2. Д. 58. Л. 77.

³ ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 2217. Л. 10, 11.

Даже самые высококвалифицированные специалисты стремились к дальнейшему повышению своего профессионально-образовательного уровня, чтобы всегда быть в курсе последних достижений научно-технического прогресса.

Наиболее эффективной формой повышения квалификации являлись специальные курсы, организуемые при Госстроях СССР и РСФСР, высших и среднетехнических учебных заведениях. Система этих курсов создавалась медленно. Руководство министерств и строительных организаций приложило немало усилий для открытия таких курсов при вузах и техникумах. Им содействовали местные партийные органы. Так, в 1956 г. на заседании бюро Новосибирского обкома КПСС было принято решение об оказании Сибирским строительным институтом, Новосибирским институтом инженеров железнодорожного транспорта практической помощи строительным организациям в проведении учебы по техническому и экономическому образованию ИТР⁴. И хотя через курсовое обучение переподготовку проходило относительно небольшое число инженерно-технических кадров, его значение было велико, поскольку квалификацию на курсах повышал руководящий состав трестов и управлений, а также ведущие специалисты.

Однако всплеск внимания партийных и государственных органов к данной проблеме вскоре иссяк. Возникшие в ходе реформ совнархозы не проявили к ней должного внимания. Курсовая система переподготовки специалистов стала сокращаться. В 1960 г. в строительных организациях, подведомственных Иркутскому СНХ, на курсах повышения квалификации прошли обучение лишь 29 чел.⁵

В это время самыми массовыми видами повышения квалификации ИТР и служащих являлись всевозможные семинары, школы, курсы и лектории, организуемые при трестах и управлениях, как постоянно действующие, так и возникавшие по мере необходимости для обучения определенных профессиональных групп строителей.

Так, на строительстве Иркутской ГЭС для ИТР были организованы постоянно действующие семинары экономических и технических знаний, читался цикл лекций по изучению проекта строящейся гидроэлектростанции. Кроме того, отдельные специалисты прошли подготовку на курсах и семинарах при учебном комбинате Главгидроэнергостроя, а также на родственных стройках [1, с. 44].

Одновременно в строительных организациях учебой охватывались относительно небольшие группы специалистов. В качестве примера обратимся к трестам «Кузнецктяжстрой» и «Сталинскпромстрой». В 1953 г. в них были организованы курсы повышения квалификации механиков предприятий, участков и цехов. Обучение на этих курсах осуществлялось по 60-часовой программе. В форме семинаров, консультаций, бесед и самостоятельного обучения проходило изучение технических условий и передовых методов организации работ. С целью упорядочения системы ведения нарядов

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ ГА РФ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1187. Л. 136.

проводились 8-часовые семинары. Действовали курсы повышения квалификации мастеров-практиков⁶.

С каждым годом все больше внимания уделялось совершенствованию профессиональных знаний самой многочисленной категории руководящих работников – мастеров. Их подготовка велась и в годы четвертой пятилетки, но в ограниченных объемах. Так, в целом по строительным министерствам РСФСР в порядке повышения квалификации в 1946 г. было обучено 825 мастеров, тогда как по промышленным министерствам – 36,4 тыс. чел.⁷ Повышение квалификации мастеров в первые послевоенные пятилетки происходило в основном в однодневных школах, специально созданных для обучения руководителей низшего звена. Лишь в ноябре 1962 г. было принято постановление Совета министров СССР «Об организации трехгодичных школ мастеров»⁸.

Каким бы широким ни был охват специалистов различными формами повышения квалификации, они все же не могли обойтись без самообразования. Лишь оно позволяло инженерам, техникам, служащим обеспечить непрерывность накопления знаний, являлось одним из важнейших методов наращивания научно-квалификационного потенциала. Чем активнее научно-технический прогресс захватывал строительное производство, тем весомее становилась роль самообразования. Объем знаний, необходимый инженерам и техникам в изучаемый период, не просто быстро рос, но и качественно усложнялся. Исследования показывали: специалист в области техники, стремящийся быть на переднем крае знаний, должен был не менее 20 % свободного времени тратить на ознакомление с научными и техническими новинками [4, с. 47].

Воспитание у специалистов потребности к самосовершенствованию и создание условий для этого стало одной из задач руководителей управлений, трестов и предприятий. С этой целью в строительных организациях создавались библиотеки, оборудовались технические кабинеты, проводились консультации.

Занятия на всевозможных курсах и семинарах, организованных при строительных организациях и предприятиях, проводились преимущественно в свободное от работы время без отрыва от производства. Случаи, когда специалисты командировались специально на учебу, были единичными. В 1946 г. по всем строительным министерствам в РСФСР лишь 426 инженерно-технических работников прошли обучение с отрывом от производства, что составило всего 0,6 % от общей численности повысивших квалификацию. Кстати заметим, что и в промышленности этот показатель был низким – 1,7 %⁹. Лишь в 1950-е гг. строительные министерства начали постепенно увеличивать сеть стационарных курсов и семинаров. Кроме того, они

стали распространять практику стажировки инженеров и техников на родственных предприятиях и стройках. Так, в 1960 г. по строительным организациям Иркутского СНХ такую стажировку прошли 57 чел.¹⁰ В целом к этому времени форма повышения квалификации ИТР с отрывом от производства довольно широко внедрилась в практику. По всем строительным организациям РСФСР такое обучение прошли 25 % от общей численности ИТР (против 18 % в промышленности).

Лидерами по внедрению технических новшеств продолжали оставаться строительные организации центральных районов СССР, на базе которых часто устраивались семинары и курсы. Сибиряки, развернувшие гигантские новостройки, стремились овладеть передовым опытом. Поэтому в строительных организациях Сибири доля ИТР, повышающих квалификацию с отрывом от производства, была еще большей – 40 %, что более чем на порядок превышало данный показатель среди рабочих-строителей (3,7 %) ¹¹.

Совершенствование системы повышения квалификации ИТР и служащих в направлении расширения сети стационарных форм обучения происходило с одновременным развитием системы хорошо зарекомендовавших себя экономических школ, работающих на общественных началах.

Переход строительного дела на новый качественный уровень потребовал практически от всех специалистов понимания хотя бы основ экономики производства. Помимо хозяйственных руководителей вопросами распространения экономических знаний стали заниматься партийные организации, нацеленные на массовое вовлечение ИТР и служащих в экономическую учебу. В те годы массовость была одним из главных критериев оценки деятельности коллективов при проведении всевозможных компаний. Исходя из количественных показателей работа по экономическому образованию строителей поначалу оценивалась вышестоящими партийными органами как отрицательная. Например, на заседании бюро Новосибирского обкома КПСС 20 мая 1953 г. такая оценка была дана тресту № 30. Одновременно предлагалось сделать обучение более массовым¹².

Внимание партийных и хозяйственных органов к проблеме позволило достигнуть положительных результатов. На предприятиях и стройках организовывались бюро экономического анализа, технические и технико-экономические бюро, создавались экономические лектории, проводились теоретические семинары по конкретным проблемам экономики строительства. Формирование учебных групп осуществлялось с учетом профессий и занимаемых слушателями должностей, что позволяло более глубоко изучать специальные дисциплины. В учебном процессе использовались самые различные формы и методы: лекции, семинары, научно-теоретические и практические конференции, экскурсии. Позднее, в 1960-е гг., система экономического образования выйдет на новый, еще более высокий

⁶ РГАЭ. Ф. 8763. Оп. 2. Д. 215. Л. 364, 365; Д. 219. Л. 214, 215.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2111. Л. 13, 14; ГА РФ. Ф. 374. Оп. 3. Д. 3242. Л. 32; Д. 3243. Л. 111; Д. 3244. Л. 12, 52; Д. 3246. Л. 113; Д. 3247. Л. 72; Д. 3249. Л. 112; Д. 3250. Л. 12; Д. 3252. Л. 12, 32, 71.

⁸ Справочник партийного работника. М., 1963. Вып. 4. С. 457.

⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 15. Д. 2111. Л. 13, 14.

¹⁰ ГА РФ. Ф. 403. Оп. 1. Д. 1187. Л. 136.

¹¹ ГА РФ. Ф. 374. Оп. 34. Д. 283, Л. 52–85; Д. 284. Л. 1.

¹² ГАНО. Ф. 4. Оп. 33. Д. 1880. Л. 13, 14.

уровень, когда не только увеличатся масштабы, но и улучшится качество обучения.

Расширению экономических знаний и общего кругозора способствовали занятия инженерно-технических кадров в сети партийно-политического просвещения. Инженерно-технические работники являлись не только слушателями в этих кружках, но и пропагандистами, лекторами. Несомненно, тематика проводимых занятий была чрезмерно заидеологизирована. Изучению марксистско-ленинской теории, разъяснению политики КПСС, преимуществ социалистического строя перед капиталистическим отводилось большое внимание. Коммунистическая партия рассматривала партийно-политическое просвещение как одно из самых эффективных средств «воспитания кадров и повышения их идейно-теоретического уровня». Конечно, изучение оторванных от реальной жизни многих положений марксистско-ленинской философии и политэкономии социализма зачастую давало совсем не тот результат, на который рассчитывали партийные органы. Вместе с тем широкое обсуждение решений партийных и правительственных документов способствовало повышению общего интеллектуального уровня работников.

При сравнительном анализе систем переподготовки управленцев, инженеров и служащих, существовавших в СССР и в развитых капиталистических странах, у последних обнаруживаются немалые преимущества. Уже в 1950-х гг. здесь оперативнее учитывали последние достижения науки и техники, стремились как можно скорее внедрять их в практику. Поэтому основной целью повышения квалификации являлось систематическое ознакомление специалистов с новейшими техническими и технологическими новинками, более совершенными методами организации труда и производства, отбор наиболее способных кандидатов и их подготовка для замещения руководящих должностей. Сроки обучения на курсах повышения квалификации, как правило, были более продолжительными, чем в СССР. Учеба продолжалась не менее 6 месяцев. Курсы являлись как бы второй ступенью в подготовке квалифицированных специалистов, которые получали дополнительное специальное образование, имевшее непосредственное отношение к сфере производственной деятельности фирмы или компании. Помимо курсов широко были распространены краткосрочные семинары [5, с. 38, 39].

Уже в тот период в США переподготовку кадров осуществляли инженерно-технические общества, колледжи, институты, фирмы. Существовали и долгосрочные курсы для отдельных категорий специалистов. Программы их обучения разрабатывались Советом профессионального развития инженеров. В программы

обучения включалось лишь то, что способствовало росту профессионального уровня и могло быть использовано в практической деятельности.

Особенно большое внимание в развитых капиталистических странах уделялось переподготовке управленцев. Наибольшее развитие получила система американского менеджмента. В США каждые пять лет управленцы проходили переподготовку. После окончания высшего учебного заведения менеджеры периодически обучались на втором, третьем и четвертом циклах повышения квалификации, для чего в 600 учебных заведениях действовали специальные курсы [6, с. 140, 141].

Здесь не экономили средств на повышении квалификации специалистов и руководителей, поскольку знания, полученные ими в ходе переподготовки, сразу же применялись на производстве и давали быстрый эффект. Такая система в СССР начнет складываться лишь в середине 1960-х гг.

Подводя итоги анализу развития системы повышения квалификации инженерно-технических работников и специалистов, следует констатировать почти полное ее отсутствие в первые послевоенные годы. Каждое ведомство, предприятие, трест самостоятельно, в меру своих возможностей решали данную проблему. Тем не менее на таких курсах специалисты получали новые знания, знакомились с новинками в сфере организации труда, с передовым опытом родственных организаций. Их использование на практике позволяло оптимально решать текущие задачи. В это время квалификационный рост работников слабо стимулировался морально и материально. Продвижение по служебной лестнице не всегда увязывалось с их квалификационным ростом специалистов. Лишь с ускорением научно-технического прогресса стала быстро нарастать массовость переподготовки специалистов, повысилось качество обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Муравьева Л.И.* История создания коллектива строителей Иркутской ГЭС // Труды Моск. гос. ист.-архив. ин-та. М., 1965. Т. 21.
2. *Алексеев В.В.* Электрификация Сибири. Новосибирск, 1976. Ч. 2: 1951–1970 гг.
3. *Шилов Н.С.* Деятельность КПСС по развитию капитального строительства в Восточной Сибири в условиях развитого социализма. Красноярск, 1981.
4. *Суворов И.Ф.* Инженерно-технические кадры – опора партии в борьбе за технический прогресс. М., 1973.
5. Подготовка и использование кадров специалистов в ФРГ. М., 1980.
6. *Новгородский Ю.Ф., Оттенберг Н.Н., Хайкин Н.М.* Технический прогресс и совершенствование подготовки кадров. М., 1973.

Статья поступила
в редакцию 16.07.2012

УДК 94(47).084.9

В.Л. НЕКРАСОВ

**ДОЛЖНОСТЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГОСПЛАНА СССР
В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РУКОВОДСТВА
(1955–1964 гг.)**

канд. ист. наук,
Сургутский государственный
педагогический университет
e-mail: VLNekrasov@me.com

В центре внимания автора данной статьи находятся вопросы, связанные с изменением статуса председателя Госплана СССР в высшем политическом руководстве страны, факторы, определявшие его политическую влиятельность. Обсуждается его лояльность лидеру страны. Дается характеристика уровня профессионализма руководителей плановых органов, в т. ч. председателей Госплана СССР. Автор делает вывод о том, что в годы правления Н.С. Хрущева Госплан СССР утратил политическое влияние и был полностью подчинен партийному аппарату.

Ключевые слова: председатель Госплана СССР, высшее политическое руководство, «образы плановиков».

Историография «великого десятилетия», традиционно тяготеющая к политическим институтам, ключевым историческим личностям и социально-экономическим проблемам, оставила в тени деятельность Государственного планового комитета при Совете министров СССР (Госплан СССР) и его председателей. Введение в научный оборот архивных документов, публикация мемуаров плановиков не изменили ситуацию, сложившуюся в советской историографии – история Госплана СССР в годы руководства Н.С. Хрущева осталась периферийной темой историографии.

Обратиться к исследованию Госплана СССР и его руководителей второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. заставляет ряд существенных обстоятельств. Во-первых, в рассматриваемый период этот орган подвергся самому глубокому реформированию за все время своего существования. Реформы охватывали все стороны деятельности Госплана СССР – механизм планирования, полномочия, подчиненность, внутреннюю структуру, сопровождаемая изменением статуса его председателя в системе власти и регулярной сменой руководства [1]. Во-вторых, фактически все председатели Госплана СССР – Н.К. Байбаков, И.И. Кузьмин, А.Н. Косыгин, В.Н. Новиков, П.Ф. Ломако – были выдвинуты по личной инициативе Н.С. Хрущева. Тем самым они оказались неразрывно связаны с процессом формирования единоличной власти Хрущева, который продвигал своих сторонников на ключевые посты в органах государственного и партийного управления. В-третьих, председателей Госплана СССР, выдвинутых Хрущевым, следует рассматривать как одну из групп влияния в высшем политическом руководстве. Исследования, которые раскрывали бы данные вопросы, в историографии отсутствуют. Как правило, доминируют работы биографического жанра, посвященные отдельным руководителям Госплана СССР [2; 3; 4; 5; 6].

Большинство руководителей плановых органов второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. относились к «сталинским наркомам» – группе хозяйственных управленцев, выдвинутых на руководящие должности в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. Их карьерному росту способствовали экстремальные условия того периода – политические репрессии 1937–1938 гг. и Великая Отечественная война. В послевоенные годы они составили ядро министерского корпуса, выступив во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. кадровым резервом для руководящих должностей в Совете министров СССР. Данные обстоятельства позволяют утверждать, что председатели Госплана СССР второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. представляли собой группу, обладавшую некоторыми общими социальными и политическими характеристиками.

В конце 1940-х – первой половине 1950-х гг. председатель Госплана СССР занимал высокое положение в партийно-государственной иерархии. Эта должность входила в номенклатуру Президиума ЦК КПСС [7]. Он обязательно являлся заместителем (первым заместителем) председателя Совета министров СССР, входил в состав Политбюро (Президиума) ЦК КПСС либо в число кандидатов в его члены. Хрущев изменил эту практику, считая, что «возникает много соблазнов, да и ведомственные интересы порой довлеют над общественными» [8, с. 316]. После реорганизации системы управления промышленностью и строительством в мае 1957 г. и отставки М.Г. Первухина руководители плановых органов больше уже не включались в состав Президиума ЦК КПСС на правах полноправных членов, а иногда даже в состав пленума ЦК партии (И.И. Кузьмин, В.Н. Новиков, А.Ф. Засядько). Тем самым в сложившейся конфигурации политических институтов Хрущев ограничил полномочия председателя Госплана СССР, фактически лишив его политических механизмов влияния.

Должность председателя Госплана СССР оказалась не такой уж стабильной, в плановых органах происходила непрерывная ротация управленческих кадров. Так, в течение 1955–1963 гг. в них сменилось восемь руководителей – два в Государственной экономической комиссии Совета министров СССР по текущему планированию народного хозяйства (Госэкономкомиссия СССР), шесть в Госплане СССР, три в Государственном научно-экономическом совете Совета министров СССР (Госэкономсовет СССР), в то время как в 1940-х – первой половине 1950-х гг. – три руководителя, а во второй половине 1960-х – первой половине 1980-х гг. – два¹.

В высших эшелонах власти существовала своя иерархия функционеров, основанная на опыте, заслугах, широте и прочности деловых и дружеских отношений с членами верховного руководства, близости к политическому лидеру. Данное обстоятельство необходимо принимать во внимание и при оценке положения председателя Госплана СССР в центральных органах власти. Опираясь на перечисленные критерии, всех руководителей плановых органов можно разделить на четыре группы. Первую группу составляли М.Г. Первухин, М.З. Сабуров, которые претендовали на определенную независимость от Хрущева. Своим продвижением по карьерной лестнице они были обязаны не ему, а И.В. Сталину, который ввел их в состав Президиума ЦК партии и Бюро Президиума Совета министров СССР на правах полноправных членов [9, с. 203, 214]. Кроме того, эти функционеры обладали уникальным (особенно Первухин) опытом решения стратегических задач и широкими доверительными связями среди министерской бюрократии и региональной партийной номенклатуры [10, с. 266].

Вторую группу председателей Госплана СССР представляли А.Н. Косыгин и В.Н. Новиков, являвшиеся опытными хозяйственниками-администраторами и обладавшие широкими доверительными и дружескими связями в высшем руководстве. По выражению О.В. Хлевнюка, в 1950–1957 гг. Косыгин был «политическим аутсайдером» [9, с. 125], хотя известно, что он являлся, во-первых, опытным администратором и, во-вторых, поддерживал доверительные отношения с ближайшими соратниками Хрущева – Ф.Р. Козловым, Е.А. Фурцевой, А.И. Микояном, а также с друзьями военных лет – «крутыми оборонными министрами» В.А. Малышевым и М.В. Хруничевым [11, с. 87]. В.Н. Новиков с военных лет работал и дружил с Д.Ф. Устиновым, с опытом, влиянием и положением в военно-промышленных кругах которого считался Хрущев. Кроме того, Новиков был протеем Козлова [12, № 1, с. 109–114].

В третью группу входили Н.К. Байбаков и П.Ф. Ломако, чьи позиции определялись исключительно репутацией талантливых хозяйственников и администраторов, поскольку иными статусами, заслугами и возможностями они в тот период не обладали.

Наиболее слабые позиции занимали И.И. Кузьмин и А.Ф. Засядько, демонстрировавшие полную лояльность Хрущеву. Кузьмин, обладая энергией, не имел опыта руководящей административной работы², как и доверительных отношений в высшем политическом руководстве и партийно-государственном аппарате. Засядько – «крупный хозяйственник», но алкоголизм «привел его к наущничеству и подхалимству» в отношениях с Хрущевым [12, № 2, с. 109, 110, 112].

Хрущев стремился влиять на персональный состав руководства Госплана СССР, даже когда не располагал всей полнотой личной власти. Это его стремление достаточно четко просматривается в реформе Госплана СССР в 1955 г., касавшейся вопроса о председателях Госплана и Госэкономкомиссии СССР.

Данная реформа была тесно связана с перестановками в высшем политическом руководстве. Отставка в январе 1955 г. Г.М. Маленкова с поста председателя Совета министров СССР и назначение на этот пост Н.А. Булганина, с которым у Хрущева были доверительные отношения, усилила позиции последнего, предоставив ему возможность действовать более решительно при реорганизации системы государственного управления и при привлечении своих ставленников в госаппарат [4; 13]. По свидетельству Д.Т. Шепилова, «Хрущев без особого стеснения говорил, что нужно убрать “маленковских людей” и всюду расставить “свои кадры”» [14, с. 297]. Председателем Государственной комиссии Совета министров СССР по перспективному планированию народного хозяйства был назначен министр нефтяной промышленности СССР Н.К. Байбаков. Госэкономкомиссию СССР возглавил М.З. Сабуров, руководивший Госпланом СССР в 1953–1955 гг. Ценные свидетельства о данных назначениях предоставляет Хрущев. В 1955–1956 гг. Сабуров «числился среди самых активных сторонников» политики Хрущева, поддерживая все его политические и экономические инициативы [8]. «Госплановский» опыт Сабурову был необходим для ведения «баталлий» с отраслевыми министрами [12, № 2]. На то, что между Хрущевым и Сабуровым существовали доверительные отношения, указывает тот факт, что в 1955–1956 гг. на Сабурова (и Первухина) возлагалась обязанность председательствовать на заседаниях Совета министров СССР в случае отсутствия Булганина³.

Назначение Байбакова соответствовало замыслу Хрущева о том, что Госпланом СССР «должен руководить человек неординарный, не зашоренный, не погрязший в рутине <...> Выбор пал на <...> Байбакова, человека, не отягощенного госплановским “опытом” бесконечного балансирования и показавшего себя во время войны способным к нетривиальным поступкам» [8, с. 214, 215]. В то же время нельзя исключать, что Байбаков был выдвинут по совету Л.М. Кагановича, хорошо знавшего его по работе в Наркомате нефтяной промышленности СССР. Но Хрущев рассматривал

¹ Государственная власть СССР. Высшие органы власти и управления и их руководители. 1923–1991: ист.-биограф. справ. / сост. В.И. Ивкин. М., 1999; Совет народных комиссаров. Совет министров СССР. Кабинет министров СССР. 1923–1991: энцикл. справ. / сост. С.Д. Гарнюк. М., 1999.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д. 150. Л. 131.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964 : в 3 т. / сост. В. Афиани, Т. Кузьмичева, Г. Мещеряков и др. Серия: Архивы Кремля. М., 2006. Т. 2: Постановления 1954–1958. С. 103–104.

Байбакова не как крупную самостоятельную политическую личность, а как «технического» председателя Госплана СССР – опытного, без амбиций хозяйственника-управленца, разработчика плана шестой пятилетки и исполнителя своих идей по модернизации и реформированию экономики [4].

Это обстоятельство подтверждает существующую в историографии точку зрения, согласно которой Хрущев в борьбе за власть стремился перераспределить силы в Совете министров СССР в свою пользу [15, с. 25–26]. Его политика была связана с ослаблением влиятельных и оппозиционно настроенных членов Президиума Совета министров СССР (Г.М. Маленков, В.М. Молотов) за счет усиления «молодых» членов Президиума (М.Г. Первухин, М.З. Сабуров) и продвижения своих кандидатур в Президиум Совета министров СССР (И.И. Кузьмин), Госплан СССР (Н.К. Байбаков) и Госэкономкомиссию СССР (А.Н. Косыгин). Хотя, как показали события первой половины 1957 г., эта политика имела свои естественные пределы. Несмотря на последовательность и плановность кадровой политики, проводимой Хрущевым в отношении Госплана и Госэкономкомиссии СССР, она не дала результатов. Камнем преткновения стала реформа управления промышленностью и строительством. Обсуждение этого мероприятия было крайне непростым, более того, дискуссия вокруг него стала катализатором противостояния в высшем политическом руководстве. Реформа, задуманная Хрущевым в декабре 1956 – январе 1957 г., предусматривала децентрализацию управления отраслями промышленности и строительного комплекса, слом ведомственных барьеров, повышение роли партийных и советских органов власти в руководстве народным хозяйством. Для этого Хрущев предлагал перейти от управления через отраслевые министерства к управлению через совнархозы. Реформа 1957 г., аккумулировавшая общественно-экономические ожидания и противоречия, рассматривалась ее инициаторами и разработчиками как эффективный инструмент устранения основных пороков централизованной экономики.

Однако и председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, и председатель Госэкономкомиссии СССР М.Г. Первухин открыто высказывали Хрущеву свои опасения в отношении задуманной им реформы. Сравнительный анализ их аргументации позволяет утверждать, что они не отрицали основополагающих принципов реформы, но настаивали на ее постепенной реализации и сохранении централизованного управления для ряда отраслей тяжелой промышленности⁴. Централизованное управление должно было осуществляться либо через министерства, которые будут обязаны «перебазировать ряд главных управлений на места производства»⁵, либо через Высший совет народного хозяйства по тяжелой промышленности⁶. Главное возражение этой группы плановиков сводилось к тому,

что ликвидация министерств, по их мнению, приведет к утрате управления отраслями, потере устойчивости экономики, ослаблению единой технической политики⁷. Иными словами, они придерживались технократического, лишённого политических мотивов подхода, заключавшегося в целесообразности сохранения, насколько это было возможно, отраслевых механизмов в новой системе управления промышленностью и строительством. Поэтому следует считать преувеличением мнение А. Ноува о том, что в первой половине 1957 г. профессиональные плановики (А. Ноув ошибочно называет Сабурова председателем Госплана СССР) реально выступали против Хрущева [1, р. 352].

Однако в условиях 1957 г. сохранение централизованного управления отраслями тяжелой промышленности выходило за рамки варианта предлагаемой Хрущевым реформы. Его реализация могла привести к сохранению «управления промышленностью и строительством по отраслевому принципу». Фактически эти предложения представляли собой консервативный вариант реформы, в котором ее основная идея видоизменялась в пользу сохранения отраслевого принципа управления, сроки реализации увеличивались и в целом повышались риски претворения ее в жизнь.

Однако в развернувшейся схватке за власть Хрущеву в руководстве плановых органов требовались единомышленники, а не оппоненты. В результате в мае 1957 г. Н.К. Байбаков и М.Г. Первухин были освобождены от своих обязанностей⁸. Байбаков был назначен на пост председателя Госплана РСФСР. Получение Байбаковым этой должности полностью соответствовало новым политическим и экономическим реалиям, наступившим после ликвидации министерств и создания совнархозов, практике назначения бывших министров, его компетенциям как хозяйственника-управленца. И среди кандидатов на пост председателя Госплана СССР в мае 1957 г. Байбаков имел минимальные шансы, поскольку политическим влиянием не обладал, и доверие к нему со стороны Хрущева ослабло. Первухин, с его статусом члена Президиума ЦК КПСС и первого заместителя председателя Совета министров СССР, а также опытом руководящей работы, мог занять должность председателя Госплана СССР, но был назначен министром среднего машиностроения СССР⁹. Претендентом на пост председателя Госплана СССР мог выступить А.Н. Косыгин, занимавший в декабре 1956 – мае 1957 г. должность первого заместителя председателя Госэкономкомиссии СССР и лояльно относившийся к Хрущеву. Однако этого не произошло, вероятнее всего, потому, что они скептически отнеслись к созданию совнархозов. В итоге Косыгин остался в команде Хрущева, а Первухин «пополнил ряды потенциальных оппонентов». Председателем Госплана СССР по инициативе Хрущева утвердили заведующего отделом машиностроения ЦК КПСС И.И. Кузьмина, который завоевал доверие Хрущева, поддерживая его идею реформирования управления промышленностью и строительством. Очевидно, что в условиях «коренной перестройки управления промышленностью» и

⁴ Там же. М., 2003. Т. 1: Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 221, 226, 227.

⁵ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 214. Л. 139.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 236–239.

⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 150. Л. 131–133.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 71. Д. 197. Л. 15, 16.

⁹ Государственная власть СССР... С. 466.

борьбы за политическое лидерство Хрущев стремился поставить под свой контроль «мозговой центр» экономической жизни страны.

В системе высшей политической власти председатель Госплана СССР выполнял функцию «честного» администратора, сигнализировавшего наверх о реальном положении дел в экономике [16, р. 18–21, 30–31]. Поэтому при назначении на должность председателя Госплана СССР Хрущев оценивал в первую очередь опыт и профессионализм претендента. Большинство руководителей Госплана СССР к моменту назначения на этот пост обладали уникальным хозяйственным и административным опытом в сфере руководства народным хозяйством РСФСР, отраслями оборонной, тяжелой и легкой промышленности, финансами, совнархозами, стратегическими проектами и стройками, в т. ч. за рубежом. Исключением в данной группе был Кузьмин – представитель партийного аппарата, его выдвижение носило конъюнктурный характер.

Одновременно следует отметить институциональные различия между главами плановых органов, назначаемых в 1955–1956, 1957–1959 и 1960–1964 гг. В 1955–1956 гг. руководителями этих структур являлись представители высшей бюрократии – члены Президиума ЦК КПСС М.З. Сабуров и М.Г. Первухин. Председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков, обладая большим опытом административно-хозяйственной работы, являлся только «рядовым» членом ЦК КПСС и тем самым был лишен возможности оказывать политическое влияние на решение многих вопросов развития народного хозяйства, особенно если они формально выходили за рамки компетенции Госплана СССР. В 1957–1959 гг. ситуация кардинально изменилась, и главным критерием назначения стали личная преданность, лояльность и беспрекословное выполнение заданий нового политического лидера. Именно данный фактор обусловил назначение И.И. Кузьмина, А.Ф. Засядько, а также, хотя и в несколько меньшей степени, А.Н. Косыгина. В 1960–1964 гг. в руководство Госплана СССР приходят технократы, не обладавшие политическим весом, но с опытом хозяйственной работы как в «старой» отраслевой, так и в «новой» территориальной экономике. Среди них В.Н. Новиков, который в 1957–1958 гг. возглавлял Ленинградский СНХ, а в 1958–1960 гг. – Госплан РСФСР, П.Ф. Ломако, в 1957–1961 гг. являвшийся главой Красноярского СНХ, в 1961–1962 гг. – заместителем председателя Бюро ЦК КПСС по РСФСР, в июле-ноябре 1962 г. – председателем Госэкономсовета СССР¹⁰.

Целесообразно в связи с вышесказанным обратиться к теме «образа плановиков», поставленной П. Грегори при исследовании истории Госплана СССР периода первых пятилеток. Он различает два образа плановика: это «плохо образованный партийный бюрократ» В.В. Куйбышев (1930–1934 гг.) и «плановик-профессионал» В.И. Межлаук (1934–1937 гг.). По мнению П. Грегори, эти образы плановиков символизируют два полюса самого Госплана СССР, две альтернативы его развития: Госплан СССР мог стать организацией, разрабатывающей планы в соответствии с формальными правилами, или же превратиться в

организацию, слепо исполняющую партийные директивы, причем даже тогда, когда они противоречили экономической логике [17, с. 236–238]. В отношении второй половины 1950-х – первой половины 1960-х гг. определенно можно говорить о трех «образах плановиков». Первый образ – это крупные государственные деятели, обладавшие многогранным опытом управления народным хозяйством, – А.Н. Косыгин, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров. Второй – выдвиженцы Н.С. Хрущева, преданные ему партийные и государственные функционеры и беспрекословно исполнявшие его приказы, – А.Ф. Засядько и И.И. Кузьмин. Третий образ – опытные, но без политических амбиций хозяйственники-управленцы, отраслевые министры, выдвигаемые Хрущевым для реализации своих инициатив, – Н.К. Байбаков, В.Н. Новиков, В.Э. Дымшиц, П.Ф. Ломако.

В рассматриваемый период планирование находилось под постоянным контролем Н.С. Хрущева, и это внимание касалось не только механизмов планирования и пропорций развития народного хозяйства, но и полномочий главы данного органа, персонального состава руководства плановых ведомств. В 1955–1964 гг. вследствие эволюции руководящего состава и статуса председателя Госплана СССР данный орган утратил политическое влияние и был подчинен партийному аппарату.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nove A. An Economic History of the USSR (1917–1991). N.Y., 1992.
2. Ваксер А.З. Алексей Николаевич Косыгин // Клио. 2008. № 3.
3. Кудашин А.С. Партийная и государственная деятельность А.Н. Косыгина 1939–1980 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
4. Некрасов В.Л. Н.К. Байбаков: личный фактор в годы руководства Н.С. Хрущева (1955–1957 гг.) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: Материалы I Всерос. молодежной науч. конф. Новосибирск, 2011.
5. Подольский С.И. Реформатор «хрущевского» периода – В.Н. Новиков // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. Серия: История. 2011. № 1.
6. Славкина М.В. Байбаков. М., 2010.
7. Восленский М.С. Номенклатура. М., 2005.
8. Хрущев С.Н. Никита Хрущев: реформатор. М., 2010.
9. Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Холодный мир. Сталин и завершение сталинской диктатуры. М., 2011.
10. Мухитдинов Н. Годы, проведенные в Кремле: воспоминания ветерана войны, труда и Коммунистической партии, работавшего со Сталиным, Маленковым, Хрущевым, Брежневым, Андроповым. Ташкент, 1994. Кн. 1: О деятельности ЦК КПСС и его Политбюро в 50-е годы.
11. Гвициани А.Д. Феномен Косыгина. Записки внука. Мнения современников. М., 2004.
12. Новиков В.Н. В годы руководства Н.С. Хрущева // Вопросы истории. 1989. № 1, 2.
13. Некрасов В.Л. Реформа Госплана СССР 1955 г.: власть, институты, личности // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Материалы II Всерос. науч. конф. Челябинск, 2012.
14. Шепилов Д.Т. Непримкнувший. М., 2001.
15. Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС: личности и власть. Екатеринбург, 2009.
16. Gregory P.R. Restructuring the Soviet Economic Bureaucracy. Cambridge, 1990.
17. Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

Статья поступила
в редакцию 30.07.2012

¹⁰ РГАЭ. Ф. 739. Оп. 1. Д. 1. Л. 19.

УДК 94(47+57)''195/198'':[35:004.89]

Е.П. СТРЮКОВА

**МОДЕЛИ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ
В СССР В 1950–1980-е гг.**

аспирантка
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург,
e-mail: ekaterina-strukova@yandex.ru

В статье рассматриваются вопросы разработки типовых проектов автоматизированных систем управления (АСУ), необходимость их создания, проведение работ по созданию таких проектов. Дается классификация типовых решений АСУ. Автор уделяет особое внимание автоматизированным системам управления предприятиями, особенностям типизации решаемых задач в рамках этих систем и специфике создания типовых проектов. Делается попытка определить роль и значение типовых проектов для процесса автоматизации управления народным хозяйством в СССР.

Ключевые слова: автоматизированная система управления, автоматизированная система управления предприятием, АСУ, АСУП, автоматизация управления.

Период 1950-х – начала 1960-х гг. в СССР ознаменовался появлением и бурным развитием электронной вычислительной техники, способной выполнять принципиально новые функции. Результаты первых пробных испытаний по проведению трудоемких расчетов на этой технике оказались настолько впечатляющими, что возникла идея их применения в экономике. Начальный период автоматизации стал объектом исследования современников и многих историков. Уже в 1970-е гг. появляется ряд работ, посвященных техническим аспектам разработки АСУ [1; 2], их экономической эффективности [3; 4]; в 1990-е гг. проблемы разработки АСУ рассматриваются в качестве ведущего элемента политики КПСС, одного из направлений строительства коммунизма [5].

На совещаниях различных уровней началось активное обсуждение проблем использования достижений научно-технического прогресса в целях планирования экономического развития СССР и претворения в жизнь положений Программы КПСС [3, с. 5]. Эти проблемы активно освещались в печати. Было предложено множество вариантов создания с этой целью комплексов и систем электронно-вычислительной техники. Среди обсуждавшихся проектов выделялись три модели, предложенные А.И. Китовым, В.С. Немчиновым и В.М. Глушковым.

Судьба предложений была разной. Только одно среди них обрело форму проекта, доведенного до стадии согласования с ЦСУ СССР и Госпланом СССР. Это был проект о создании общегосударственной сети вычислительных центров (автор В.М. Глушков). Однако реализован он не был, поскольку не прошел все согласования и был отправлен на дальнейшую доработку.

Одновременно выдвигались идеи создания автоматизированных систем управления предприятиями (АСУП). Появление к началу 1970-х гг. таких систем было подготовлено следующими событиями. В качестве эксперимента в конце 1960-х гг. АСУ были успешно разработаны и внедрены на ряде предприятий («Львов», «Кунцево» и т. д.). Переход предприятий на хозрасчет в результате «косыгинской» реформы повлек за собой необходимость самостоятельного отслеживания предприятиями текущего состояния собственных дел и проведения первичного планирования. К концу 1960-х гг. возросла потребность в быстром получении оперативной информации, необходимой для контроля выполнения текущих планов и их дальнейшей корректировки.

Все эти факторы стимулировали активное обсуждение целесообразности использования автоматизированных технологий в процессах управления. Выдвигаемые идеи о роли новых технологий в развитии народного хозяйства нашли свое отражение в документах XXIV съезда КПСС. В них предусматривалась возможность создания комплексной программы по улучшению организации управления экономикой страны. Одним из основных направлений работы стало совершенствование организационной структуры управления и планирования. В целях реализации этого направления уже в Директивах XXIV съезда КПСС предусматривалось «развернуть работы по созданию и внедрению автоматизированных систем планирования и управления отраслями, объединениями, предприятиями»¹. В девятый пятилетний план развития народного

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК (1896–1986). Изд. 9-е, доп. и испр. М., 1986. Т. 12: 1971–1975. С. 100.

хозяйства был включен пункт о внедрении АСУ на предприятиях, что в свою очередь означало начало массового развертывания работ по их созданию. Так, в 1971 г. было внедрено 79 систем, в 1972 г. – 113, в 1973 г. – 162, в 1974 г. – 224, в 1975 г. – 233 системы [5, с. 150].

Вместе с тем, как оказалось, каждый такой проект представлял собой очень трудоемкий и затратный процесс, требующий не только больших временных затрат, финансовых вложений, но и участия специалистов. Не каждое предприятие в состоянии было самостоятельно внедрить автоматизированную систему. Немаловажное значение имела слабая оснащенность предприятий электронно-вычислительной техникой. Ее можно было получить только в плановом порядке и при наличии необходимых документов на создание и использование АСУ².

В конце 1960-х гг. с помощью первых АСУ решалось множество серьезных задач – проводились инженерно-технические и финансовые расчеты, разрабатывались технологии обработки данных, внедрялись системы автоматизации учета и т. п. Сформировались три основных направления разработки АСУ:

- автоматизированные системы управления технологическими процессами (АСУТП);
- системы автоматизации проектных работ (САПР);
- автоматизированные системы управления предприятиями (АСУП).

Так, АСУТП использовались на предприятиях. Главной задачей этих систем была оптимизация сложных технологических процессов, характеризующихся большим количеством параметров и сложностью алгоритмов управления. Роль персонала благодаря внедрению таких систем сводилась преимущественно к контролю и наблюдению за их работой. В первую очередь АСУТП разрабатывались для предприятий с непрерывным циклом производства, в частности для энергетического комплекса.

Основной тенденцией развития АСУТП стала их типизация и унификация проектных решений. В начале 1970-х гг. принцип типизации был сформулирован в *Общепромышленных методических материалах по созданию АСУТП* [6]. Наибольшая степень стандартизации при создании АСУТП была достигнута в техническом, математическом, информационном и организационном обеспечении [7, с. 11]. Проведенная в 1970-е гг. унификация АСУТП позволила увеличить интенсивность их использования на различных промышленных предприятиях.

Другим направлением развития АСУ стала разработка систем автоматизации проектных работ (САПР). САПР представляла собой комплекс средств автоматизации проектирования, предназначенных для проектных организаций или специалистов (пользователей системы) [8]. Такие системы автоматизировали задачи, поддающиеся формализации, при условии, что их машинное решение будет более эффективно, чем ручное (например, оформление технической документации, получение планов размещения оборудования,

решение систем уравнений). Успехи от использования первых САПР способствовали разработке ряда систем, в которых были реализованы типовые алгоритмы.

На начальных этапах развития САПР для каждой отдельной задачи разрабатывалась своя программа, и это тормозило их развитие. Существенный рывок в развитии САПР произошел в связи с разработкой требований к созданию типовых систем (методические рекомендации по созданию САПР) и с расширением возможностей вычислительной техники. Уже к концу 1970-х гг. они становятся вполне привычным элементом проектно-конструкторских бюро, инженерных отделов и т. п.

Наиболее широкое распространение получили системы третьего класса – АСУП с применением автоматических средств обработки данных и экономико-математических методов для регулярного решения основных задач управления производственно-хозяйственной деятельностью предприятия [4, с. 8]. Первые системы, разработанные в конце 1960-х гг. для Львовского телевизионного, Московского автомобильного и Минского тракторного заводов, хорошо себя зарекомендовали и действительно способствовали повышению эффективности управления. Однако стало ясно, что для массового внедрения таких систем при имевшемся подходе к организации создания АСУП потребуется огромное количество ресурсов, как человеческих, так и временных (на создание первых систем было затрачено 4–5 лет). Кроме того, требовавшиеся вложения достигали огромной по тем временам величины – около 1 млн руб.

Важнейшим условием массового внедрения АСУП стало также требование применения единых подходов и методов проектирования, что на практике сводилось к разработке типовых решений, ориентированных на промышленное внедрение. Данный подход заведомо ограничивал сферу применения АСУП, а значит, и возможности их модификации. Создание унифицированных систем сводило все варианты автоматизации управления к решению типовых, запрограммированных задач, связанных преимущественно с решением оперативных вопросов (обработка информации, выработка алгоритма действий в зависимости от результатов проделанной работы). Более сложные задачи (стратегического характера) не могли быть решены с помощью указанных систем. Кроме того, типовые системы не обеспечивали решения конкретных задач предприятий, так как каждое из них имело свои особенности и специфику.

В конце 1960-х гг. в Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР было предложено разработать типовой проект АСУП [1, с. 13]. В ходе обсуждения этого проекта выделились две точки зрения. Сторонники одной считали, что следует создавать комплексный проект, который можно было бы внедрить в определенных группах предприятий. Сторонники другой точки зрения полагали, что типизацию целесообразнее осуществлять в рамках отдельных элементов системы (подсистем). При таком подходе АСУ для конкретного предприятия формировалась бы как совокупность типовых элементов с учетом определенных правил их объединения.

² ГА РФ. Ф. А-409. Оп. 1. Д. 1310. Л. 94.

Из предложенных двух вариантов создания типовых АСУП был выбран первый, как оказалось, далеко не самый оптимальный. Создание единого типового проекта для предприятий одного «класса» само по себе стоило недешево, а его адаптация под конкретное предприятие требовала немалых дополнительных затрат и не гарантировала быстрого результата. От внедрения такой дорогой и сложной в разработке системы ждали немедленного эффекта, но на практике она оправдывала себя не ранее чем через два-три года.

В этой ситуации более предпочтительным и экономически оправданным выглядел второй вариант автоматизации, ориентированный на разработку отдельных типовых подсистем, но, возможно, именно по этой причине он оказался непривлекательным для потенциальных заказчиков – директорского корпуса: ведь внедрение АСУП сулило крупные финансовые инвестиции из Центра.

Появление идеи типового проекта АСУП (независимо от способа его реализации) предполагало необходимость стандартизации самих предприятий по характеру производства и методам управления. Для упрощения создания типовых систем было предложено разбить предприятия на классы и выделить в них базовые, наиболее подготовленные к внедрению АСУ. Были разработаны методические рекомендации по проектированию АСУП, в которых четко прописывались уровни проектирования и внедрения. Типовая АСУП должна была состоять из ряда подсистем, каждая из которых решала свой строго определенный круг задач. С учетом опыта внедрения таких систем и ожидаемых результатов от их использования первоначально выделялось 12 подсистем:

- технико-экономического планирования;
- управления материально-техническим снабжением;
- управления комплектацией;
- управления сбытом продукции;
- бухгалтерского учета;
- оперативного управления;
- управления финансовой деятельностью;
- перспективного развития отрасли;
- управления капитальным строительством;
- управления научно-исследовательскими работами;
- планирования, учета и анализа труда и заработной платы;
- планирования, учета и анализа кадров.

Выбор подсистем АСУП по принципу выполняемых задач оправдал себя. Взаимосвязанные задачи стали решаться комплексно, позволяя отслеживать в системе все необходимые изменения. В дальнейшем этот принцип лег в основу современных корпоративных информационных систем, построенных по принципу модульности.

При создании типовых АСУП значительное внимание уделялось унификации информационной базы, включавшей нормативно-справочную и первичную оперативную информацию. Для ее организации требовалось разработать единую систему шифровки и кодирования информации, типовую структуру информационного массива, а также унифицировать конструк-

торскую и технологическую документацию.

Этими проблемами активно стали заниматься в начале 1970-х гг.: были сформированы комиссии по упорядочению документации, проведению ее унификации и стандартизации. Необходимость в таких масштабных работах была во многом обусловлена внедрением автоматизированных технологий.

Одним из следствий автоматизации стала ускоренная разработка унифицированных систем документации, среди которых особо следует отметить Унифицированную систему организационно-распорядительной документации. Удалось не только упорядочить циркулирующую в рамках предприятий документацию, но и создать основу для дальнейшего внедрения технологий автоматизации в работу с документами. Принятые в конце 1970-х гг. унифицированные системы документации не пересматривались вплоть до начала 1990-х гг.

В связи с внедрением АСУП появилась необходимость унификации не только документации, но и всей первичной управленческой информации: требовалось соблюдение единых правил при заполнении данных на периферийных устройствах и применение единых макетов информации [4, с. 45]. Ответом на эти запросы стала разработка Общесоюзного классификатора технико-экономической информации, Общесоюзного классификатора управленческой документации и т. п. Принятые в конце 1970-х гг. классификаторы использовались вплоть до 1993 г., когда они были заменены новыми после небольших доработок и изменений.

С целью оптимизации типового проекта и процедуры его внедрения на предприятии было предложено разделить все работы на три уровня. На первом велась разработка типового проектного решения, пригодного для большинства предприятий одного класса (одного профиля и направленности). Пробное внедрение и устранение неполадок в этом случае осуществлялось на головном предприятии. Системы этого класса разрабатывались в Институте кибернетики АН УССР, Институте кибернетики АН ЭССР, Институте технической кибернетики в Минске и т. д.

На втором уровне на основе типового проектного решения создавались типовые АСУП для базовых предприятий одного класса (для однородных предприятий одной отрасли). Работы над ними проводились головными отраслевыми институтами по АСУ, а также специализированными проектными институтами. В начале 1970-х гг. были созданы Центральный НИИ комплексной автоматизации при Министерстве приборостроения, средств автоматизации и систем управления СССР, Центральный НИИ систем управления при Министерстве машиностроения СССР. Именно здесь принимались решения о внедрении АСУП на том или ином предприятии отрасли.

Третий уровень – привязка типового проекта к конкретному предприятию. На этом этапе пытались учесть особенности предприятия, специфику его работы и взаимодействия. Работы по внедрению проводились проектными организациями и лабораториями.

Первоначальная схема разработки и внедрения типовых АСУП выглядела громоздкой и трудно реализуемой. Во-первых, нужно было дополнительно

создавать научно-исследовательские институты или перестраивать существующие для решения поставленной задачи. Но такая схема оправдала себя. Несколько видоизмененная она используется и сегодня. Компании-разработчики создают типовую («коробочную») версию с набором модулей или определенным кругом решаемых задач, которую в дальнейшем по желанию заказчика можно изменить с учетом определенных потребностей предприятия и специфики его деятельности.

В связи со сложностью и важностью процессов внедрения типовых проектов был разработан комплекс нормативных документов, куда входили Общеотраслевые руководящие методические рекомендации, ГОСТы по регулированию данных процессов: ГОСТ 19675-74 «Автоматизированные системы управления. Основные положения. Термины и определения», ГОСТ 20914-75 «АСУ. Стадии создания. Содержание и организация работ», ГОСТ 6.10.1-75 «Унифицированная система документации, используемая в АСУ. Общие положения». Значение этих документов заключается в том, что в них впервые были определены понятийный аппарат и терминология, связанные с автоматизацией. Именно эти документы стали ключевыми для дальнейшего развития АСУП.

Серьезной проблемой, с которой пришлось столкнуться при внедрении АСУП, являлась техническая база предприятий. Типовые проекты разрабатывались под конкретные электронно-вычислительные машины. В качестве основной предполагалось использование ЭВМ «Минск-22» (позднее «Минск-32»). Их серийное производство было катастрофически малым. Для дру-

гих ЭВМ типовые проекты приходилось переделывать, что требовало очередных ресурсных, финансовых и временных затрат.

Таким образом, ожидаемого эффекта от разработки и внедрения типовых проектов АСУП получено не было. Представление о том, что управление предприятием можно полностью автоматизировать, оказалось ошибочным. Вместе с тем в ходе разработки и внедрения проектов АСУП был накоплен ценный опыт и подготовлены необходимые предпосылки для массовой автоматизации, развернувшейся в последующие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шкурба В.В. Принцип типовой и типовая АСУП // Механизация и автоматизация управления. 1972. № 6. С. 11–16.
2. Кирилук Н.И. Организация внедрения АСУП // Механизация и автоматизация управления. 1972. № 6. С. 34–39.
3. Жимерин Д.Г. Общегосударственная автоматизированная система управления (ОГАС). М., 1975.
4. Хабибуллин Н.Ф. Автоматизация управления предприятием с применением вычислительной техники. Казань, 1972.
5. Безбородов А.Б. Власть и научно-техническая политика в СССР середины 50-х – середины 70-х годов. М., 1997.
6. Общеотраслевые руководящие методические материалы по созданию автоматизированных систем управления технологическими процессами в отраслях промышленности. М., 1974.
7. Куранда Т.К., Гаца А.А. Применение электронно-вычислительной техники для автоматизации управления технологическими процессами. Киев, 1987.
8. Разработка САПР: в 10 т. М., 1990. Т. 1: Проблемы и принципы создания САПР.

Статья поступила
в редакцию 28.12.2011

УДК 94(47)“198”

И.Б. КАРПУНИНА¹, А.П. МЕЛЕНТЬЕВА² «ПРОГРАММА – 130»: ПЛАНЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ*

¹канд. ист. наук
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: i-karpunina48@mail.ru

²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: alla-melenteva46@mail.ru

В научный оборот вводится «Комплексная программа развития экономически слабых хозяйств Новосибирской области на 1989–1993 годы “(Программа – 130)”», представляющая собой репрезентативный образец принимаемых в 1980-е гг. проектов аграрного развития. В предваряющей публикации статье дается оценка социально-экономического контекста принятия документа, анализируется содержание Программы, освещается ход и итоги ее реализации.

Ключевые слова: проекты аграрного развития, социальное развитие села, шефство города над деревней, Сибирь.

С начала 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве страны стала принимать кризисные формы. Отдача от постоянно возрастающих капитальных вложений в отрасль

сокращалась, снижались эффективность производства и его объем. Это привело к дефициту продовольствия и реанимации карточной системы. Попытки изменить положение

* Публикация подготовлена в рамках проекта Президиума РАН, программа № 33.2.2.

в аграрной сфере путем различных организационных мер (внедрения хозрасчета, арендного подряда, интенсивных технологий) приносили лишь временное улучшение, да и то не повсеместно, а только в тех хозяйствах и бригадах, где искусственно создавались благоприятные условия для высоких производственных показателей.

Одним из базовых факторов низких темпов развития аграрного производства являлась повышенная миграция сельского населения. Миграционная подвижность вызывалась комплексом социально-экономических, социокультурных и психологических причин. Увеличивался разрыв между уровнем социального и культурного развития деревни и постоянно возрастающими запросами сельчан, все более и более ориентирующихся на городские стандарты. Город привлекал сельских жителей тем, чем они не были удовлетворены в деревне: прежде всего уровнем культуры, наличием коммунальных удобств, лучшим снабжением. Значительный отток населения из села вызывал здесь сокращение трудовых ресурсов.

Особенно острой была неудовлетворенность своим положением жителей отдаленных и малых сел, которые фактически не были затронуты социально-культурным переустройством. Так, в Новосибирской области в 1988 г. только в трети мелких поселений (с населением до 100 чел.) имелся клуб или киноустановка, в 10 % – небольшая библиотека [1, с. 159]. Одним из самых уязвимых звеньев сельской жизни были дороги. В Новосибирской области к концу 1980-х гг. лишь 43 % райцентров соединялись с областным центром дорогами с твердым покрытием, 39 % периферийных поселков – с центральными усадьбами [2, с. 269].

По мнению экспертов, затормозить отток населения и увеличить его трудовую отдачу могло ускоренное развитие социально-культурной инфраструктуры села. XXVII съезд КПСС, состоявшийся в 1986 г., особое внимание обратил на необходимость решения социальных проблем сел в Сибири и на Дальнем Востоке. «Сегодня, – отмечалось в Отчетном докладе съезду, – это главный вопрос, и от того, как он будет решаться, зависит выполнение поставленных задач»¹. Для решения поставленных задач необходимы были дополнительные финансовые и материальные ресурсы, одним из путей привлечения которых стало использование ресурсов города, его промышленных предприятий и организаций.

В 1980-е гг. во всех регионах страны стали создаваться программы возрождения малых деревень, ранее отнесенных к «неперспективным». В них предусматривалось как производственное строительство, так и развитие социальной сферы. В Омской области, например, в 1982–1983 гг. на базе экономически слабых отделений и бригад совхозов было создано 16 крупных подсобных хозяйств предприятий и организаций Омска. При активной помощи горожан в области восстанавливались т. н. неперспективные села, примером чему может служить пос. Ударный Краснополянского района. За 1984–1989 гг. в нем было построено 15 производственных помещений для скота, котельная, ремонтная мастерская, склад для зерна, более 90 благоустроенных квартир, детский сад, школа, магазин, столовая, гостиница, пекарня, баня. Всего в развитие подсобного хозяйства было вложено более 8 млн руб. Поселок имел автобусное сообщение с областным и районными центрами. В 1989 г. в его подсобном хозяйстве было произведено свыше 500 т мяса и более 1 тыс. т молока [3, с. 97–98].

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 37, 146.

В начале 1989 г. в Новосибирской области была разработана «Программа комплексной застройки 126 экономически слабых хозяйств». Бюро Новосибирского обкома КПСС на своем заседании 28 февраля Программу в целом одобрило, поручив своему аграрному отделу доработать ее с учетом высказанных замечаний². Доработанный документ получил скорректированное официальное наименование «Комплексная программа развития экономически слабых хозяйств Новосибирской области на 1989–1993 годы», а число включенных в него сельхозпредприятий увеличилось до 130 (отсюда неофициальное, но общепринятое название «Программа – 130»).

20 марта 1989 г. Программа была утверждена публикуемым ниже совместным постановлением бюро обкома КПСС и облисполкома. Ретроспективно оценивая необходимость ее принятия, авторы решения облисполкома от 18 июля 1990 г. определили ее как вынужденную меру и как один из путей стабилизации социально-производственной обстановки в экономически слабых хозяйствах. «Промедление с осуществлением целенаправленного социально-экономического обустройства сел и деревень, где проживает 118 тысяч человек и обрабатывается одна четвертая часть пашни области, привело бы в ближайшие годы к их полному исчезновению. Принятие программы вселило уверенность у проживающих там людей в своей перспективе...»³.

Отложившийся в Государственном архиве Новосибирской области комплекс документов, связанных с деятельностью специально созданного координационного совета «Программы – 130», дает репрезентативное представление о методах и параметрах ее выполнения. В течение пяти лет программой предусматривалось освоить капитальные вложения в сумме 680 млн руб. за счет всех источников финансирования и построить на эти средства 9 тыс. квартир, 116 школ, 100 клубов, 117 детских дошкольных учреждений, 102 магазина, 79 столовых, 280 км теплотрасс, 560 км водопровода и другие объекты социального и производственного назначения в 288 населенных пунктах, входящих в 130 избранных хозяйств, которые располагались во всех 30 сельских районах области. Предполагалось, что выполнение указанного объема работ обеспечит прирост производства зерна на 130–140 тыс. т, молока – на 50–60 тыс. т, мяса – на 8–10 тыс. т⁴. Для концентрации средств был открыт специальный счет (№ 175701), на который должны были поступать деньги из фондов экономического и социального развития предприятий для финансирования определенных программой строящихся объектов.

Участниками и непосредственными исполнителями разработанного и расписанного по годам пятилетнего задания выступали прежде всего такие крупные производственные объединения, как Агропромстрой, Новосибирскводмелиорация, Новосибирскавтодор, Агропромдорстрой, а также другие предприятия и организации Новосибирска (включая СО АН СССР), Бердска, Искитима, Куйбышева и Барабинска. Для каждого из них были определены общий объем работ и перечень объектов, которые предстояло возвести⁵. Шефствующим предприятиям и организациям также

² ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 20. Л. 8.

³ Там же. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 3659. Л. 2.

⁴ Там же. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 23. Л. 86.

⁵ Там же. Д. 37. Л. 31–36, 48–49; Д. 343. Л. 6–12; Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 23. Л. 16–36. Л. 16–36; Ф. П-4. Оп. 111. Д. 137. Л. 31–36, 48–49; Д. 343. Л. 6–12.

предстояло осуществить целый комплекс мер, направленных на обеспечение населенных пунктов электроснабжением, устойчивого приема в них телепередач, а также телефонизации и радиофикации.

Итоги первого года реализации «Программы – 130» предопределили масштабы и темпы ее осуществления в дальнейшем. В 1989 г. было построено и введено в эксплуатацию 309 квартир (при плане 1 575), 3 детских сада (8), один клуб (из трех), 109,6 км дорог (86,5 км). Плановые задания выполнили такие производственные объединения, как Агропромстрой, Новосибирскавтодор, Новосибирскводмелиорация. Другие объединения, предприятия и организации Новосибирска и городов области, по сути, лишь начали свою деятельность по программе или не приступили к ней вовсе. В результате выполнение строительно-монтажных работ составило менее 60 % плана [4, с. 609–701]. Это объяснялось тем, что более чем на полгода затянулось решение организационных вопросов, а также обеспечение строительными материалами и финансирование объектов. Медленно втягивались в работу проектные институты. Все эти трудности имели место и в последующие годы.

С учетом невыполнения плана 1989 г. задания на следующий год были уточнены и утверждены бюро обкома КПСС 23 января 1990 г. [4, с. 701]. Переносились сроки и изменялись объемы строительства объектов производственной и социальной инфраструктуры, одни из них заменялись другими и т. п.⁶ Однако улучшения в осуществлении программы не последовало. Выполнение планов многими подрядными организациями составляло от 5 до 41 %, а предприятия Бердска и Барабинска вообще не начинали работу по своим обязательствам. Все упиралось в вопросы финансирования: на счету № 175701 на 10 июля 1990 г. имелось всего 650 тыс. руб. Не выполнялось специально принятое 25 апреля 1990 г. решение президиума облсовета «О дополнительных мерах по финансированию строительства объектов, предусмотренных “Программой развития экономически слабых хозяйств области на 1989–1993 годы”» [4, с. 702].

Темпы реализации «Программы – 130» были явно недостаточными. За 1989 г. и первую половину 1990 г. в соответствующих хозяйствах были построены 364 квартиры, четыре детских сада, три школы, шесть магазинов, клуб, введены в действие 32 км водопровода и ряд производственных объектов⁷. Этот объем работ не соответствовал не только намеченным планам, которые, как отмечалось в документах, были сорваны, но и потребностям сельских жителей. Возведение объектов социальной и производственной инфраструк-

туры часто затягивалось или совсем прекращалось из-за отсутствия материалов; качество работ было низким, нередко они выполнялись с нарушением строительных норм и правил.

Причинами невыполнения Программы были не только слабая организаторская работа местных органов и неудовлетворительное финансовое обеспечение, но и отсутствие заинтересованности промышленных предприятий и строительных организаций области во вложении своих средств в развитие низкорентабельных хозяйств. Реализовать в полном объеме основной замысел централизованной программы помощи города селу не удалось еще и потому, что к началу 1990-х гг. в кризисном положении оказался основной промышленный потенциал области – оборонное производство, где началось неуклонное снижение заказов и устойчивое сокращение численности работающих. Наступал период резкого ограничения возможностей промышленных предприятий отчислять средства на развитие материальной базы сельских районов.

В 1991 г. областные власти намечают очередную программу «преобразования села», основные положения которой были отражены в принятом 23 марта решения сессии облсовета «Об основных направлениях социального развития и преобразования села» [5, с. 479–482]. Предполагалось осуществить «комплексные мероприятия по социально-экономическому развитию села, направленные на увеличение объемов жилищного, коммунального и культурно-бытового, кооперативного и индивидуального строительства» за счет всех источников финансирования, в т. ч. средств городских предприятий [5, с. 480]. Вряд ли можно говорить о сколь-нибудь значительном претворении этих планов в жизнь, поскольку в кризисные годы рыночных реформ проблема заключалась не столько в развитии и села, и города, сколько в их выживании.

Многие села, особенно малые, испытывая отсутствие полноценной социальной инфраструктуры, были обречены на исчезновение вследствие постоянного оттока населения, происходившего в 1990–2000-е гг. За последнее десятилетие каждый сельский район области, кроме пригородного Новосибирского, ежегодно терял 7–8 % жителей. В конце 2000-х гг. в 375 селах проживало менее 100 чел., в 300 – от 100 до 200 чел. В большинстве из них отсутствовали работодатели, не строилось жилье, не было медицинского обслуживания⁸. Естественный процесс сужения сельского образа жизни без стремления к его сохранению происходил слишком быстро.

**Постановление бюро Новосибирского обкома КПСС и облисполкома
«О комплексной программе развития экономически слабых хозяйств
Новосибирской области на 1989–1993 годы»**

г. Новосибирск

20 марта 1989 г.

О комплексной программе развития экономически слабых хозяйств
Новосибирской области на 1989–1993 годы

Бюро областного комитета КПСС, исполком областного Совета народных депутатов отмечают, что в результате осуществления мер по перестройке управления и совершенствованию механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе, увеличению капитальных вложений в его развитие намечались позитивные про-

⁶ Там же. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 137. Л. 65, 66, 92; Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 3659. Л. 29–32.

⁷ Там же. Ф. Р-1020. Оп.2. Д. 3659. Л. 2.

⁸ Ведомости (издание Законодательного собрания Новосибирской области). 2009. 26 июня.

цессы укрепления экономики колхозов и совхозов, несколько возросли темпы роста производства. Все большее влияние на развитие хозяйств стали оказывать новые формы организации производства и труда, основанные на подрядных и арендных отношениях, перевод предприятий на полный хозрасчет и самофинансирование.

Однако коренного перелома в повышении экономической эффективности сельскохозяйственного производства не произошло, главным образом, в силу некомплексного подхода к решению назревших социально-экономических проблем села. Условия труда и быта на селе, особенно в экономически слабых хозяйствах, намного хуже, чем в городе. Здесь особо остро ощущается нехватка жилья, объектов здравоохранения, народного образования, торгового и культурно-бытового обслуживания сельских тружеников. Остается низким уровень инженерного обустройства жилого фонда в колхозах и совхозах области. Центральным отоплением обеспечено только 25 процентов жилья, водопроводом – 35, канализацией – 22 процента.

Около 40 тысяч жителей пользуется привозной водой. В области 38 процентов хозяйств не имеют устойчивой дорожной связи с райцентрами.

В сельских школах не хватает 315 педагогов. Обеспеченность медицинскими работниками на селе составляет 57 процентов.

В результате значительного оттока наиболее активной части сельского населения создались серьезные трудности в обеспечении производства рабочей силой, многие деревни и села обезлюдели. Имеющийся производственный потенциал стал использоваться неэффективно, снизилась продуктивность полей и ферм; возросли издержки производства.

Сложившаяся социально-экономическая обстановка на селе требует незамедлительного принятия мер по решению этих проблем.

Необходимы концентрация капиталовложений в АПК за счет всех источников финансирования, а также активное участие в подъеме экономически слабых хозяйств всей мощи промышленного потенциала г. Новосибирска, других городов и районных центров области с тем, чтобы в короткие сроки технически перевооружить сельское хозяйство, провести социальное преобразование села, создать добротные условия труда и быта селян и на этой основе добиться устойчивого наращивания производства сельскохозяйственной продукции.

Бюро обкома КПСС и исполком областного Совета народных депутатов постановили:

1. Комплексную программу развития 130 экономически слабых хозяйств Новосибирской области на 1989–1993 годы, разработанную областным агропромышленным комитетом, управлениями и отделами облисполкома, гор(рай)исполкомами и РАПО, утвердить.

2. Агропромышленному комитету области (т.т. Незавитин А.Г., Курский В.Д., Заиграев В.И.), РАПО, агрокомбинатам, объединениям направить за счет всех источников финансирования на осуществление программы в 1989–1993 годах 680 млн руб. Построить на эти средства 9 000 квартир, 116 школ, 100 клубов, 117 детских дошкольных учреждений, 102 магазина, 79 столовых, 1 100 км дорог с твердым покрытием, 280 км теплотрасс, 560 км водопровода, а также значительное количество других объектов социальной сферы и производственного назначения.

На основе этого обеспечить рост производства в экономически слабых хозяйствах на 130–140 тыс. тонн зерна, 50–60 тыс. тонн молока, 8–10 тыс. тонн мяса.

Государственно-кооперативному объединению «Новосибирскагропромстрой-1» (т. Богуславский В.Ю.), кооперативно-государственному объединению «Новосибирскагропромстрой-2» (т. Гагин В.А.), тресту «Агропромдорстрой» (т. Барсуков А.Ф.), тресту по механизации животноводческих ферм «Новосибирскагропромремонтаж» (т. Зенов В.М.), начиная с 1989 года, сосредоточить материально-технические и людские ресурсы на строительстве объектов в населенных пунктах, определенных программой.

3. Утвердить задание по строительству в экономически слабых хозяйствах области на 1989–1993 годы по 1250 усадеб ежегодно в комплексе с объектами социальной сферы за счет средств, лимитов подряда и материальных ресурсов предприятий и организаций г. Новосибирска, Бердска, Искитима, Куйбышева и Барабинска.

Поручить Новосибирскому, Бердскому, Искитимскому, Куйбышевскому и Барабинскому горкомам КПСС и горисполкомам до 01.04.89 определить конкретных исполнителей проектирования и строительства объектов в соответствии с утвержденной программой.

Провести в соответствии с постановлением бюро обкома КПСС от 31 января 1989 года необходимую организаторскую работу с руководителями предприятий и организаций, советами трудовых коллективов, партийными, профсоюзными, комсомольскими организациями по перечислению на счет № 175701 10 процентов средств из фондов экономического и социального развития предприятий для финансирования строящихся силами г. Новосибирска объектов в отстающих колхозах и совхозах.

Установить систему контроля за участием предприятий и организаций в подъеме экономики отстающих хозяйств области.

4. Поручить агропромышленному комитету области (т. Незавитин А.Г.) организовать в 1989–1991 годах производство универсальных сборно-разборных зданий типа УСПЗ-7000 в количестве 145 штук и направить их на строительство в экономически слабые хозяйства.

Новосибирскглавнабу (т. Хрустов А.М.) обеспечить поставку агропромышленному комитету области металла и других материалов для изготовления УСПЗ-7000 в счет централизованных фондов шефской помощи.

5. Объединению «Новосибирскводмелиорация» (т. Иванов Б.В.) осуществить работы по водоснабжению поселков согласно заданию, утвержденному комплексной программой.

6. Объединению «Новосибирскавтодор» (т. Булгаков А.И.) до 1993 года завершить строительство дорог с твердым покрытием до центральных усадеб хозяйств, предусмотренных программой.

7. Объединению «Новосибирскэнерго» (т. Томилов В.Г.), тресту «Запсибсельэлектросетьюстрой» (т. Ванюков В.В.) осуществить комплекс мер, направленных на обеспечение электроснабжения населенных пунктов, в соответствии с программой.

8. Областному производственно-техническому управлению связи (т. Долгобородов В.К.) до 1993 года провести собственными силами работы по телефонизации, радиофикации и обеспечению устойчивого приема телепередач в экономически слабых хозяйствах.

9. Главному управлению архитектуры и градостроительства облисполкома (т. Кривогорницын В.И.), союзу архитекторов совместно с проектными организациями города разработать до 01.05.89 года проекты планировки и застройки поселков первой очереди, осуществить привязку объектов жилья, соцкультбыта, коммунального хозяйства и благоустройства, проекты жилых домов, общественных центров с учетом широкого использования местных строительных материалов.

Новосибирскому горисполкому, райисполкомам г. Новосибирска, предприятиям и организациям, закрепленным за конкретными сельскими хозяйствами, до 20 марта выдать подшефным проектным институтам исходные данные на проектирование объектов согласно задания.

10. Поручить тресту «ЗапсибТИСИЗ» (т. Тафанок Ф.С.) выполнить работы по топогеодезическим и инженерно-геологическим изысканиям поселков по заказам проектных организаций.

11. Областному управлению агропромбанка СССР (т. Жгулев И.И.) обеспечить первоочередное выделение долгосрочных кредитов колхозам и совхозам, включенным в программу, на строительство объектов соцкультбыта и производственной сферы.

12. Райгорисполкомам привлечь организации райцентров для оказания практической помощи в строительстве объектов в хозяйствах, предусмотренных программой.

13. Облпотребсоюзу (т. Липский С.И.) организовать финансирование и строительство торговых центров, магазинов в экономически слабых хозяйствах, обеспечить их оборудованием согласно комплексной программе.

14. Управлению общественного питания облисполкома (т. Солохин П.А.) выделить технологическое и холодильное оборудование, посуду и инвентарь для комплектования вводных столовых и пищеблоков детсадов и школ.

15. Управлению снабжения и сбыта облисполкома (т. Сучков И.И.) обеспечить вводные объекты соцкультбыта необходимой мебелью и оборудованием.

16. Территориальному производственному объединению бытового обслуживания населения (т. Павлов Н. Д.) принять участие в реконструкции и капитальном ремонте комплексных приемных пунктов и домов быта в колхозах и совхозах. Укомплектовать их соответствующим оборудованием и квалифицированными кадрами. Организовать шефскую помощь объединений и предприятий города над районными производственными объединениями бытового обслуживания.

17. Отделу здравоохранения облисполкома обеспечить имеющиеся и вновь построенные фельдшерско-акушерские пункты, врачебные амбулатории необходимым оборудованием, укомплектовать их медицинскими кадрами. Обеспечить шефскую помощь медицинских учреждений г. Новосибирска и других городов над сельскими лечебно-профилактическими учреждениями.

18. Обязать Главное планово-экономическое управление, УКС, управление народного образования облисполкома (т.т. Ананьин Ю.Г., Федоровских Г.В., Овечкин М.В.) обеспечить финансирование, выделение лимитов подрядных работ, укомплектование оборудованием, строительство школ в соответствии с комплексной программой.

19. Объединению «Новосибирсклесхоз» (т. Кириенко И.Ф.) выделить дополнительно лесосечный фонд в лесах Новосибирской области для обеспечения строительства объектов, предусмотренных комплексной программой.

20. Агропромышленному комитету области, институту экономики сельского хозяйства СО ВАСХНИЛ, Новосибирскому сельскохозяйственному институту, филиалу научно-исследовательского института труда оказать практическую помощь колхозам и совхозам, включенным в программу, по внедрению в производство экономических методов хозяйствования, прогрессивных форм организации и оплаты труда.

21. Отделу по труду и социальным вопросам облисполкома (т. Шинкаренко А.К.), райисполкомам определить потребность в рабочей силе в экономически слабых хозяйствах на пятилетку, оказать им помощь в переселении семей на постоянное жительство по мере строительства и ввода в эксплуатацию жилья.

22. Отделам обкома КПСС (т.т. Клякин А.В., Михайлов И.И., Шкулев В.А., Киселев В.Н., Русанов А.Н.), управлениям и отделам облисполкома обеспечить активное участие райкомов, горкомов КПСС, первичных и цеховых партийных, профсоюзных, комсомольских организаций, трудовых коллективов в выполнении комплексной программы развития экономически слабых хозяйств области.

Поручить райкомам, ГК КПСС, райисполкомам, РАПО разработать в соответствии с установленной программой в каждом районе комплекс организационно-хозяйственных мер, обеспечивающих ее реализацию и резкое увеличение в них производства сельскохозяйственной продукции.

Райисполкомам обеспечить активное участие в этой работе сельских и поселковых Советов народных депутатов, всех районных и городских предприятий и организаций.

23. Поручить ГлавПЭУ, агропромышленному комитету области разработать механизм экономических взаимоотношений между колхозами, совхозами и предприятиями, стимулирующий их заинтересованность в развитии материально-технической базы экономически слабых хозяйств области.

24. Облсовпрофу, областному комитету народного контроля, обкому ВЛКСМ (т.т. Лубеников Н.И., Саблин В.П., Морозов А.В.) определить меры по конкретному участию всех профсоюзных, комсомольских организаций, органов народного контроля в реализации программы подъема экономически отстающих колхозов и совхозов области.

25. Редакциям газет «Советская Сибирь», «Вечерний Новосибирск», комитету по телевидению и радиовещанию облисполкома систематически освещать ход выполнения комплексной программы и широко пропагандировать передовой опыт, вскрывать недостатки.

26. Координацию работ и постоянный контроль за выполнением данного постановления возложить на вторых секретарей областного и городских комитетов КПСС, первого заместителя председателя облисполкома – председателя АПК области, заместителя председателя облисполкома, ведающего вопросами строительства, и первого заместителя председателя Новосибирского горисполкома.

Секретарь обкома КПСС
Председатель облисполкома

В. Муха
В. Боков

– ГАНО. Ф. П-4. Оп. 111. Д. 23. Л. 85–91. Заверенная машинописная копия того времени. Подписи – машинопись.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карпунина И.Б., Мелентьева А.П. Культурная сфера сибирского села во второй половине 80-х гг. // Социальная сфера Сибири: тенденции и проблемы развития. Новосибирск, 1992.

2. Калмык В.А., Рывкина Р.В., Хахулина Л.А. и др. Социально-экономическое развитие сибирского села. Новосибирск, 1987.

3. Черкасский Я.И. Сохранение малых сельских населенных пунктов в районах Сибири и Дальнего Востока // Сибирский вестник сельскохозяйственной науки. 1991. № 3.

4. Наша малая родина: Хрестоматия по истории Новосибирской области. 1921–1991. Новосибирск, 1997.

5. Советы депутатов Новосибирской области: 1937–1997 годы: сб. документов. Новосибирск, 1997.

Статья поступила
в редакцию 07.08.2012

УДК 19.51.61(470+571)

И.В. ЛИЗУНОВА

СТРУКТУРНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ КНИГОИЗДАТЕЛЬСКОЙ ИНДУСТРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В 1990-е гг.

канд. ист. наук,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека СО РАН,
г. Новосибирск,
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье освещается процесс формирования многополярности издательской системы Сибири и Дальнего Востока в условиях социокультурной трансформации 1990-х гг. Выявляются основные особенности структурных изменений региональной книгоиздательской отрасли, раскрывается влияние кризисов на модификацию системы книгоиздания. Рассматривается деятельность лидеров региональной книжной индустрии: Издательства СО РАН и «Дальнаука» ДВО РАН, а также вузовских издающих центров.

Ключевые слова: книжная индустрия, книгоиздание, издательства, трансформация, Сибирь, Дальний Восток.

Социокультурные трансформации постсоветской эпохи способствовали кардинальному изменению российской книжной индустрии. Формирование альтернативной издательской системы за Уралом пришлось на первую половину 1990-х гг. Наибольшее количество

местных негосударственных издательств возникло, как правило, в тех городах, где и ранее функционировали основные творческие, редакционно-издательские и полиграфические организации. Решающее влияние на дальнейшее появление новых и укрепление вновь

возникших издательств оказывало экономическое положение области, края, республики, финансовые возможности местных органов власти. Лидером в этом процессе оставался Новосибирск, в котором к 1994 г. открылось до 60 независимых издательств – около четверти всех аналогичных сибирских учреждений. Среди них: малые предприятия «РИД», «Январь», «Тезаурус», «Аз», «Мангазея», «ЭЯ», «ЭХО», «Книгоцентр», «Индивидуал»; совместные предприятия «Интербук» и «СТФЮС»; издательства «Гермес», «Архивы», «Сибирская газета», «СПАС» (Сибирская писательская ассоциация при Литературном фонде РФ), АО «Трина», информационно-издательский центр «Ифопринт», фирмы «Среда» и «Звезда Сибири», христианское издательство «Посох» и др. По официальным статистическим данным, в 1993 г. в Сибирско-Дальневосточном регионе действовало 268 новых издательств, из них 143 в Западной Сибири, 58 в Восточной Сибири, 67 на Дальнем Востоке [1, с. 45].

К этому времени лицензии на право издательской деятельности получили 26 организаций Красноярска, 16 – Кемерово, 15 – Барнаула, от 14 до 10 – Омска, Тюмени, Иркутска. Однако реально издательской деятельностью занимались не все из них, одни организации достаточно быстро прекратили свое существование, некоторые ушли в другой бизнес.

За 1993 г. негосударственные издательства выпустили 15,2 % всех книг. При этом частных издательств по всему региону возникло немного – не более 15. Наиболее известными в начале 1990-х гг. были: «Книжница», «ЭЯ», «Лазарев В.В. и О», «Тимур», «Мангазея», Издательство Александра Ярушкина (Новосибирск), «Водолей», «КИТ» (Томск), «Альком», «Гротеск» (Красноярск), «Имя» (Иркутск) [2, с. 26]. В то время как для центрального российского книгоиздания все большее значение приобретали именно частные издательства, для Сибирского региона этот фактор не был определяющим.

Ситуацию усугубил начавшийся в книгоиздательской отрасли кризис 1994 г. Неблагоприятные экономические условия были усилены этим первым в новейшей истории кризисом книжного перепроизводства. Последствия для регионального книгоиздания были весьма неблагоприятны: в 2 раза по сравнению с 1992 г. снизились тиражи сибирско-дальневосточного производства, вдвое уменьшились их объемы, увеличились издержки, цены на полиграфические услуги, бумагу и, в конечном итоге, на книгу. Многие новообразованные сибирско-дальневосточные издательства прекратили свою деятельность. В тяжелом положении оказалось и большинство государственных областных, краевых и республиканских издательств. Сказалась децентрализация управления сферой книгоиздания, снижение со стороны государства финансирования издательских проектов. Столкнувшись с первыми финансово-экономическими трудностями, усугубленными кризисом начала 1990-х гг., издательства вынуждены были систематически сокращать выпуск литературы. Одни очень долго приспособлялись к существованию в условиях рынка, другие и вовсе, не справившись с финансовыми и другими проблемами, прекратили свою деятельность. В начале 1990-х гг.

обанкротились и были ликвидированы Магаданское и Томское книжные издательства. Некоторые издательства, такие как Сахалинское областное, Якутское национальное «Бичик», смогли преодолеть кризис только благодаря государственной помощи.

Продолжившийся после отраслевого кризиса 1994 г. рост числа издательств и издающих организаций как по всей России, так и в ее восточных регионах шел за счет негосударственных структур различных форм собственности. В 1995 – первой половине 1996 г. в Сибири и на Дальнем Востоке лицензию на право заниматься издательской деятельностью получили 80 новых издательств. Наряду с некоторыми частными, такими как издательство Ю.Л. Мандрики «СофтДизайн» (Тюмень), «Наследие. Диалог–Сибирь» (Омск), большинство возникших издательских учреждений создавалось при каких-либо государственных и общественных организациях – высших учебных заведениях, НИИ, библиотеках, писательских организациях, журналах, газетах, полиграфических предприятиях и т. п. Областные, краевые и республиканские издательства, пытаясь адаптироваться к новым условиям, продолжали устойчиво сокращать тираж и количество выпускаемых книг.

Одно из ведущих региональных издательств – Новосибирское книжное, оказавшись в сложном финансово-экономическом положении, продолжало выпускать значительное количество литературы, ориентируясь в первую очередь на произведения сибирских авторов. Тем не менее, чтобы остаться на плаву, оно было вынуждено сократить выпуск книжной продукции как по количеству наименований – в 3 раза (с 35 в 1992 г. до 12 в 1999 г.), так и по тиражам – практически в 100 раз, с рекордных для начала 1990-х гг. 1917,1 тыс. до 20,8 тыс. экз.¹ Другое крупнейшее за Уралом – Восточно-Сибирское издательство, попав под жернова рынка, также резко снизило долю выпускаемой продукции: по названиям в 3 раза – с 50 в 1992 г. до 16 в 1999 г. и тиражам почти в 70 раз – с 2 048 тыс. до 30 тыс. экз. соответственно. Сняв с производства дорогостоящие серии «Полярная звезда», «Литературные памятники Сибири», широко известные как в стране, так и за рубежом, издательство пошло на создание и выпуск нового альманаха «Свой голос», детского иллюстрированного журнала «Сибирячок», книг массово-популярных жанров: приключенческих, детективных, фантастики и др. [2, с. 31].

Финансовый кризис 1998 г. вновь негативно отразился на региональном книгоиздании. Снизился выпуск переводных изданий, прекратилось полиграфическое производство книг в зарубежных типографиях. В конце 1990-х гг. была прекращена деятельность еще ряда издающих организаций: старейших сибирских книжных издательств – Алтайского, Красноярского, Восточно-Сибирского, Омского и Кемеровского. Ушли с рынка многие негосударственные издательские фирмы – «Тимур», «Интербук» и др. Такая же участь постигла в первую очередь предприятия, не имевшие регулярного финансирования и собственной полигра-

¹ Подсчитано на основании данных, приводимых в статистических сборниках «Печать РФ в ... году». М., 1990–2010.

фической базы. Тем не менее большинство издающих организаций, сократив тиражи, оптимизировав затраты и ценообразование, пересмотрев репертуар печатной продукции, смогли преодолеть кризис и добиться весомых результатов в региональном книгоиздании.

Основательные модификации произошли в структуре сибирско-дальневосточного научного книгоиздания. Созданные на востоке страны в начале 1990-х гг. новые академические издательские ячейки – Издательство СО РАН, издательства Бурятского, Якутского, Тюменского научных центров – к концу десятилетия превратились в лидирующие региональные предприятия по выпуску литературы научной тематики. Уже на начальном этапе деятельности Издательство СО РАН, созданное в августе 1994 г. по решению Президиума СО РАН, справилось с задачей выпуска и распространения научных журналов. В первый год существования в свет выходило девять научных журналов Сибирского отделения («Автометрия», «Гуманитарные науки в Сибири», «Журнал структурной химии» и др.). Для обеспечения достойного оформления журналов и книг в Издательстве СО РАН был создан собственный полиграфический цех.

С целью выпуска научных книг в том же году в Издательстве СО РАН была создана книжная редакция, организован отдел подписки и распространения, сумевший наладить тесные связи с библиотеками, учебными и научными учреждениями России и зарубежья.

По инициативе этого издательства им совместно с издательскими центрами институтов и издающими организациями Сибирского отделения РАН в тот же год создается Ассоциированное издательство СО РАН, в которое в числе других были включены Издательство СО РАН, Научно-издательский центр Объединенного института геологии и геофизики СО РАН, Издательство Якутского научного центра. Из года в год возрастало количество книг, выпущенное этим издающим центром: в 1996 г. – 24 названия, в 1998 г. – 51, а в начале нового столетия – 171 название. Помимо книг издательство выпускало и распространяло 19 журналов Сибирского отделения РАН [3, с. 123].

В дальнейшем Научно-издательский центр Объединенного института геологии и геофизики СО РАН был преобразован в филиал «Гео» Издательства СО РАН, а на базе Издательства Якутского научного центра был создан Якутский филиал Издательства СО РАН. В начале нового десятилетия в Ассоциированном издательстве работали восемь журнальных и две книжные редакции, выходило в свет 35 научных журналов.

Издательство «Дальнаука» ДВО РАН, образованное в 1991 г. с целью подготовки и выпуска научной литературы Отделения на собственной полиграфической базе, к середине последнего десятилетия XX в. стабильно выпускало до 100–150 названий книг тиражами до 2 тыс. экз. ежегодно. При этом в структуре книгоиздания 80 % занимала научная литература ДВО РАН и других научных учреждений и вузов Дальнего Востока, публиковались также журналы и художественная литература. С середины 1990-х гг. издательство постоянно называлось в числе лидеров российского книгоиздания по количеству и качеству печатной про-

дукции, по данным Российской книжной палаты оно указывалось в числе 100 ведущих издательств России, а среди научно-технических издательств страны занимало высокое 5-е место (2001 г.)².

Активными участниками издательского процесса, наряду с академическими издательскими предприятиями, со второй половины 1990-х гг. стали издающие организации высших учебных заведений. Монополистами издательского дела среди многих вузовских издательств страны являлись Якутский государственный университет, Новосибирский государственный технический университет, Дальневосточный государственный университет, Иркутская государственная экономическая академия, Тюменский государственный университет, Омский государственный педагогический университет и др.

Ситуация на региональном книжном рынке в конце 1990-х гг. меняется в сторону насыщения книжной продукцией. Между издательствами возрастает конкуренция. В отрасли книгоиздания, как и во всей медиаиндустрии страны, начинается процесс концентрации медиа-активов различных предприятий: издательств, типографий, структур по распространению печатной продукции и др.

Многие издательства региональных вузов в эти годы трансформировались в многопрофильные издательско-полиграфические комплексы, дополнительно включившие в себя книготоргующие структуры. Функции создания, полиграфического исполнения и распространения книг несли вузам дополнительную финансовую выгоду. В частности, в 1995 г. был сформирован Издательско-полиграфический комплекс Дальневосточного государственного университета. Будучи крупнейшим издательско-полиграфическим предприятием за Уралом, ИПК ДВГУ предоставляет целый комплекс услуг – от издания монографий, научной, учебной, методической, справочной литературы для обеспечения учебного процесса вузов, выпуска художественной, научно-популярной, научной литературы, журналов и другой печатной продукции для сторонних заказчиков до реализации литературы как собственного изготовления, так и других издательств. Издательство ежегодно выпускало до 300 наименований научной, учебной и методической литературы, университетскую газету «Дальневосточный университет», журналы «Азиатско-Тихоокеанский регион. Экономика. Политика. Право», «Известия Восточного института», «Фишка-Владивосток», альманахи «Молодой международник», «Власть книги: Библиотека. Издательство. Вуз» и др. ИПК располагает собственной сетью сбыта – торговыми точками в стенах нескольких корпусов университета и магазином «Университетская книжная лавка» в центре Владивостока. Типография ИПК оснащена современным полиграфическим оборудованием [4, с. 3].

Такую же активность в тиражировании и распространении печатной продукции проявили многие вузы региона, в т. ч. Омский государственный педагогичес-

² ФГУП Издательство «Дальнаука» ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dal nauka.vlap.ru/page7.html> (дата обращения: 20.10. 2011).

кий университет. Уже к концу 1990-х гг. Издательство ОмГПУ вошло в число крупнейших вузовских издательств Омска. На его базе помимо учебной литературы публиковались сложные по художественному и полиграфическому исполнению книги: шедевры русской классики, лучшие произведения для детей, подарочные миниатюрные издания художественной литературы [5, с. 45].

Слияние и объединение СМИ, столь характерные именно для конца 1990-х гг., начались с появления первых многопрофильных издательско-полиграфических объединений, собрания под крышей одной фирмы книжных, журнальных и газетных редакций либо путем возникновения на базе влиятельной газеты укрупненного диверсифицированного издательского предприятия – Издательского дома, печатного медиа-холдинга. Так, Хабаровский ИД «Приамурские ведомости» появился в 1995 г. именно в результате структурной перестройки, на базе редакции газеты «Приамурские ведомости». Своим рождением он сохранил жизнь газете и открыл новые горизонты деятельности для сотрудников. Уже через несколько лет ИД «Приамурские ведомости», превратившись в ведущее издательство Дальнего Востока, вошел в пятерку лучших издательств России [6, с. 45]. Другой хабаровский ИД «Частная коллекция» свою историю ведет с июля 1996 г. Приоритетными направлениями его деятельности являлись выпуск и распространение краеведческих, исторических и учебных изданий. Это стало возможным благодаря созданию своего полиграфического объединения и собственных точек распространения издательской продукции.

Холдинговая компания «Новая книга», созданная на Камчатке С.П. Кожаном в мае 1996 г., возникла прежде всего как книготорговая компания. За время своего существования эта компания организовала разветвленную сеть крупных магазинов по всему Камчатскому краю. В год создания ХК началась также ее издательская деятельность. Книги, альбомы стали выпускаться в серийном оформлении и пользовались огромной популярностью среди читателей: «Библиотека “Новой книги” – Большая серия», «Малая серия», «Культурное наследие Камчатки», «Природные сокровища Камчатки», «Животный мир Камчатки», «Камчатские биографии» и др.

Получив первый опыт выживания на формирующемся медиа-рынке, руководители большинства региональных издательств и газетно-журнальных редакций стали искать новые возможности для укрепления своей финансовой базы. Они подошли к следующей ступени развития, присущей обостряющейся конкурентной борьбе, – этапу объединения, интеграции собственности.

Вторая половина 1990-х гг. отмечена в региональной инфраструктуре книгоиздания и прессы концентрацией собственности, образованием крупных полиграфических предприятий, способных на значительные вложения в технологическое обновление, финансирование смелых творческих проектов и начинаний, вывод на рынок новых игроков и издательских продуктов. Интеграция породила в дальнейшем различные формы мультимедийных объединений (изда-

тельств с радио- и телекомпаниями), многоотраслевых холдингов (редакционно-издательских компаний, с включением полиграфии и сети дистрибуции), альянсов (когда в одной компании сосредоточены все этапы производства и распространения печатного и электронного контента). В Сибирско-Дальневосточном регионе многие частные медиа-компании – издающие и полиграфические предприятия, редакции газет, информационные агентства – оказались в руках местных преуспевающих финансово-промышленных групп либо отдельных бизнесменов, способных в условиях реформирования отрасли и нестабильной экономической ситуации обеспечить печатно-издательскую инфраструктуру масштабными инвестициями. К началу XXI в. такими медиа-компаниями стали: в Новосибирске – ООО «Харменс», ОАО «Советская Сибирь», в Барнауле – типография ИД «Алтапресс», во Владивостоке – ОАО «Издательско-полиграфический комплекс “Дальпресс”».

Радикальные преобразования в сфере регионального книгоиздания происходили наряду с формированием частного сектора во всех отраслях экономики, деидеологизацией культурной жизни. В 1990-е гг. в Сибири и на Дальнем Востоке, несмотря на ведомственные и системные кризисы, были созданы достаточно устойчивые экономические основы для функционирования многополярной издательской системы. Развитие конкурентной среды способствовало появлению здесь новых лидеров книжной индустрии, крупных издательских и книготорговых фирм, медиа-холдингов. К концу XX в. в информационном пространстве Сибири и Дальнего Востока наметились черты монополизма, региональная инфраструктура книгоиздания приняла более сложные и динамично развивающиеся формы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волкова В.Н. Книгоиздание российских регионов в конце XX столетия (на материале Сибири и Дальнего Востока) // Книга. Исследования и материалы. М., 2001. Сб. 78. С. 43–62.
2. Гареева И.В. Сибирская книга и рынок: издательское дело Сибири в 90-е гг. XX – начале XXI в. // Книга в эпоху общественных трансформаций: этапы и итоги развития книжной культуры на востоке России в 60-е годы XX – начале XXI века: сб. науч. тр. / отв. ред. А.Л. Посадсков. Новосибирск, 2006. С. 19–52.
3. Посадсков А.Л. Академические и «субакадемические» издательства на востоке России: к вопросу о диверсификации научного книгоиздания // Научная книга на постсоветском пространстве: Материалы II Междунар. науч. конф. М., 2007. Ч. 2. С. 122–128.
4. Прудкогляд Т.В. Концепция развития издательско-полиграфического комплекса ДВФУ, Владивосток, 2010. 17 с.
5. Посадсков А.Л. «Издательская революция» в вузах: о некоторых особенностях развития вузовского книгоиздания в Сибири и на Дальнем Востоке в начале XXI в. // Книжная культура: опыт прошлого и проблемы современности: к 250-летию вузовского книгоиздания в России: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2006. С. 235–242.
6. Карпов А.А. Успехи Издательского дома «Приамурские ведомости» // Региональное книгоиздание в России: сб. науч. тр. / отв. за вып. В.К. Солоненко. М., 2008. С. 85–88.

Статья поступила
в редакцию 03.08.2012

СООБЩЕНИЯ, НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)“1800/1850”

В.Н. ШАЙДУРОВ

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.*

канд. ист. наук
Национальный минерально-сырьевой
университет «Горный»,
г. Санкт-Петербург
e-mail: s-w-n@mail.ru

В статье рассматривается начальный период формирования еврейской общины в Западной Сибири, который в историографии не получил детальной разработки. На основе архивных материалов представлен анализ государственной политики Александра I и Николая I в отношении еврейского населения Сибири и ее последствий к середине XIX в.

Ключевые слова: еврейская община, еврейский вопрос, Сибирь, переселение.

В отечественной историографии сложилась традиция начинать историю еврейской общины Сибири с 1836 г. Это было связано с включением региона в общегосударственную политику по решению еврейского вопроса. Одним из первых эту тему затронул В.Н. Никитин в своем исследовании «Евреи земледельцы». Девятая глава его работы посвящена неудачному переселению евреев в Тобольскую губернию и Омскую область при Николае I. Несомненной заслугой автора является введение в научный оборот архивных документов из фондов Министерства внутренних дел. Правда, им не были сделаны ссылки на источники, но сопоставление материалов из соответствующих фондов не оставляет никакого сомнения в тщательности анализа. Однако он не приводит количественных данных о переселенцах-евреях того времени, ссылаясь лишь на текст манифеста 1837 г., запретившего переселение и проживание иудеев в Сибири, согласно которому в Сибирь пожелало переселиться «1317 совершеннолетних мужских душ (кроме самовольно ушедших в Сибирь, – а верного числа их никто не знал)» [1, с. 207].

В начале XX в. вышли в свет новые работы, в которых приводятся разные данные об итогах переселения 1836–1837 гг. Так, в Петербурге была издана работа Г.Б. Белковс-

кого «Русское законодательство о евреях в Сибири» (1905), в которой автор не мог обойти стороной вопрос о еврейском переселении 1835–1836 гг. Обсуждая запретительные меры 1837 г., он указывает, что они не распространились на тех, «которые успели добровольно поселиться в течение 1836 г. Их всего-то было 1 367 человек» [2, с. 11]. Если В.Н. Никитин опирался на архивные данные, то Г.Б. Белковский в качестве источника использовал статью «Евреи в Сибири», опубликованную в журнале «Восход» [3].

В книге Ю. Островского «Сибирские евреи» также упомянута переселенческая кампания. Не приводя конкретных данных о переселившихся, автор пишет о «пожелании переселиться 1 317 душ евреев» [4, с. 13].

Наконец, М.М. Мыш в своей монографии [5] в разделе «Право жительства евреев в Сибири» дает историческую справку о евреях в Сибири. Их появление связано с кампанией 1835–1836 гг., когда «в течение 1836 г. пожелали переселиться из разных губерний 1 217 евреев». Приводя данные о числе желающих переселиться, автор ссылается на текст высочайше утвержденного положения Комитета министров «О приостановлении переселения евреев в Сибирь» от 5 января 1837 г. Однако в тексте положения приведены иные сведения: «на сии участки в течение 1836 г. пожелания переселиться 1 317 душ евреев»¹.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект «Алтай в трансграничном пространстве Северной Азии (древность, средневековье, современность)», шифр № 2012-1.1-12-000-3001-017.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Изд. 2-е. Т. 12, ч. 1. № 9843.

В работах исследователей конца XX – начала XXI в. присутствуют упоминания о ранних страницах истории сибирских евреев (Н. Галашова, Ю. Гончаров, Л. Кальмина, Н. Орехова и др.). Однако авторы, как правило, ссылаются на работы своих дореволюционных предшественников, не подвергая приводимые ими сведения не только критике, но и сравнению. Явные разночтения относительно результатов одного и того же события заставили нас обратиться к этой теме и попытаться разобраться в событиях первой половины XIX в., приведших к возникновению новой региональной группы – сибирских евреев.

В середине марта 1810 г. Комитет министров на своем заседании заслушал записку министра внутренних дел О.П. Козодавлева. В ней докладчик представил проект курляндского дворянина, советника Курляндского губернского правления Г.Ф. фон Фелькерзама о переселении евреев из Курляндии в Тобольскую губернию². Однако правительство на тот момент не сочло необходимым рассматривать эту проблему, а потому было принято решение «по выслушании сих проектов... оставить без уважения»³.

Для МВД вопрос о еврейском населении в Сибири в первой четверти XIX в. возникал не единожды. В этот период евреи оказывались за Уралом в результате исполнения судебных приговоров и направлялись туда в качестве ссыльных. Так, в 1814 г. сибирский генерал-губернатор И.Б. Пестель сообщал министру внутренних дел О.П. Козодавлеву о мерах, принятых иркутским гражданским губернатором Н.И. Трескиным относительно евреев-поселенцев (поселенцами являлись лица, отбывшие срок в ссылке или на каторге и оставленные в Сибири на проживание под надзором полиции. – *В. Ш.*)⁴. Местные власти столкнулись с тем, что евреи «по роду их жизни удалены от всякого хозяйства и по развратному поведению не могут быть полезны тамошнему краю»⁵. Для исправления нравов евреев и цыган было предложено отправлять тех, кто не имел ремесленных навыков, на казенное поселение в отдаленные от Иркутска селения Иркутского и Нижнеудинского уездов. Волостные правления обязаны были иметь над ними строжайший контроль, а сельские старшины принуждать их к различного рода сельским занятиям. Уклонение от работ грозило поселенцам через земский суд направлением на винокуренные заводы. С этого момента евреи невольно стали играть важную роль в данной отрасли пищевой промышленности региона.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с «еврейским злом». Уже 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, по которому с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и «растления местного населения» запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе. Мероприятия по «искоренению еврейства» проводились одновременно по линии Министерства финансов и Министерства внутренних дел. В упомянутом документе министру финансов Е.Ф. Канкрину было дано указание «о евреях, чтобы отнюдь не были терпимы на горных заводах»⁶. Последнему надлежало сообщить об этом управляющему Министерством внутренних

дел. Уже неделю спустя через управляющего Кабинетом с.и.в. графа Д.А. Гурьева содержание секретного документа было доведено до сведения горных начальников Кольвано-Воскресенских, Нерчинских и Екатеринбургских заводов.

В конце января 1825 г. на имя Гурьева поступили первые отчеты от начальника Кольвано-Воскресенского горного округа Фролова и начальника Екатеринбургских горных заводов Осипова о евреях на подконтрольной территории. Так, О. Осипов сообщил в Петербург о том, что «проживавшие в здешнем городе (Екатеринбурге. – *В. Ш.*), коих найдено шесть человек, из одного уже высланы, а в Горнощитском мраморном заводе, как командир сего завода и гранильной фабрики... донес, таковых не оказалось»⁷.

Более основательно подошел к выполнению поручения Фролов, который принялся изыскивать евреев не только на горных заводах и рудниках, но и в деревнях приписных крестьян, куда те могли попасть «по делам питейного сбора»⁸. В том же донесении графу Гурьеву Фролов задался вопросом: «Что делать с евреями, принявшими христианство?» Это наталкивает на мысль о наличии в округе евреев-выкрестов, с которыми начальнику приходилось сталкиваться по тем или иным делам и которых приказано было не подвергатьсылке»⁹.

9 декабря 1825 г. западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич сообщал в Сибирский Комитет о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. Сохранившиеся документы, в частности решения Совета Главного управления Западной Сибири (ГУЗС), позволяют говорить о том, что отношение местных властей и общества к ссыльным евреям было негативным. В них, например, указывалось, что «Семипалатинская Ратуша очень невыгодно на их (евреев. – *В. Ш.*) счет отозвалась, да и Петропавловский городничий также не ручался за благонадежное их поведение»¹⁰.

Губернские власти оказались в непростой ситуации: им необходимо было отселить евреев не только от горных заводов Алтайского горного округа, но и из населенных пунктов приграничной Сибирской линии. Основываясь на упомянутом секретном предписании, губернские власти приняли решение: «всех евреев, находящихся... по паспортам и в округах проживающих без оных, выслать в места прежнего жительства, и впредь не пускать их на Линию, за чем приказать городским и Земским полициям строго надбности причисленных же в мещане и крестьяне и имеющих домообзаводство поселенцев»¹¹. В дальнейшем предполагалось отселить евреев из Семипалатинска и Петропавловской крепости во внутренние районы Тобольской и Томской губерний и просить Тобольский приказ о ссыльных, «чтобы он в будущее время не присылал уже как на Линию, так равно иные места, кои близки к горным заводам»¹², ссыльных иудеев. В 1829 г. эта кампания получила дальнейшее развитие. Евреи г. Кольвани обратились к начальнику Алтайского горного округа с просьбой разрешить им поселиться на территории округа, но получили категорический отказ¹³.

⁷ Там же. Л. 14.

⁸ Там же. Л. 15–15 об.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260. Л. 3 об.

¹¹ Там же. Л. 4–4 об.

¹² Там же. Л. 5–5 об.

¹³ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 575. Л. 130.

² РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 20. Л. 148 об. – 149.

³ Там же. Л. 149.

⁴ Там же. Ф. 1285. Оп. 3. Д. 273. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728. Л. 9.

В первой половине 1830-х гг. Совет ГУЗС инициировал введение запрета на переселение евреев в сибирские губернии и причисление их в различные сословия¹⁴. Но, запрещая евреям проживать в некоторых районах Сибири, власти оставляли их в регионе в качестве поселенцев, а потому запретительные меры не могли исключить евреев из числа сибирских обывателей. По данным Министерства внутренних дел, уже к 1834 г. в Сибири проживало «18 купцов, мещан, цеховых и городских рабочих 659, а в Омской области поселенцев 13» иудейского исповедания¹⁵.

Плачевное состояние еврейского населения в черте оседлости побудило власти к радикальному решению «еврейского вопроса». Было принято решение о переселении евреев на окраины с целью обращения их в земледельческое состояние.

Основным местом водворения евреев должна была стать Сибирь. По представлению министра финансов Е.Ф. Канкрин 12 ноября 1835 г. Николай I распорядился выделить для поселения евреев пять свободных участков казенных земель в Тобольской губернии (Тарский округ: отрезки от земель татар Юрт-Черналинских 2 212 дес.) и Омской области (Омский округ: между с. Кулачинским и дер. Хариной два участка 3 254 и 3 446 дес., между д. Хариной и Захламиной 3 184 и 3 056 дес.) общей площадью в 15 154 дес.¹⁶

Предполагалось в течение осени 1835 – зимы 1836 г. закончить подготовительные действия и начать переселенческую кампанию уже весной 1836 г. На этом этапе подключилось Министерство внутренних дел, которое должно было через губернских чиновников донести до еврейского населения информацию о начале переселенческой кампании и ее условиях. Таким образом, министерства финансов и внутренних дел становились центральными учреждениями по исполнению монаршей воли. Надо сказать, что к тому моменту в канцелярии МВД скопилось большое количество прошений от еврейских обществ различных губерний, в которых содержались просьбы об улучшении положения евреев. Наибольшее количество прошений исходило от евреев прибалтийских и белорусских губерний. Например, на имя министра внутренних дел Д.Н. Блудова поступило прошение от еврейских семейств г. Митавы Курляндской губернии, в которой просители жаловались на «великие неудобства пропитывать себя законным образом»¹⁷.

О перенаселении евреями городов и невозможности ими содержать свои семьи сообщал в своей записке витебский генерал-губернатор Дьяков, отмечая, например, что «купеческие и мещанские промыслы за неимением достаточного числа покупателей и потребителей должны ограничиваться только мелочной торговлей, которая едва стоит содержания лавки; ремесленники, коих между евреями множество, не имеют работы. В одном только Могилеве, сколько известно, более 600 портных, тогда как достаточно 100-й доли сего числа по общей массе людей, имеющих нужду в их мастерстве»¹⁸.

Многие еврейские семьи стремились любыми путями вырваться из нищеты, в которой они оказались по милости царской власти, а потому в еврейских общинах к середине

1830-х гг. сложилась мотивация к включению в переселенческий процесс.

Но далеко не все в еврейских общинах являлись сторонниками переселения на новые места. Одним из противников этого процесса выступили кагалы¹⁹. В своей записке на имя А.Х. Бенкендорфа генерал-майор Дребуш указывал, что «они (евреи. – В. Ш.) приняли как благодеяние Всемиловейшее дозволение им сделаться хлебопашцами Тобольской губернии..., но встречают в том затруднение со стороны еврейских кагалов»²⁰. Кагалы вместе с городской и земской полицией старались скрыть от евреев соответствующий указ. Дело в том, что в явное противоречие вступили положение указа и фискальная практика: кагалы требовали от желающих переселиться уплаты всех необходимых податей и недоимок, тогда как высочайший указ списывал с переселенцев все недоимки по уплате податей²¹. В первую очередь желали переселиться те евреи, которые не могли материально устроить свою жизнь в прежней общине, но действия кагала ставили их в затруднительное положение.

Некоторые чиновники предлагали изыскать земли для поселения евреев во внутренних губерниях. Но позиция Канкрин была неизменной: в своем письме Блудову от 26 августа 1836 г. он отметил, что, основываясь на имеющихся в министерстве сведениях, считал невозможным выделение земель в белорусских губерниях, т. к. свободных земель нет²².

Уже весной 1836 г. стало ясно, что в губерниях не готовы к переселенческой кампании. Так, выяснилось, что в губернских казенных палатах не было денег для выдачи ссуд переселенцам. Эта проблема была решена радикально: от Канкрин поступило распоряжение о выделении необходимых средств и одежды для еврейских переселенцев²³. Таким образом, чиновники решали проблемы переселенцев по мере их возникновения.

В середине декабря 1836 г. Канкрин подвел промежуточный итог переселенческой кампании. Он указывал, что «в течение нынешнего 1836 г. пожелало переселиться из разных губерний на упомянутые для них казенные участки до 1 317 душ»²⁴. В канцелярии МВД на тот момент находились списки более 3 тыс. потенциальных переселенцев из различных белорусско-литовских губерний²⁵. Эти результаты настолько вдохновили министра финансов, что он заявил о своем намерении в следующем году выделить для водворения евреев уже десять участков в Омском и Петропавловском округах общей площадью 13 363 дес.²⁶

22 декабря 1836 г. состоялось очередное заседание Комитета министров, на котором был рассмотрен вопрос форсирования еврейского переселения в Сибирь на основании внесенного предложения министра финансов. Комитет

¹⁹ Кагал – орган еврейского самоуправления, выступавший посредником между общиной и государственными органами управления в России с 1772 по 1844 г., нес ответственность за своевременную поставку рекрутов (с 1827 г.), своевременную уплату налогов и пр.

²⁰ РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Ф. 959. Л. 50.

²¹ Там же. Л. 50 об.

²² Там же. Л. 59 об.

²³ Там же. Л. 102.

²⁴ Там же. Л. 107.

²⁵ Там же. Д. 960. Л. 84–131 об.; Д. 962. Л. 56–76 об. Подсчет наш.

²⁶ Там же. Д. 959. Л. 107 об.

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 438. Л. 38 об.

¹⁵ Там же. Ф. 383. Оп. 29. Д. 960. Л. 4.

¹⁶ Там же. Д. 959. Л. 1–1 об.

¹⁷ Там же. Л. 3.

¹⁸ Там же. Л. 44–44 об.

министров принял решение: «на утверждение распоряжения испросить Высочайшее соизволение»²⁷.

Уже 5 января 1837 г. Николай I наложил резолюцию на представление Комитета министров: «переселение евреев в Сибирь приостановить»²⁸. Это перечеркнуло все предпринятые ранее различными ведомствами действия. Вскоре последовало распоряжение о возвращении всех переселенческих партий на прежнее место жительства или направлении их в Херсонскую губернию, где их водворением должно было заняться недавно созданное Министерство государственных имуществ во главе с графом П.Д. Киселевым. Распоряжение об этом было направлено Блудовым всем губернаторам, через чьи губернии могли проследовать евреи-переселенцы. Ответные рапорты губернаторов позволяют оценить реальные масштабы переселенческой кампании. Согласно их данным на конец 1836 – начало 1837 г. на пути в Сибирь находилось не более 100 евреев, успевших воспользоваться дарованным правом водвориться в Тобольской губернии. Все они были направлены в Херсон.

Однако одна группа переселенцев успела прибыть в Тобольскую губернию в конце 1836 г. Распоряжение Блудова вызвало замешательство у губернских властей. В Петербург 5 июля было направлено донесение, что еще до 5 января 1837 г. в Сибирь прибыла партия евреев из Могилевской губернии и Белостокской области численностью 36 душ обоюбого пола²⁹. Возник вопрос: что делать? Потребовалось вмешательство Николая I, который передал решение этого вопроса в руки самих евреев. Статс-секретарь Танеев писал по этому поводу Блудову: «Государь Император рассмотрев всеподданнейшую записку... от 8 июля... изволил считать несправедливым евреев сих вновь переводить. Но Его Императорское Величество повелевает предоставить им или переселиться в Херсонскую губернию или остаться на месте с подтверждением правилам принятым отныне для евреев в Сибири находящимся»³⁰. Воспользовавшись этим правом, 32 еврея решили остаться в Сибири, и только четверо приняли решение вернуться в Европейскую Россию.

Этот сюжет заставляет усомниться в сложившемся в литературе мнении, что более 1 тыс. евреев переселилось в Сибирь в 1836 г. В середине 1840-х гг. 32 омских еврея напомнили о себе. В январе 1843 г. последовало повеление Николая I на решение Комитета министров: «дозволить сим евреям остаться навсегда на отведенном им в омской области участке земли, а затем участок сей исключить из оклада»³¹. Они получили 480 дес. удобной земли в бесплатное пользование сроком на 25 лет.

Влияние на формирование еврейского населения в Сибири оказало не только самовольное и организованное переселение. Каторга и ссылка во второй трети XIX в. также внесли свою лепту. Так, за 1835–1843 гг. в Сибирь прибыло 596 евреев мещанского сословия (542 мужчины и 54 женщины) [6]. В середине XIX в. ссылка и каторга сохраняют свое значение. Так, в справке Министерства юстиции Еврейскому комитету в марте 1860 г. указывалось, что «в течение минувшего года Судебными палатами приговорено

евреев: к высылке в Сибирь на поселение – 12, на жительство – 12, к отдаче в исправительные арестантские роты гражданского ведомства – 40 и к заключению в работные дома 35 человек...»³². Однако даже с учетом прибывших с ними немногочисленных членов семей этот источник не может рассматриваться как один из ведущих в формировании еврейской общины в Сибири.

Еще одним важным источником пополнения еврейского населения в Сибири стали кантонисты. С 1827 по 1855 г. в Иркутске, Красноярске, Омске, Тобольске и Томске располагались кантонистские заведения, в которых оказались и еврейские мальчики в возрасте от 8 до 18 лет. Й. Петровский-Штерн в работе, посвященной евреям в русской армии, приводит данные об их количестве на 11 июня 1839 г. – в Омском, Тобольском, Томском, Иркутском батальонах и Красноярских учебных ротах их насчитывалось 57 (1,3 % евреев-кантонистов), причем все они остались в иудейской вере [7, с. 124; подсчет наш]. Ежегодное количество кантонистов к 1856 г. постоянно возрастало. Так, по данным «Еврейской электронной энциклопедии»³³, в 1855 г. только в Томскую школу кантонистов прибыло 350 детей из губерний черты оседлости. Увеличению евреев-кантонистов способствовала и законодательная политика: актами 1837, 1846 и 1847 гг. дети сосланных в Сибирь евреев автоматически зачислялись в кантонистские школы [8, с. 10].

В целом на 1849 г. в Тобольской губернии проживало 785 душ обоюбого пола [9, ч. 1, с. 37], а в Томской губернии – 1 482 души обоюбого пола [9, ч. 2, с. 82], т. е. всего за 15 лет официальная численность еврейства в двух сибирских губерниях выросла почти в 3 раза. Одним из основных мест средоточия еврейской жизни Западной Сибири стал к середине XIX в. г. Каинск, в котором, по оценке современника, «большая часть жителей... евреи, переселенные за сделанные ими преступления и более за контрабанду» [там же, с. 95].

Переселившись в Сибирь, евреи оказались выброшены за рамки привычного для них правового поля черты оседлости. В местах нового проживания на них, с одной стороны, стремились распространить те же нормы, что действовали в пределах черты оседлости, а с другой – они попадали под юрисдикцию Устава о ссыльных и, кроме того, оставались подданными Российской империи со всеми вытекающими отсюда последствиями. Юридическая неразбериха дополнялась множеством циркуляров, инструкций, решений, высочайше утвержденных мнений и прочих правовых актов более частного характера. Как следствие, еврейское население в Сибири оказывалось в наиболее бесправном положении, требовались колоссальные усилия, чтобы не только добиться юридической справедливости, но и заставить местные власти ее соблюдать.

Таким образом, к началу пореформенного периода в Сибири, несмотря на противодействие властей, происходил активный процесс формирования еврейской общины. Ссылка, а позднее естественный прирост стали основными источниками для этого процесса. Новые условия жизни заставляли евреев стремиться к эмансипации, обретая свое место в экономической и социокультурной жизни Сибири.

²⁷ Там же. Л. 120–120 об.

²⁸ Там же. Л. 120 об.

²⁹ Там же. Д. 960. Л. 165–166.

³⁰ Там же. Л. 185.

³¹ Там же. Оп. 10. Д. 9352. Л. 14.

³² Там же. Ф. 1269. Оп. 1. Д. 51. Л. 81–81 об.

³³ <http://www.eleven.co.il/?mode=article&id=14130&query=%D2%CE%CC%D1%CA> (дата обращения: 25.07.2012).

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.В. Евреи земледельцы. СПб., 1887.
2. Белковский Г.Б. Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905.
3. Ф. В. Евреи в Сибири // Восход. СПб., 1887. Кн. 9. С. 1–8.
4. Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911.
5. Мыш М.М. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1914. § 247.
6. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 гг. СПб., 1873.
7. Петровский-Штерн Й. Евреи в русской армии. М., 2003.
8. Гончаров Ю.М. Очерки истории еврейских общин Западной Сибири XIX – начала XX в. Барнаул, 2005.
9. Военно-статистическое обозрение Российской империи. СПб., 1849. Т. XVII, ч. 1: Тобольская губерния; Ч. 2: Томская губерния.

*Статья поступила
в редакцию 15.08.2012*

УДК: 94(47)''1914/1918''

М.С. ДРУГАНОВА

ОБРАЩЕНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ОРГАНЫ ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

аспирантка,
Институт гуманитарных наук
Тюменского государственного университета,
г. Тюмень
e-mail: kucu@inbox.ru

Статья посвящена характеристике и описанию обращений горожан Тобольской губернии в органы местной власти в годы Первой мировой войны. Автором исследованы 68 писем горожан по тематике, непосредственно или косвенно связанной с обстоятельствами военного времени, хранящихся в Государственном архиве Тюменской области и Государственном архиве в г. Тобольске. В результате исследования выявлено, что преобладающей тематикой обращений являлись вопросы о назначении денежного пособия в связи с уходом на фронт главы семьи; о запрещении продажи алкогольной продукции; о размещении на территории губернии военнопленных; о дестабилизации ценовой политики.

Ключевые слова: обращения горожан, органы городского управления, Первая мировая война, мобилизация, запрет алкоголя, военнопленные.

Обращения граждан являются ценными историческими источниками, из которых можно не только почерпнуть сведения о жизни современников указанного периода, но и проследить взаимосвязь власти и общества. Большой интерес представляет комплекс обращений, рассмотренный в конкретный исторический период на определенной территории. Тематика заявлений, поданных горожанами в органы городского общественного управления в годы Первой мировой войны, имеет свою специфику по сравнению с обращениями, написанными в мирное время. Заявления горожан, сохранившиеся в фондах Государственного архива Тюменской области и Государственного архива в г. Тобольске, хронологически и тематически можно подразделить на следующие группы:

– прошения о назначении пособия в связи с уходом кого-либо из членов семьи на фронт;

– заявления, связанные с введением «сухого закона» и запретом продавать алкоголь;

– ходатайства, в которых отражается особая ситуация с прибытием в Тобольскую губернию большого количества военнопленных;

– обращения горожан, причиной которых являлись дестабилизация ценовой политики в городах и беспорядки в преддверии революции.

В самом начале войны настроение всего российского общества было патриотичное, полное надежды на скорую победу. Практически все слои населения в Тобольской губернии (даже крестьяне) участвовали в сборе пожертвований на военные нужды. Например, в городах Тара и Курган было собрано 400 руб. в помощь пострадавшим в Польше и Бельгии¹.

* Публикация подготовлена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., проект № 14.В37.21.0481.

¹ Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1169. Постановления Тарской городской думы за 1914 г. Л. 273; Д. 1166. Постановления Курганской городской думы за 1914 г. Л. 307–307 об.

Однако вскоре помощь понадобилась уже соотечественникам: в думы потекли просьбы о пособии женам, чьи мужья были призваны на войну. За весь период военных действий городскими думами было рассмотрено 25 прошений как от женщин, так и от глав семейств, призванных в армию и предполагавших, что их семью ждет бедственное положение. В число таких заявлений входили просьбы о сложении недоимок, уменьшении арендной платы за землю, рассрочке того или иного платежа. Примечательно, что, за исключением четырех обращений, все такого рода просьбы городскими думами были удовлетворены.

Особая ситуация в связи с условиями военного времени сложилась и в отношении продажи алкоголя. С 19 июля на время мобилизации, а со 2 августа – и на весь период войны была запрещена торговля алкогольными изделиями на территории всей страны, за исключением продажи спирта для технических и медицинских целей. Однако в трактирах, буфетах, пивных лавках этот запрет игнорировался (необходимо было реализовать имевшиеся запасы алкоголя). В связи с этим губернские власти приняли ряд решений о пресечении торговли крепкими напитками².

Запрет на торговлю спиртными напитками повлек ожидаемую амбивалентную реакцию со стороны торговцев: некоторые смирились и лишь просили вернуть часть внесенных в кассу городской управы сборов с пивных лавок, например в Кургане, другие же вплоть до конца 1915 г. стремились распродать запасы алкоголя и даже открыть трактиры, в чем им, безусловно, отказывалось³. Интересно, что пока одни предприниматели отчаянно и безрезультатно бились в попытках распродать запретный товар, другие, как, например, владелец пивоваренного завода в Кургане В.А. Гамбль, просили у думы разрешения на переустройство алкогольного производства в кожевенное⁴.

Тем не менее весной 1915 г. в Тобольске случился своего рода прецедент: дума разрешила купцам П.И. Усачеву и А.В. Янушкевичу распродать остатки вина! Доводы просителей были более чем убедительными. Акцентируя внимание гласных даже не на понесенных убытках от экстренного запрещения торговли и обязанности уплаты банковских процентов за большие остатки товара, а на порче и окислении слабых виноградных вин, которые, в отличие от крепкого алкоголя, не могут храниться долгое время, купцы просили городскую думу «избавить нас от грозящих новых убытков и разрешить нам допродать легкие вина». При этом они утверждали, что «такое слабое вино не может послужить спаиванием народа»⁵.

Однако вскоре дело купцов Усачева и Янушкевича приняло неожиданный оборот. Несмотря на постановление думы, горожане возмутились и стали требовать отмены этого

решения. Ведь все они видели, как жил народ до запрещения торговли вином, и как – после принятых мер: «...тысячи ремесленников теперь оделись, принялись за дело, семьи их сыты, скандалы и преступления совершенно исчезли, важно, что трудовая жизнь протекает вполне нормально и недостатка рабочих рук не ощущается, так как нет вина – нет пьяных, следовательно, нет и прогульных дней», – писали в думу горожане. Представляется, что обращавшимися были в основном женщины. Они акцентировали внимание гласных на том, что те «забыли все слезы семей пьянствовавших рабочих, тружеников, работоспособных, но слабых и безвольных людей»⁶. Следует отметить, что улучшение ситуации в сфере потребления алкогольной продукции отмечалось в целом по России: «Сказка о трезвости – этом преддверии земного рая – стала на Руси правдой. Понизилась преступность, затихло хулиганство, сократилось нищенство, опустели тюрьмы, освободились больницы, настал мир в семьях, поднялась производительность труда, явился достаток» [1, с. 52–53]. Вняв просьбам горожан, гласные Тобольской городской думы отменили свое решение о распродаже купцами остатков вина. Следовательно, горожане обладали реальной возможностью воздействовать на решения местных властей.

В годы Первой мировой войны Сибирь стала пристанищем для многих тысяч военнопленных. К концу 1915 г. количество пленных в Тобольской губернии составляло 40 тыс. чел.⁷ Разумеется, приток такого огромного числа людей внес определенные изменения в жизнь сибиряков. Выделялись земельные участки, на которых необходимо было строить бараки для пленных, и некоторые горожане даже смогли заработать на этом. Так, тобольский купец А.А. Сыромятников в апреле 1915 г. предложил заселять пленных в принадлежащие ему «жилые и нежилые здания как в самом городе Тобольске, так и в 22 верстах от него, на 8 тыс. человек за установленную законом квартирную плату»⁸.

Интеграция военнопленных в общество горожан Тобольской губернии происходила естественным путем. Как отмечают некоторые исследователи, жизнь пленных была даже слишком вольной: они «свободно сходятся, гуляют с русской молодежью, пользуются известной долей внимания со стороны женского населения» [2, с. 57]. Оправданной мерой при этом стало привлечение находящихся в плену солдат и офицеров к общественным работам, особенно в связи с нехваткой рабочих рук. Например, в Кургане гласные думы попросили об отпуске пленных славян на общественные работы, а в Тобольске упомянутые выше бараки и больницу для заразных больных предполагалось возводить с помощью артелей из военнопленных⁹.

Необычное, на наш взгляд, обращение было рассмотрено 7 октября 1915 г. в Тобольской городской думе. Гласный думы Г.А. Тарасов просил принять меры по устранению причин скопления «ожидающей публики в городских банях». Оказалось, что из-за притока в город большого количества людей банщики не справлялись со своими обязанностями! Дума постановила «военнопленным офицерам мыться по воскресеньям с 11 до 3 дня». А уже в конце 1915 г. смотри-

² Там же. Д. 1233. Постановления Тобольской городской думы за 1914 г. Л. 592; Д. 1276. Постановления Тобольской городской думы за 1915 г. Л. 100.

³ Там же. Д. 1166. Л. 330–330 об., 355–356; Д. 1251. Постановления Тарской городской думы за 1915 г. Л. 342; Д. 1303. Постановления Ишимской городской думы за 1915 г. Л. 33, 216; Д. 1276. Л. 109; Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 547. Постановления Тюменской городской думы за 1914 г. Л. 215 об.

⁴ Там же. Д. 1390. Постановления Курганской городской думы за 1916 г. Л. 134.

⁵ Там же. Д. 1276. Л. 93–93 об.

⁶ ГА в г. Тобольске. Ф. И-152. Оп. 35. Л. 99–100.

⁷ Там же. Оп. 44. Д. 511. Л. 272.

⁸ Там же. Оп. 35. Д. 1276. Л. 191.

⁹ Там же. Д. 1306. Постановления Курганской городской думы за 1915 г. Л. 147–147 об.; Д. 1276. Л. 192.

тель городских бань А.Н. Мамеев подал в думу прошение «о выдаче ему вознаграждения за праздничные занятия при открытии бань для военнопленных». Гласные это ходатайство удовлетворили, еще и назначили кочегару бань пять дополнительных рублей в месяц «за усиленный труд»¹⁰.

В конце 1915 г. и в течение всего 1916 г. горожане пытались вести привычный образ жизни, хотя многих семей коснулось горе утраты кормильцев, да и патриотическое настроение сошло почти на нет. Тем не менее встречались обращения с просьбой устроить народные гуляния или показ кинофильмов¹¹.

Постоянное повышение цен на продукты стало одной из основных причин волнений на всей территории Российской империи. В городские думы Тобольской губернии поступали обращения как от жителей, жаловавшихся на рост цен, так и от торговцев, ходатайствовавших о законном закреплении новой стоимости всех товаров. У каждого была своя правда: горожане звали к гласным остановить постоянный рост цен, а продавцы ссылались на то, что из-за военного времени стало трудно поставлять товары из районов их производства¹². Для разрешения спорной ситуации в дело вмешался сам губернатор и предупредил о спекулянтах, «начавших искусственно повышать и без того высокие цены на хлеб и другие предметы первой необходимости»¹³.

Повышались цены, горожанам не хватало средств к существованию, и они вынуждены были просить у местных властей поддержки. Вдобавок к традиционным заявлениям о пособии в думы стали поступать ходатайства городских служащих о прибавке жалованья. Особенно это заметно на примере Ишима. В течение 1917 г. в думу поступило 13 обращений по этому вопросу, многие из них были коллективными. Просили все: персонал больницы, служащие пожарной команды, служащие в канцелярии управы, городской техник, лесной объездчик, даже сторожика дровяного склада и подрядчица по очистке нечистот на городской скотобойне¹⁴.

В воздухе витал дух перемен. Во всех городах Тобольской губернии протоколы заседаний дум отразили нервность перед приближающимся хаосом: они были обрывочные, наспех составленные. В записях Курганской городской думы остались свидетельства о начавшихся волнениях. 24 августа 1917 г. рассматривали заявление гласного Г.В. Татаринова о разгроме типографии Товарищества печатного дела. Члены думы приняли заявление своего коллеги к сведению и выразили сочувствие: материально помочь типографии город уже не мог. На этом же заседании гласный И.А. Михайлов заявил, что он «не имеет отношения к банде разбойников город социалистов-революционеров»¹⁵. Известно, что правительство с помощью уездных полицейских исправников следило за политической благонадежностью и настроением населения. Особенно этот контроль усилился, как отмечает Н.А. Жукова, в годы Первой мировой войны [3, с. 71].

По сохранившимся протоколам заседаний дум пяти городов Тобольской губернии за 1914–1917 гг. выявлено и исследовано 68 обращений, непосредственным образом связанных с военными действиями Российской империи во время Первой мировой войны. Однако и все остальные заявления, жалобы и прошения, поступившие в думы в этот период, являются показателями изменений, точнее, препятствования любым изменениям, в городской общественной жизни. В совокупности с другими источниками о быте и жизнедеятельности населения Тобольской губернии обращения служат свидетельством событий того времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мендельсон А. Итоги принудительной трезвости и новые формы пьянства. Доклад противоалкогольному совещанию общества русских врачей в память Н.И. Пирогова в Москве. Пг., 1916.
2. Шишкина С.Ю. Патриотизм и толерантность в общественных настроениях в годы Первой мировой войны (на материалах Зауралья) // Сиб. ист. журнал. 2006/07. № 1.
3. Жукова Н.А. «Политического брожения не заметно...» (Тобольская губерния глазами полицейских исправников) // Сиб. ист. журнал. 2004. № 1.

Статья поступила
в редакцию 16.07.2012

¹⁰ Там же. Д. 1276. Л. 513 об., 617 об.

¹¹ Там же. Л. 196 об. Д. 1390. Л. 252–253.

¹² Там же. Д. 1276. Л. 245–245 об., 276, 594 об.

¹³ Там же. Л. 245.

¹⁴ Там же. Д. 1365. Постановления Ишимской городской думы за 1917 г. Л. 22, 32, 52 об., 62 и др.

¹⁵ Там же. Ф. И-722. Оп. 1. Д. 86. Л. 1 об. – 2.

УДК 655.4/5

О.Н. АЛЬШЕВСКАЯ

**«АКАДЕМКНИГА» И ЕЕ НАСЛЕДНИКИ:
ПРОБЛЕМЫ ПРОДВИЖЕНИЯ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
НА СИБИРСКОМ КНИЖНОМ РЫНКЕ**

канд. ист. наук,
Государственная публичная
научно-техническая библиотека
СО РАН, Новосибирск
e-mail: kniga@spsl.nsc.ru

В статье рассматриваются причины и обстоятельства закрытия в ряде сибирских городов магазинов старейшей специализированной книготорговой компании России «Академкнига». Освещается деятельность по замещению ниши научного книгораспространения в Новосибирске альтернативными книготорговыми структурами: литературным магазином «КапиталЪ» и группой компаний «Аристотель». Описан опыт сохранения в Томске магазина «Академкнига» в статусе обособленного подразделения муниципального учреждения «Музей истории Томска».

Ключевые слова: книгораспространение, «Академкнига», литературный магазин «КапиталЪ», книготорговая сеть «Аристотель».

С книготорговой карты нескольких российских городов исчезла «Академкнига». Старейшая специализированная книготорговая компания продержалась на российском книжном рынке намного дольше других советских книготорговых структур: книготорговая система Госкомиздата СССР с всесоюзной сетью областных, республиканских и краевых книготоргов, система книжной торговли потребительской кооперации, «Военкнига», книгораспространение Министерства связи СССР «Союзпечать» ушли с книжного рынка еще в прошлом веке. «Академкнига», будучи общероссийской сетью (в ее состав в 2011 г. входило более 20 книготорговых предприятий по всей стране) имела в Сибирском регионе по одному книжному магазину в Томске, Иркутске, Красноярске и два в Новосибирске, из которых в прежнем статусе в 2012 г. продолжили функционировать магазины в Иркутске и Красноярске.

Проблемы новосибирских магазинов «Академкниги» начались несколько лет назад и были вызваны тем, что магазины не делали тех объемов продаж, которые являлись минимально необходимыми, точнее, не зарабатывали на этих продажах минимально необходимой суммы денег, в частности, для того, чтобы платить аренду. В последние несколько месяцев у предприятий даже появились долги сотрудникам по зарплате. По данным «СПАРК-Интерфакс», 2010-й год «Академкнига» на Красном проспекте закончила с чистой прибылью в 3 тыс. руб. при выручке в 3,5 млн руб., на Морском проспекте – с прибылью в 2 тыс. руб. при выручке в 3 млн руб.¹ Окупаемость отсутствовала, несмотря на то, что зарплаты персоналу и прочие расходы предприятия были достаточно небольшими. Причин столь плохой рен-

табельности книготорговых предприятий было несколько и формировались они на протяжении продолжительного времени. Большой объем поставок в последние годы шел в магазины от головной компании – Торговой фирмы (ТФ) «Академкнига» в Москве. ТФ «Академкнига» выполняла функции бибколлектора или оптовой компании – собирала книги различных издательств из академических структур, делала оптовую наценку и отгружала в магазины по всей стране. С течением времени объем таких поставок становился все меньше и меньше – и книг выпускалось меньше, и издатели, скорее всего, не всегда отдавали ТФ книги для реализации. Негативным фактором было и то, что наладить прямые поставки с несколькими десятками издательств, в т. ч. и академическими, ТФ «Академкнига» не удалось. 90 % поставок литературы по вычислительной технике, программированию, точным наукам поступали в новосибирские магазины от оптовой фирмы, расположенной в Новосибирске. Несмотря на то, что фирма специализировалась на подобной тематике и удовлетворяла нужды новосибирских магазинов в необходимом ассортименте, наценка, которую она делала на отгружаемую продукцию, была непомерно велика и оказывала негативное влияние на итоговую маржу новосибирской «Академкниги». Не все благополучно обстояло и в структуре товарного наполнения магазинов: учитывая специфику клиентов (ученые, студенты), в ассортименте необходимо было шире представлять канцелярские товары, а также установить множительную и копировальную технику. Вследствие недостаточности финансовых средств долгие годы не решенной в магазинах оставалась и проблема организации торгового процесса: отсутствовала нормальная система штрих-кодирования, не велось подобающей статусу специализированного магазина аналитической работы и т. п. В тот период, когда «Топ-книга» была ведущим оператором новосибирского книжного рынка, она на основании договора поставляла «Академкниге» свою информационную систему

¹ В Новосибирске закрылись магазины «Академкнига». [Электронный ресурс]. URL: <http://sib.adme.ru/akademkniga/v-novosibirsk-zakryvayutsya-magaziny-akademkniga-205955/> (дата обращения: 3.03.2012).

и книги. Но после непродолжительного взаимодействия договор был расторгнут.

Начиная со второй половины 2011 г. новосибирские магазины «Академкниги» практически перестали получать новый ассортимент. В ноябре 2011 г. ТФ «Академкнига» приняла решение о закрытии своих филиалов во многих городах России. В связи с этим заявлением издатели, осуществляющие поставки в магазины, потребовали возврата непроданной литературы. Благодаря активной позиции руководства ГПНТБ СО РАН удалось отсрочить закрытие магазина № 2 в Академгородке. В конце 2011 г. помещения магазинов «Академкниги», как федеральная собственность, были выставлены на торги. В результате 29 мая 2012 г. состоялся аукцион по продаже помещения площадью 183,5 кв. м на Красном проспекте, 51/2. За помещение на Красном проспекте на аукционе боролись 26 участников, из которых 16 – физические лица. В ходе торгов начальная цена помещения в 23,671 млн руб. выросла в 1,74 раза – до 41,371 млн руб. Шаг аукциона составил 1,18 млн руб. Последнее предложение по цене сделала представитель Центрального агентства недвижимости Г. Харченко, она и стала победительницей аукциона. «Приобретение помещения связано с планами компании вывести на рынок риэлторских услуг новый формат офиса продаж, который будет уникальным для города», – отметил генеральный директор Центрального агентства недвижимости О. Харченко². Таким образом, указанное помещение больше не является книжным магазином.

Более счастливой оказалась судьба помещения «Академкниги» в Академгородке. По результатам тендера на право пятилетней аренды помещение по адресу Новосибирск, Морской проспект, 22 получила группа книготорговых компаний «Аристотель» (проводился открытый аукцион на право заключения договора аренды №А03/2012 по лоту № 1). Торговая площадь магазина составляет около 240 кв. м. Общие вложения в ремонт, инфраструктуру, оснащение магазина и товарные запасы, по словам руководителя группы компаний «Аристотель» М.Ю. Трифонова, составили несколько миллионов рублей³.

Как сообщил М.Ю. Трифонов, магазин «BOOK-LOOK Академии наук» – таково новое название бывшей «Академкниги» – будет иметь особый профиль: научная, специальная, образовательная литература. Компания «Аристотель» серьезно продумала ассортиментное наполнение магазина. Основной ассортимент составляет литература по различным отраслям знаний издательства: «ЛомоносовЪ», «Аграф», «Крафт», «Евразия», «Новый Акрополь», «Гео», «Бином/Лаборатория базовых знаний», «Физматлит», МЦНМО, «Академический проект», «Paulsen», «Флинта», «Оклик/Теревинф», издания фонда «Династия», «Новое литературное обозрение» Ирины Прохоровой с их проектами «Historia Rossica», «Интеллектуальная история», «Научная библиотека», «Культура повседневности», книги Издательства СО РАН. Широко представлена в ассортименте и научно-популярная литература, в частности серии «Занимательная наука», «История

для юных», «Galileo»; все номера журнала «Наука из первых рук» с 2005 г. Достоинством «BOOK-LOOK Академии наук» является отдел иностранной литературы, обладающий богатейшим выбором словарей, разговорников, самоучителей, книг на английском, французском, итальянском, испанском, немецком, китайском, японском, турецком, хинди и других языках (адаптированных и неадаптированных). Действует в магазине и художественный отдел, в нем представлены произведения Г. Маркеса, В.С. Высоцкого, У. Эко, М. Фрай, В.Н. Полозковой, Л.Г. Парфенова, В.В. Познера, С. Хокинга; книги серии «ЖЗЛ» о Д.И. Менделееве, В.И. Вернадском, М.В. Ломоносове, Сократе, Е.Р. Дашковой и мн. др., краеведческие издания о Сибири и другая популярная литература. В «BOOK-LOOK Академии наук» имеется расширенный отдел канцелярских товаров, детский зал с акцентом на развивающие игры и энциклопедические издания, где, в частности, представлены все детские энциклопедии «Аванта+».

Новинкой и достижением магазина станет терминал Print-On-Demand (печать по требованию), каталог которого насчитывает несколько миллионов названий книг. Терминал, который в магазине планируют установить в конце 2012 г., позволит заказывать электронную или бумажную копию книги и через 2–3 дня получить файл или через неделю бумажный экземпляр. Руководство магазина заявляет о намерении проводить политику низких наценок на научную литературу, сохранить все скидки и дисконтные программы, которые имелись в магазине BOOK-LOOK в Торговом центре Академгородка. Планируется осуществлять поставки научной литературы зарубежных издательств по предварительным заказам⁴. Таким образом, можно констатировать, что лакуна научного книгораспространения в Академгородке достойно заполняется.

Не осталось незанятым и место «Академической книги» в центре Новосибирска. С сентября 2008 г. на одной из центральных улиц города действует литературный магазин «КапиталЪ». На сегодняшний день это один из самых больших книжных магазинов Новосибирска: площадь его торговых залов составляет около 1,5 тыс. кв. м, ассортимент книг насчитывает более 90 тыс. наименований. Магазин занимает три этажа. В цокольном этаже здания выставлена художественная литература, подарочные издания, медиапродукция, действуют отдел букинистической литературы и литературная гостиная. На первом этаже покупатель предлагает детскую литературу, книги на тему «Дом, быт, досуг», канцелярские товары. Второй этаж отведен под специальную, гуманитарную, учебно-методическую литературу. Магазин предоставляет покупателям максимум комфорта: в торговых залах размещены уютные диваны; работает кафе «Чашка кофе».

«КапиталЪ» быстро и достаточно адекватно реагирует на изменения местного книжного рынка. После закрытия сети магазинов «Академкнига» именно «КапиталЪ» занял в Новосибирске освободившуюся нишу научной и специальной литературы. «Мы всегда старались делать упор именно на специальную литературу, тем более что покупатель к нам приходит часто именно за серьезной книгой, – говорит директор предприятия Ильдар Яркимбаев. – Работа в сегменте деловой, юридической, политической, научно-популярной литературы – это одно из конкурентных преимуществ ма-

² «Академкнига» на Красном продана агентству недвижимости. [Электронный ресурс]. URL: <http://sib.adme.ru/centralnoagentstvonedvizhimosti/akademkniga-na-krasnom-prospekte-prodana-agentstvu-nedvizhimosti-256055/> (дата обращения: 21.03.2012).

³ «Академкнига» на Морском 22 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.aristotel08.blogspot.com/2012/03/book-look.htm> (дата обращения: 15.03.2012).

⁴ Там же.

газина»⁵. На фоне информации в прессе о закрытии сети магазинов «Академкнига»⁶ руководители «Капитала» опубликовали пресс-релиз о достигнутых договоренностях с поставщиками научной, учебной, методической литературы. Руководители «Капитала» сообщают, что в магазине будут представлены почти все области знания, как и в магазинах «Академкниги». На отсутствующие издания будет осуществляться прием заказов с доставкой в течение двух недель.

В обновленном «Капитале» представлен большой выбор медицинской литературы для преподавателей, студентов и врачей. Всего в ассортименте магазина около 2,5 тыс. наименований книг издательств «Веди», «Медпресс», «Медпресс-информ», «Практическая медицина», «Медицина», «ГЭОТАР-Медиа» разных лет издания: от 2000 г. до самых новых. В отделе представлен почти весь спектр медицинской тематики: педиатрия, хирургия, неврология, кардиология, хирургия, стоматология, фармакология, эндокринология и др. Особенно большой ассортимент книг имеется по психологии. В начале 2012 г. в магазине появилась литература по гуманитарным и естественным наукам, методическая литература (педагогика, коррекционная педагогика, дефектология, логопедия)⁷.

По другому сценарию развивались события вокруг «Академкниги» в Томске. Здесь магазин научной литературы «Академкнига» продолжит работу в качестве подразделения музея истории города. Как сообщили в пресс-службе городской администрации, вопрос о судьбе магазина возник в связи с ликвидацией по всей стране филиалов ТФ «Академкнига». По поручению мэра в Томске приняли решение магазин сохранить, однако теперь он будет работать в статусе обособленного подразделения муниципального учреждения «Музей истории Томска», подведомственного городскому управлению культуры. Как пояснил заместитель мэра А. Севостьянов, это единственный способ сохранить коллектив

и профиль «Академкниги». «При этом сотрудники, как и прежде, будут работать на самоокупаемости и самостоятельно вести торговлю книгами. Мэрия не претендует на ведение бизнеса, но возьмет на себя расходы по содержанию и аренде здания, а также поможет в расширении клиентской базы», – объяснил он. Вице-мэр отметил, что после закрытия магазинов «Академкниги» в Новосибирске томский магазин стал «уникальным в Сибири»⁸.

Специальная научная литература никогда не была особенно прибыльным товаром – книготорговцы называют ее «медленной» книгой, которая долго продается, медленно «оборачивается», а значит, и приносит бизнесу меньший доход. Книжные сети и магазины предпочитают работать с легко продаваемой литературой – художественной беллетристикой, фантастикой, нон-фикшн – это проще и выгоднее. Однако, несмотря на сложность ассортиментной работы и невысокую рентабельность сегмента книжного научного рынка, место ушедших магазинов очень быстро заняли альтернативные предприятия. В Новосибирске нет больше магазинов с названием «Академкнига». Уходят казавшиеся незыблемыми книготорговые предприятия и системы. Но за счет большого количества существующих и постоянно возникающих новых книготорговых предприятий происходит замещение, возникают новые форматы деятельности, способствуя оптимальному наполнению книжного рынка, балансу спроса и предложения.

*Статья поступила
в редакцию 03.08.2012*

⁵ Ассортимент «Академкниги» будет продаваться в «КапиталЪ». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roxi.ru/kapital; news.ngs.ru/more/276697> (дата обращения: 1.04.2012).

⁶ Закрытие сети магазинов «Академкнига» [Электронный ресурс]. URL: <http://academ.info/news/19055>; <http://news.ngs.ru/more/267917> [дата обращения: 3.03.2012].

⁷ Ассортимент «Академкниги» будет продаваться в «КапиталЪ»; Новосибирский книжный магазин «КапиталЪ» расторг договор с книжной сетью «Топ-Книга» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.roxi.ru/kapital; news.ngs.ru/more/276697> (дата обращения: 1.04.2012).

⁸ Томская «Академкнига» осталась единственной в Сибири. [Электронный ресурс] URL: <http://sib.adme.ru/akademkniga/tomskaaya-akademkniga-ostalas-edinstvennoj-v-sibiri-224355> (дата обращения: 5.03.2012).

УДК 004.7: 069

В.А. ЛАМИН¹, О.Н. ШЕЛЕГИНА²**«ОТКРЫТЫЙ АРХИВ СО РАН» КАК ЭЛЕКТРОННАЯ СИСТЕМА
НАКОПЛЕНИЯ, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ХРАНЕНИЯ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ***

¹д-р ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: lamin@history
²канд. ист. наук,
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск
e-mail: oshelegina@yandex.ru

Статья предлагает концепцию и первые результаты интеграционного проекта фундаментальных исследований «Открытый архив СО РАН» (2012–2014 гг.). Проект выполняется рядом научных институтов СО РАН гуманитарного профиля. Акцент сделан на информатизации исторических исследований и развитии технологии исторической фактографии.

Ключевые слова: информатизация, историческая фактография, электронный архив.

Координатором проекта «Открытый архив СО РАН» являются директор Института систем информатики им. А.П. Ершова (ИСИ) СО РАН, д-р физ.-мат. наук А.Г. Марчук, ученый секретарь проекта, канд. ист. наук И.А. Крайнева. В проекте принимают участие ИСИ СО РАН, Институт истории СО РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН, Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Бурятского научного центра СО РАН, а именно: музейные структуры этих институтов, объединенных Научным советом по музеям СО РАН.

Актуальность проекта базируется на идеологии синтеза гуманитарных наук и информационных технологий. Для введения в научный оборот широкого круга исторических источников необходимо формирование специализированного информационно-коммуникативного пространства – Открытого электронного архива СО РАН. Это расширит сферу приложения информационных технологий как средства визуализации артефактов, удобной среды для работы с архивными и музейными материалами, позволит реализовать возможности междисциплинарности в научных исследованиях, решить фундаментальную комплексную гносеологическую задачу повышения уровня доступности контента (источников), упорочить основание для получения истинного и достоверного знания в гуманитарных науках.

Работы по сохранению и представлению культурно-исторического наследия средствами информационных технологий ведутся и в России, и за рубежом. Этой тематике

посвящено значительное число научных конференций, организуются конкурсы научных проектов. Например, уже более десяти лет проводится всероссийская конференция по электронным библиотекам RCDL, поддерживаемая РФФИ; эта конференция аналогична европейской ECDL. В Европе, в рамках 7-й рамочной программы, как большой раздел поддерживаются проекты создания цифровых библиотек по разным гуманитарным направлениям.

Впечатляющие интернет-ориентированные представления артефактов и коллекций выполнены Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (<http://www.kunstkamera.ru>, этнографическая открытка), на сайте <http://gramoty.ru> в полном объеме представлен ценный исторический и лингвистический источник – древнерусские грамоты на бересте XI–XV вв. В 2010 г. обнаружен проект компании Google, создавшей онлайн-базу фотоархива журнала LIFE (<http://images.google.com/hosted/life>). Примеры можно было бы продолжить.

Многие вопросы, касающиеся создания музейных и архивных online-коллекций, уже принципиально решены, а именно: методика и технология создания электронных образов экспонатов (сканирование, цифровая фотография, обработка растровых изображений); создание и ведение локальной базы данных для произвольной коллекции; построение клиент-серверного решения для реализации внешнего (front-end) и внутреннего (back-end) интерфейсов к системе; структура метаинформационных полей для описания ресурсов общего назначения (Dublin Core) или объектов культурного наследия (СІМІ).

На базе технологий исторической фактографии, разработанных и апробированных на нескольких проектах в ИСИ СО РАН, создается платформа для хранения и актуализации коллекций академических архивов и музеев, отражающих научное наследие СО РАН. Музейные и архивные коллекции являются важным звеном в представлении исторических

* «Открытый архив СО РАН» – тема интеграционного проекта Сибирского отделения Российской академии, инициированного Институтом систем информатики им. А.П. Ершова СО РАН в 2011 г. и поддержанного Президиумом СО РАН. Проект будет выполняться в 2012–2014 гг.

фактов и источниковой базой для проведения фундаментальных научных исследований исторического характера в самых разных областях гуманитарного знания. Они практически не введены в широкий научно-информационный оборот. Более того, доступ к архивным источникам в последнее время затруднен из-за кадровых и финансовых проблем в государственных архивах. Необходимым требованием выполнения таких проектов является соблюдение Федерального закона «О защите персональных данных».

Значительную помощь в осуществлении подобных проектов оказывают достижения в поиске информации по ключевым словам и других сервисов. Так, компания Google создала и запустила в масштабное использование ряд сервисов, которые могут стать ключевыми для информационных систем нового поколения. Это географический сервис, позволяющий «привязывать» различные сущности, например музейные экспонаты, к точкам на мировой карте, сервисы, предоставляющие доступ к различным видам документов (фотографии, видеоклипы, текстовые документы различных форматов, отсканированные газеты и др.).

Однако далеко не все принципиальные вопросы методологии и технологии создания цифровых коллекций в настоящее время решены. Можно выделить такие проблемные области, как создание распределенных коллекций и баз данных, интеграция ресурсов из различных источников, формализация предметных областей и структуры электронных коллекций, построение настраиваемых на определенные требования интерфейсов, семантический поиск информации, систематическая наполняемость ресурса и др.

Одной из наиболее интересных для реализации систем нового поколения является концепция Semantic Web. Эта концепция задает математический формализм структуризации произвольных данных и способ фиксации свойств данных. Таким образом, в зависимости от направления использования можно формализованно задавать либо систему знаний, либо предметную область, либо элементы смысла данных, к которым относится соответствующая спецификация. Математические и технологические задачи, возникающие в направлении Semantic Web, широко изучаются в мире и нашей стране. В частности, можно отметить работу консорциума WWW по методологиям и технологиям «семантической паутины» и конференцию ЗОНТ (Знания, Онтологии, Теории), проводимую Институтом математики СО РАН. При всей перспективности похода Semantic Web пока мы не имеем хорошо зарекомендовавших себя технических решений, способных стать основой для музейно-архивных систем.

Появление больших, сложно устроенных данных поставило задачу их визуализации для упрощения работы с ними. В мире сформированы два сопряженных научных направления, которые быстро и успешно развиваются: это «визуализация информации» и «рисование графов». Предложен ряд интересных подходов к визуализации информации, позволяющих эффективно работать с большими и очень большими объемами сложно устроенных данных. В нашей стране эти направления развиваются очень слабо. Предполагается, что в научных задачах, касающихся привлечения музейного и архивного материала, вышеперечисленные подходы могут дать новое качество исследовательской работы как в области ИТ, так и в гуманитарных областях.

Проблемами доступа к информации в Сибирском отделении РАН занимаются несколько коллективов ученых

в разных направлениях. Так, задачи разработки и создания интеллектуальных информационно-поисковых систем для обеспечения научной деятельности, внедрения новых подходов к структуре основных компонентов таких программных систем решаются в ИВТ СО РАН и НГУ. В ИСИ СО РАН разработана технология исторической фактографии, которая дает в руки исследователя инструмент для архивации массивов разнородных артефактов (как по типу, так и по месту основного хранения) и связывания этих массивов с сопряженной информацией, такой как авторы, участники, организации, мероприятия, документы и др.

Эта технология базируется на концепции Semantic Web, собственных разработках в этом направлении, на опыте, полученном в результате выполнения ряда проектов музейно-архивной направленности (электронный архив академика А.П. Ершова <http://ershov.iis.nsk.su>, база данных «Хроника Сибирского отделения РАН» <http://chronicle.iis.nsk.su>, Исторический портал ММФ НГУ <http://globalmmf.ru>, портал ресурсов «Математическое дерево» <http://www.mathtree.ru>, электронный архив по проблеме Тунгусского метеорита <http://tunguska.tsc.ru>).

Проект «Электронный архив А.П. Ершова» оказался достаточно наукоемким: в период его подготовки защищено несколько дипломных и магистерских работ. Изучение электронного архива способствует подготовке публикаций: было подготовлено три монографии, защищена кандидатская диссертация по истории науки и техники, готовится диссертация в Принстоне. Результаты исследований представлены на Первом международном конгрессе SORUCOM-2006, проведенном под эгидой Международной федерации по обработке информации (IFIP), изданы в издательстве «Springer» [1; 2.]. Такой результат свидетельствует о высокой эффективности публикации архива документов в виде фактографической информационной системы.

Разработанная технология применяется для модернизации и развития создаваемых и поддерживаемых ИСИ СО РАН информационных систем научного, учебного и историко-культурного назначения, а также для создания новых баз данных. Технология была применена при создании электронного фотоархива Сибирского отделения РАН <http://soran1957.ru> и показала свою высокую эффективность. В настоящее время БД «Электронный фотоархив СО РАН» содержит свыше 30 тыс. фотодокументов по истории науки в Сибири, архив еженедельника «Наука в Сибири» за 1961–1997 гг. и киноархив СО РАН.

В проекте «Электронный фотоархив СО РАН» как консультанты и информанты принимали активное участие сотрудники СО РАН: Института истории, Института гидродинамики, Института теоретической и прикладной механики, Института ядерной физики, институтов Красноярского, Тюменского и Бурятского научных центров СО РАН, а также редакция еженедельника «Наука в Сибири», аппарат Президиума СО РАН, коллектив Выставочного центра СО РАН и др. Пользователями массива стали сотрудники Сибирского отделения, музеев, СМИ и различных ведомств в стране и за рубежом.

Целью предлагаемого проекта является создание методики и развитие технологий, направленных на разработку и апробацию эффективных методов комплексного подхода к созданию Открытого архива СО РАН посредством накопления разнородных данных в единой базе, применения новых математических методов обработки и визуализации

графов связей. Методологические исследования и прикладные разработки будут проведены в основном на материалах музейных и архивных коллекций институтов и музеев СО РАН, источников личного происхождения, коллекций, отражающих экспедиционную деятельность ряда институтов СО РАН. Важными результатами проекта будут выявление, описание и открытое представление артефактов, публикация монографических исследований по истории науки в Сибири на основе представленных источников.

Исполнение задач проекта по созданию, наполнению и администрированию системы, архивации артефактов, проведение на их основе соответствующих исследований и подготовка публикаций будут осуществлены в рамках четырех проблемных блоков: программистского, контентного, информационно-технологического и исследовательского (с публикацией результатов исследований на основе изученных во время реализации проекта источников). Для наполнения контента выбраны малоизвестные коллекции, такие как документы и материалы археографических экспедиций, архив известных этнографов, докторов исторических наук Г.И. Пелих и И.Н. Гемуева, архив Научного совета по музеям СО РАН, а также проблемные в плане сохранности архивы чл.-кор. АН СССР А.А. Ляпунова и д-ра физ.-мат. наук Ю.Б. Румера).

Важно отметить, что уже появились первые результаты реализации проекта. Подготовлена и сдана заявка на издание книги «Юрий Румер: координата действия». Юрий Борисович Румер (1901–1985), советский физик-теоретик, директор Института радиофизики и электроники СО АН СССР (1957–1964), был одним из корифеев Академгородка, выдающимся ученым и педагогом. Впервые в исторической науке и биографии подготовлено масштабное издание, посвященное этому замечательному человеку. Книга представляет собой сборник документов и воспоминаний, оригинальных работ и фотографий из архива семьи Ю.Б. Румера, его дочери Татьяны Юрьевны и Михаила Юрьевича Михайловых. Помимо семейного архива составители книги привлекли не публиковавшиеся ранее материалы из Архива МГУ, НГУ и Научного архива СО РАН. По прошествии времени фигура Ю.Б. Румера – ученика Макса Борна, последователя Альберта Эйнштейна, друга Льва Ландау – приобретает ясность и рельефность благодаря новым документам и статьям, которые предполагается опубликовать в этой книге.

Не менее известна в истории отечественной науки личность чл.-кор. АН СССР А.А. Ляпунова, выдающегося отечественного математика, кибернетика, создателя школы программирования, специалиста в области лингвистики и машинного перевода, человека разносторонних знаний и интересов. Трагична судьба его научного наследия. Некоторая часть архива и библиотеки А.А. Ляпунова была утрачена после закрытия его мемориальной комнаты в Институте вычислительной математики и математической геофизики СО РАН в 1990-х гг., часть передана в Архив РАН. Часть хранится в семье его старшей дочери Наталии Алексеевны. В рамках проекта ведется оцифровка наследия из семейного собрания, в настоящее время в цифровую форму переведено 2,5 тыс. документов.

Редкой удачей для исследователей станет публикация дневников этнографических экспедиций Г.И. Пелих и И.Н. Гемуева. Учитель и ученик внесли значительный вклад в исследование традиционной культуры аборигенов Сибири, являлись ярчайшими представителями сибирской

этнографической школы. В настоящее время оцифровано 978 л. дневников И.Н. Гемуева, а также 851 л. материалов еще одного представителя сибирской этнографической школы – В.А. Тимохина, который занимался изучением культуры и быта алтайцев.

На данном этапе проекта ведется также систематизация и дигитализация архива Научного совета по музеям СО РАН, имеющего важное значение для развития исследований в области отечественной и региональной истории науки и культуры, формирования и развития музейного мира Сибири.

Специализированный совет по музейным проблемам приобрел статус одного из научных советов Сибирского отделения. В 1978 г. Музейный совет СО АН СССР возглавил академик А.П. Окладников. Материалы деятельности совета нашли отражение на страницах периодической печати.

С 1991 г., в связи с организацией ряда научных центров СО РАН, активизацией общественной жизни начался новый этап, инициативного создания музеев. В июне 1994 г. Научный совет по музеям при Президиуме СО РАН (председатель чл.-кор. РАН Л.М. Горюшкин) был вновь создан с целью упорядочения развития музейного дела в отделении, сохранения национального достоинства народов, населяющих Сибирь, распространения научных знаний и содействия развитию образования и культуры в регионе. В состав совета вошли представители музеев и академических институтов отделения. Музей СО РАН создан как структурное подразделение Института истории СО РАН, научно-просветительный центр Президиума СО РАН, он стал также местом сосредоточения соответствующего научного архива.

В марте 1997 г. Президиумом СО РАН было принято постановление «О состоянии и перспективах развития музеев СО РАН», предусматривающее их целевое финансирование. Для реализации этого постановления Научным советом определялись в качестве важнейших такие направления деятельности музеев, как полная научно-техническая инвентаризация фондов, формирование единого банка данных о музейной сети СО РАН. Материалы проведенной в этом году научно-практической конференции «Музейное дело в Сибири: традиции, современность, перспективы» уже представлены в Открытом архиве СО РАН.

Деятельность Научного совета осуществлялась в дальнейшем на основе научно-исследовательской программы «Музеи СО РАН: история и современность», основывающейся на необходимости оценки ресурсов подразделений институтов, занимающихся музейной деятельностью, их структуризации, выявления потенциала и перспектив развития академических музеев [3]. В процессе реализации программы сформировался архив, включающий 1) нормативные документы: распоряжения, инструкции, постановления Музейного совета РАН, постановления Президиума СО РАН по вопросам музейной деятельности, 2) делопроизводственную документацию: организационно-распорядительную (решения Научного совета по музеям СО РАН), плановую (программы деятельности и планы по их реализации), отчетную (отчеты о работе музеев, информации о результатах работы Научного совета за соответствующий период), а также презентационные (буклеты, проспекты, каталоги) и иллюстративные (фотографии, планы, эскизы к дизайн-проектам) материалы.

В настоящее время под эгидой Научного совета по музеям СО РАН успешно функционирует Байкальский музей как самостоятельное научно-исследовательское уч-

реждение СО РАН, Музей Бурятского научного центра как подразделение Президиума БНЦ, 38 подразделений СО РАН, занимающихся музейной деятельностью на правах секторов, исследовательских и инициативных групп [4]. В деятельность Научного совета активно внедряются инновационные разработки (портал «Музеи СО РАН», формы электронного менеджмента), что дает возможность включения после соответствующей технологической адаптации цифровых документов (с 2012 г.) в Открытый архив СО РАН.

Реализация этого интеграционного проекта в целом будет способствовать созданию в Сибирском отделении Российской академии наук электронных баз данных, публикации новых исторических источников в открытом доступе, проведению исследований на новом технологическом уровне, содействовать развитию междисциплинарных и международных программ накопления, представления и хранения научного наследия.

Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры / Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец (руководители авторского коллектива), А.А. Люцидарская и др. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. – 424 с.

Всестороннее изучение регионального своеобразия этнических культур восточных славян в контексте внутренних и внешних связей помогает глубже понять и осмыслить современные интеграционные процессы, происходящие как в

масштабах Союзного государства, так и всего евразийского пространства. Традиционная культура, аккумулирующая в себе богатейший исторический опыт предыдущих поколений, выступает одним из важнейших факторов сохранения и поддержания устойчивого развития не только отдельно взятой этнической общности, но и целых регионов, таких, например, как Западная и Восточная Сибирь. Первым комплексным исследованием традиционной культуры сибирских белорусов стала коллективная монография «Белорусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры», подготовленная совместно учеными Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук и Института искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы Национальной академии наук Беларуси. В работе раскрывается целый комплекс проблем функционирования народных традиций в пространстве и времени, затрагиваются различные аспекты межкультурного взаимодействия белорусов и русских, выясняются трансформации элементов материальной и духовной культуры белорусских крестьян-переселенцев Сибири XIX – XX вв.

Исследование опирается на широкий круг документальных источников XVII–XX вв., богатейшие полевые фольклорно-этнографические материалы, собранные в 1980–2000-х гг. как в местах компактного проживания белорусов-переселенцев в Западной (Новосибирская, Омская, Тюменская, Кемеровская области) и Восточной (Читинская область, Красноярский край) Сибири, так и местах их «исторического» происхождения в Беларуси. В результате были локализованы населенные пункты первоначального

ЛИТЕРАТУРА

1. *Krayneva I.* Academician Andrei Ershov and His Archive. Perspectives on Soviet and Russian Computing. First IFIP WG 9.7 Conference SoRuCom 2006. Petrozavodsk, 2006.
2. Revised Selected Papers / Eds. J. Impagliazzo, E. Proydakov. Series: IFIP Advances in Information and Communication Technology. 2011. Vol. 357. P. 117–125. (N. Cheremnykh, coauth.).
3. *Шелегина О.Н.* Музеи СО РАН: история и современность // Гуманитарные исследования: итоги последних лет: сб. тез. Новосибирск, 1997.
4. Музеи научных центров и институтов Сибирского отделения Российской академии наук: Очерки формирования и развития / под ред. В.А. Ламина, О.Н. Труевцевой. Новосибирск, 2009. 262 с.

Статья поступила
в редакцию 02.09.2012

выхода переселенцев, на основании чего были уточнены данные об их расселении по конкретным районам Сибири, а также выявлены и сопоставлены фамильные «гнезда», религиозная принадлежность переселенцев и т.д. Была собрана база данных о традиционной культуре, позволившая провести сравнительное изучение особенностей культуры белорусского этноса и белорусов-переселенцев, более ста лет проживающих в Сибири.

Монография состоит из введения, основной части, заключения и трех приложений. Первая глава книги (А.А. Люцидарская, Р.Ю. Федоров и Е.Ф. Фурсова) посвящена истории появления белорусов в Сибири, особенностям их расселения и стратегиям адаптации к новым природно-географическим, социально-экономическим и этнокультурным условиям. Уже с XVII в. выходцы из белорусских земель несли ответственную военную и административную службу на просторах Сибири, активно участвовали в культурно-хозяйственном освоении новых земель. Целыми волнами миграций белорусских крестьян был отмечен XIX в., когда в Сибирь были переселены даже группы бывших панцирных бояр. Последние длительное время сохраняли самобытные культурные черты, самоназвание и историческую память о своем происхождении. Миграции малоземельных крестьян из Витебской, Минской и Могилевской губерний в Сибирь продолжались в начале XX в., а также в годы Столыпинской аграрной реформы, потом – в 1920–1930-е гг. Как справедливо отмечают авторы работы, в полной мере представить масштабы этих переселений сложно вследствие размытости этнического сознания переселенцев, самоопределявшихся в ряде случаев как «литвины», «русские», «поляки» и др. Тем не менее, сопоставление сведений разноплановых источников позволило сделать вывод, что подавляющее большинство, например, осевших в Сибири «литвинов» были выходцами именно с белорусской этнической территории.

Особый интерес в монографии, на наш взгляд, представляет попытка выяснения ценностных ориентаций и ментальных установок в среде белорусских переселенцев Сибири конца XIX – начала XX в., предпринятое Е.Ф. Фурсовой на основании полевого исследования коллективной памяти старшего поколения сибирских белорусов. Основной

причиной переселения белорусских крестьян этого периода, как известно, было их малоземелье. Однако личностные и семейные мотивации изменения местожительства до последнего времени оставались вне поля зрения историков, этнологов и фольклористов. А ведь, как отмечает Е.Ф. Фурсова, «период освоения сибирских земель, по признанию наших информаторов, сопровождался сильными стрессами, причиной чего было расставание с этнической территорией («родной землей», «батьковщиной»), приспособление к новым природно-климатическим условиям, вживание в новую социально-экономическую и этническую среду». Это, в свою очередь, приводило к усилению этнокультурной консолидации переселенцев в новых местах проживания на уровне отдельных семей и групп односельчан, что позволяло долгое время сохранять духовные ценности и традиции своего народа.

Проблеме сохранения и трансформации традиционной духовной культуры белорусов в трансграничном пространстве Беларуси и Сибири посвящена вторая глава монографии. Авторы (Е.Ф. Фурсова, А.В. Титовец, А.И. Голомянов, Р.М. Ковалева, О.В. Приемко и Т.К. Тяпкова) на основании анализа комплексов семейных и календарных обрядов и обычаев прослеживают динамику изменений духовных традиций белорусов на протяжении конца XIX – начала XXI в. и определяют наиболее устойчивые, базисные элементы традиционной культуры. Следует отметить, что в ряде случаев белорусские переселенцы в Сибири не только сохранили многие самобытные традиции, но и существенно их развили и приумножили. Трансформация календарной и семейной обрядности в значительной степени зависели от формы расселения – компактной либо дисперсной, а также этнокультурных особенностей окружающего населения.

В третьей главе работы (Г.И. Касперович, С.А. Милоченков, Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров) раскрываются изменения в области традиционной материальной культуры народов Беларуси и России в XIX – начале XXI в. Культурное освоение сибирских территорий требовало приспособления к местным природно-климатическим, социально-экономическим и этнокультурным условиям, что приводило к перестройке многих элементов культуры переселенцев (жилище, одежда, питание и т.д.). Так, исследование белорусской традиционной одежды показывает, что переселенцам были известны близкие к русским рубахи, сарафаны и юбки. Вместе с тем в Сибирь были привезены образцы, неизвестные в среде местного старожильческого населения. Некоторые из них, в частности, безрукавного покроя вскоре вышли из употребления. Потомки белорусских переселенцев уже во втором-третьем поколениях не имели представления о «свитках» или «кожухах», которые носили их предки. Они стали пользоваться сибирскими видами меховой одежды, которые, впрочем, по форме и покрою имели много общего с белорусскими образцами. Мужчины быстро заимствовали сибирский способ ношения овчинных полушубков с заправкой их внутрь верхних очень широких в поясе холщевых штанов – «брюк».

Особое внимание в исследовании уделено разнообразным признакам и формам проявления идентичности в

артефактах традиционной культуры, которые в условиях стремительной глобализации современного мира имеют особенно большое значение для устойчивого развития части белорусского народа за пределами этнической родины. Так, у белорусов Сибири и в местах их выхода из ряда населенных пунктов бывшей Могилевской губернии до настоящего времени бытует обряд ежегодной передачи иконы из дома в дом, называемый «Свеча». Он выполняет важную функцию сохранения соборности сельской общины.

В работе также раскрываются механизмы (способы) сохранения и воспроизводства традиционной белорусской культуры, характер изменений ее в отдаленных друг от друга трансграничных регионах. Основным среди них является первичный механизм, который представляет собой естественный (аутентичный) способ передачи этнокультурной информации в различных коммуникативных формах – устной, предметно-чувственной и др. При этом главной формой выступает вербальная информация (фольклорный текст и т.п.), передача которой осуществляется на основе непосредственных контактов носителей этнической культуры. Для сохранения и воспроизводства этнической культуры белорусов Сибири, практически утративших синхронные (горизонтальные) связи со своей «исторической» родиной, определяющую роль играют диахронные (вертикальные) связи.

Для более глубокого понимания основных путей адаптации белорусов в Сибири авторами были разработаны понятия «переселенческой» и «исходной» моделей культуры. К «исходной модели» были отнесены базисные основы этнической культуры первичной территории проживания, которые играли роль главных маркеров этнокультурной идентичности при освоении бескрайних просторов Сибири. «Переселенческая модель» включает в свой состав наряду с базисными основами этнической культуры перестроенную часть, позволявшую приспособляться к новым условиям существования. Сравнительный анализ «переселенческих моделей» в Сибири с «исходными моделями» в Беларуси позволил решить вопрос о степени динамичности и статичности компонентов традиционной белорусской культуры.

В приложениях опубликованы перечень сельских населенных пунктов различных районов Сибири с преобладанием лиц белорусской национальности (по материалам переписи населения 1926 г.), образцы аутентичного фольклора белорусских переселенцев, а также описание традиционного свадебного обряда, записанного на территории Беларуси в одном из мест исторического переселения белорусов в Сибирь. Издание богато проиллюстрировано оригинальными фотографиями и рисунками.

Таким образом, на основании сопоставления исторических, этнографических и фольклорных материалов совместными усилиями российских и белорусских исследователей впервые осуществлена масштабная реконструкция процессов межкультурного диалога, протекавшего на самых различных уровнях жизнедеятельности этнических общностей отдаленных друг от друга трансграничных регионов.

канд. ист. наук *Ю.И. Внукевич*,
Институт искусствоведения, этнографии
и фольклора им. К. Крапивы НАНБ,
г. Минск, Республика Беларусь

Исмаилов А.М. Русскоязычное книгоиздание в межэтническом взаимодействии государств Центральной Азии. – Новосибирск, Изд-во Новосибирского военного института, 2012. – 410 с.

Конец XX века, когда распалась биполярная система международных отношений, обусловил рост внимания к проблеме культурных связей между государствами и народами. В настоящее время

особое значение придается изучению опыта культурного взаимодействия, накопленного на протяжении веков.

Сегодня мы можем говорить не только об актуальности изучения русскоязычного книгоиздания в Центральной Азии, но и значимости проблемы для историко-книжной науки, а также для истории отечественной культуры.

Выход в свет монографии А.М. Исмаилова «Русскоязычное книгоиздание в межэтническом взаимодействии государств Центральной Азии» свидетельствует о том, что книжные контакты являются составной частью мирового культурно-исторического процесса, поэтому исследование проблем функционирования национальной (в данном случае русскоязычной) книги вне пределов основной территории проживания нации имеет значение не только узкоспециального характера.

Опыт изучения истории отечественной книжной культуры показывает, что русскоязычная книга внесла значительный вклад в общемировую культурный процесс. Вместе с тем, следует отметить, что анализ социального бытования русскоязычной книги за рубежом до сих пор еще не занял в книговедении того места, которого по праву заслуживает.

Повышающийся интерес исследователей к истории русскоязычного книгоиздания за рубежом не случаен. Он вызван целым рядом культурно-исторических и социально-политических причин.

Не анализируя данной многогранной проблемы в целом, автор монографии поставил перед собой иную задачу: рассмотреть русскоязычную кишу, прежде всего, в качестве межгосударственного, межнационального явления, имеющего место в группе самостоятельных государств, возникших после распада Советского Союза. После обретения фактической самостоятельности некоторые руководители государств центрально-азиатского региона, активно строя национальную культуру, признают особый статус русской культуры.

Значение научного анализа проблемы межэтнического взаимодействия обуславливается тем, что в процессе взаимодействия организуется деятельность полиэтничного сообщества. От совершенствования процессов межэтнического взаимодействия на всех уровнях во многом зависит и перспектива самого общества, степень его целостности и уровень прогрессивности.

Как справедливо замечает автор: «...русскоязычная книга служила, служит и продолжает служить развитию международных контактов, оставаясь важнейшим свидетелем истории эволюции различных государств и народов, существующих на территории региона». В исследовании рассмотрены сведения, связанные с историей русскоязычной книги в одном из значимых регионов Евразии в весьма сложный период его социальной эволюции.

Данный труд весьма необходим к использованию курсантами, слушателями и преподавателями высших военных образовательных учреждений профессионального образования внутренних войск МВД России, а также для подготовки и проведения занятий по отечественной истории, социологии, международному праву, переводоведению, правовой и общественно-государственной подготовке, в ходе выполнения служебно-боевых задач.

На основе приводимых в монографии материалов впервые в книговедческой практике удалось реконструировать тенденции процесса выпуска книг на русском языке в центрально-азиатских республиках после событий 1991 г.

Издание книг на русском языке развивалось одновременно с утверждением суверенитетов вновь образованных государств, воплощая в себе сложные и противоречивые процессы. Русскоязычная книга, опубликованная в новых азиатских государствах, становилась важнейшим свидетелем происходивших событий.

Впервые в данной работе упоминаются свидетельства о современной практике выпуска русскоязычной книги, отражающей ортодоксальные истины ислама. Благодаря данному труду становится возможным не только проследить эволюцию книгоиздания на русском языке, но и воссоздать общую картину издательской практики на территории центрально-азиатских государств в постсоветский период.

Особенностью избранной темы является то, что она находится на стыке взаимодействия социологии, этносоциологии, социальной коммуникации, демографии и других наук.

А.М. Исмаилову удалось подтвердить взаимосвязь выпуска русскоязычной книги с процессами, происходившими в новых государствах. Проведенное исследование в значительной своей части построено на статистических и текущих архивных материалах, ранее не использованных специалистами.

Велика и практическая значимость монографии. Материалы, имеющиеся в работе, могут быть использованы при создании новых научных трудов по истории русского книжного дела в странах Центральной Азии и истории русской культуры на территории этого региона.

С большей долей уверенности можно утверждать также, что материалы, имеющиеся в работе, могут быть востребованы и при подготовке спецкурса «Региональное книговедение» в вузах культуры и искусств, учреждений системы специального образования, а также при выработке рекомендаций при разработке Программы государственной поддержки русского языка за пределами России.

Материалы монографии позволяют утверждать, что в конце XX – начале XXI в. русскоязычная книга приближала читателя к познанию многоаспектных проблем современной цивилизации, способствовала развитию национальных культур азиатских стран СНГ. Накоплен большой исторический опыт сотрудничества народов, сформировался общий пласт культуры, выступающий в настоящее время, в свою очередь, фактором относительной межэтнической стабильности.

Вопрос толерантности и признания культурных, национальных различий становится одним из важнейших условий дальнейшего развития человечества.

Однако решение данной проблемы лежит не в этнической унификации, национальной индифферентности и социокультурной анонимности социальных общностей, а в нахождении моделей социальной коммуникации, позволяющих сохранить или сформировать позитивно-ресурсные основания национальных культур в условиях усиливающегося и усложняющегося межэтнического взаимодействия, которое, в свою очередь, по-своему определяет и влияет на особенности формирования локальных социумов и социальных групп.

Овчарова М.А. Мордва Алтай: история и этнокультурные процессы (XIX – начало XXI в.) / отв. ред. И.В. Октябрьская. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. 228 с.

Изучение малочисленных подразделений этноса вне территорий их традиционного проживания, в частности исследование формирования и специфики развития этих общностей, выявление факторов, влияющих на их культурную, языковую и хозяйственную адаптацию, на сохранение и трансформацию традиционной культуры, является актуальным направлением исследований в современной российской этнографической науке. Это касается также изучения мордовского этноса на Алтае (входящего в этом регионе в первую десятку народов по численности населения). Монография М.А. Овчаровой представляет собой первое исследование, которое посвящено комплексному историко-этнографическому изучению мордовского населения в Алтайском крае в XIX – начале XXI в. Актуальность темы монографии определяется характерным для российского общества интересом к этнополитической и этнокультурной проблематике, особенно в условиях глобализации и нивелировки этнических различий, с одной стороны, и задачами сохранения культурного наследия – с другой.

Монография М.А. Овчаровой стала результатом основательной работы над темой, о чем свидетельствует внушительный список архивных источников и научной литературы. Исследование базируется на обширном комплексе опубликованных и неопубликованных источников: нормативно-законодательных документах, статистических материалах, делопроизводственной документации, материалах периодической печати, полевых этнографических материалах автора, собраниях музейных коллекций. Введены в научный оборот новые материалы, даны их систематизация, анализ и классификация.

Примененный автором методологический подход базируется на традиционных для этнографической науки методах сбора и анализа материалов (интервью, анкетирование, метод научного системного описания и т.д.). Теоретической основой исследования послужили концепции этноса, этнической истории, этнического самосознания, теории культуры и хозяйственно-культурной адаптации, ставшие

Хотелось бы отметить доступную форму изложения результатов исследования в монографии, что позволяет рекомендовать ее широкому кругу читателей.

Исследование можно считать вполне успешным, заслуживающим всяческого развития.

д-р юрид. наук С.Б. Глушаченко,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург

уже классическими для отечественной науки (теория этноса Ю.В. Бромлея и Р.Ф. Итса, концепция этнической культуры С.А. Арутюнова и др.). Исследования (как полевые, так и работа с документами и музейными коллекциями) охватили все районы компактного расселения мордвы на Алтае, они отражают региональную специфику исследуемого этноса. Маршруты экспедиций прошли практически по всем мордовским деревням и селам Алтайского края, что свидетельствует об основательном подходе к сбору полевого материала. Монография богато иллюстрирована (представлены фотоматериалы полевых исследований автора и снимки из музейных коллекций), которые существенно украсили и оживили научный этнографический текст.

Объектом исследования М.А. Овчаровой выступает мордовское население Алтая. Предметная сфера исследования включает этнокультурную и этносоциальную историю мордвы. В структуре монографии нашли отражение методологические установки автора. В четырех главах последовательно решаются поставленные задачи. М.А. Овчаровой впервые предпринят комплексный анализ истории формирования мордовского этнического массива Верхнего Приобья с момента расселения мордвы на территории степного Алтая и до современного периода; с выделением отдельных зон, этапов и особенностей расселения мордвы-эрзя и мордвы-мокша в Алтайском крае.

Первая глава монографии посвящена истории формирования мордовского населения Алтая. На основании широкого круга архивных и полевых источников автор воссоздает процесс заселения мордвой Алтайского края. Ею предложена периодизация данного процесса, в частности, выделяются пять этапов формирования мордовского сообщества Алтая, различающиеся количественными и качественными показателями: до 1865 г., 1865–1899 гг., 1906–1916 гг., 1920–1930 гг., 1939–1942 гг. Каждый этап имел свои особенности в направлении и характере миграций, в выборе и способах освоения отдельных природно-ландшафтных и административных районов Верхнего Приобья.

Во второй главе рассматривается территория расселения мордвы и поселенческая структура данной группы. Автор впервые отчетливо обозначает исторически сложившиеся зоны компактного расселения мордвы в пределах Алтайского края (предтаежные, предгорные, лесостепные

районы): северные и северо-восточные районы – Причумышье, восточные и юго-восточные – зона Бийского Приобья, западные – Кулунда, центральные районы – зона Приобья. Для каждой из зон в рамках авторского исследования выявляется специфика расселения (компактного и дисперсного), обозначаются субэтнические ареалы (эрзянский и мокшанский), дается оценка адаптационных процессов, раскрывается культурно-хозяйственная специфика жизни мордовских переселенцев. На основании разнообразного полевого материала в монографии описывается типология построек, а также традиционное оформление интерьера у мордовских семей, сохранившегося в ряде селений Алтая до настоящего времени.

В третьей главе представлена этнокультурная характеристика мордвы Алтая. Выявлены условия и факторы, определявшие этнокультурную адаптацию мордвы к условиям Сибири. Дана подробная характеристика современной этносоциальной и этнокультурной ситуации в среде этнотерриториальной группы – мордвы Алтая – с учетом ее специфики и динамики. Рассматриваются хозяйственные традиции, особенности культуры жизнеобеспечения, аспекты соционормативной культуры мордовского населения. Автором сделана попытка выявить степень сохранности и бытования семейной обрядности в местах локального расселения мордвы эрзя и мокша на Алтае. Выделены этапы свадебного и похоронного обрядов. Особое внимание уделено анализу сохранившихся традиционных черт культуры, рассматриваемых как этнические маркеры. Отмечается, что со второй половины XX в. происходит нивелировка культурных традиций. Причем наиболее устойчивыми элементами традиционной мордовской культуры являются пища и некоторые обрядовые традиции.

В четвертой главе монографии с привлечением разносторонних источников (переписи, архивные документы, полевой материал и др.) дана исчерпывающая картина трансформации языковой культуры мордовского населения; представлены основные тенденции в проявлении этнического самосознания сообщества мордвы Алтая, с учетом историко-демографических процессов XX – начала XXI в. Указаны предполагаемые причины утраты этнической идентичности у мордовского населения Алтайского края; определены вероятные перспективы этнокультурного возрождения данной этнической группы.

Для профессиональных историков представляет особый интерес опыт детального (на уровне сел и отдельных семейных кланов) изучения миграционного сообщества, которое формировалось и трансформировалось на протяжении XIX–XXI вв. Этническая история рассматривается автором в общероссийском контексте. Некоторые аспекты региональной и этнической истории мордвы впервые подверглись научному анализу. Оригинальность работе придают материалы устной истории, которые М.А. Овчарова собирала в ходе историко-этнографических экспедиций начиная с 1998 г. Выводы автора относительно трансформации социально-демографических, культурно-хозяйственных и языковых особенностей мордвы Алтая в ходе двух с лишним веков адаптации представляются вполне убедительными. Рецензируемая книга, несомненно, представляет интерес для широкого круга читателей, прежде всего для историков, этнографов и краеведов.

*Канд. ист. наук О.В. Голубкова,
Институт археологии и этнографии СО РАН,
г. Новосибирск*

НОВЫЙ ЭТАП НАУЧНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЕКТА «КУЛЬТУРА И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ РОССИИ» (ОМСК, 16–18 ОКТЯБРЯ 2012 г.)

Одним из приоритетных направлений в совместной научной деятельности ученых Омского государственного университета, Сибирского филиала Российского института культурологии, Омского филиала Института археологии и этнографии СО РАН является научно-коммуникативный проект «Культура и интеллигенция России». Его цель – разработка междисциплинарных исследовательских моделей изучения научных сообществ, творческих личностей, образов регионов, культурного пространства городов и пограничных территорий. Проект отличает проблемно-блочное структурирование и поэтапная реализация общей цели установления коммуникационных сетей между научными и научно-образовательными центрами, между специалистами (историками, философами, социологами, культурологами, науковедами, архивистами, музеологами, искусствоведами и др.) России и ближнего зарубежья, что позволяет формировать «пространство без границ».

16–18 октября 2012 г. в Омске проходила очередная VIII Всероссийская научная конференция с международным участием «Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в динамике социально-политических модернизаций». Тезисы докладов прислали 140 представителей академической и вузовской науки, музеев и архивов из 36 городов России (включая Омск), четырех городов Казахстана, двух городов Украины, одного города Германии. С докладами выступили исследователи из Абакана, Архангельска, Баден-Бадена (Германия), Барнаула, Бердска, Караганды и Кошетау (Республика Казахстан), Кургана, Миасса, Москвы, Новосибирска, Омска, Петрозаводска, Сыктывкара, Череповца. Новшеством в организации работы конференции стало включение докладов в видеозаписи и в форме слайдовых презентаций. Благодаря этому состоялся виртуальный диалог с 11 докладчиками из Алматы (Казахстан), Баден-Бадена, Воткинска, Иванова, Кривого

Рога (Украина), Москвы, Оренбурга, Саратова, Ставрополя, Харькова (Украина).

Работу конференции открыла пленарная сессия «Коммуникативные стратегии научных сообществ и современные исследовательские практики». Обсуждались модели изучения коммуникативного поля исторической науки (В.П. Корзун, Омск), способы формирования научной и межкультурной коммуникации, создания коммуникационных площадок, в т. ч. междисциплинарного типа (Д.А. Алисов, О.В. Петренко, В.Г. Рыженко, Омск; С.В. Любичанковский, В.А. Любичанковский, Оренбург). В качестве инструмента для повышения эффективности коммуникаций гуманитариям было предложено использовать технологию «когнитивного ассистента» (Л.И. Рыженко, Омск). Предлагалось осмыслить новое явление в коммуникациях рубежа XX–XXI вв. в виде деятельности межнациональных культурных сообществ (В.Ш. Назимова, Э.М. Фромберг, Баден-Баден, Германия). Концепция создания словаря-справочника по изобразительному искусству Сибири как междисциплинарной научной коммуникации была изложена в докладе В.Ф. Чиркова (Омск). Коммуникативные исследовательские практики различного типа в динамике исторических реалий и в виртуальном пространстве, в личностных и социальных измерениях были охарактеризованы в выступлениях А.В. Антощенко (Петрозаводск), Б.А. Конинова (Омск), в видеодокладах С.И. Маловичко (Москва), Т.А. Булыгиной (Ставрополь), Р.Б. Казакова, Д.А. Добровольского, М.Ф. Румянцевой (Москва), в сообщениях Ю.П. Денисова (Омск), Т.О. Антюховой (Курган).

Доклады второй пленарной сессии «Интеллигенция в социально-политических модернизациях: деятельность, идеалы, ценности» продолжили рассмотрение современных исследовательских практик, представленных одновременно и как историографическое событие, и как тип коммуникации своего времени. Именно такими особенностями отличался доклад Н.П. Матхановой (Новосибирск), открывший работу этой сессии. Она предложила перспективу анализа общественно-просветительской деятельности врачей и медицинских обществ Сибири XIX в. по трем линиям коммуникации: врачи – власть, врачи – общество, врачи – профессиональная корпорация медиков. Роль общественных объединений как структур формирования и жизнедеятельности провинциальной интеллигенции России в конце XIX в. – 1910-х гг. показала О.Ю. Солодянкина (Череповец), обратившись к сравнению ситуаций в Вологде и Череповце. Проблемы поведения интеллигенции в переломные эпохи гражданского противостояния, выяснение влияния общественно-политических модернизаций на духовное образование, специфику деятельности отдельных социальных групп (учительство, духовенство) в разных регионах России и Казахстана обсуждались в выступлениях Г.Т. Каженовой (Кокшетау, Казахстан), Т.А. Санакиной (Архангельск), О.В. Блиновой (Омск), Н.А. Земляковой (Новосибирск). В видеодокладе О.Л. Рябченко (Харьков) была предложена интерпретация взаимоотношений студентов и профессоров вузов советской Украины 1920–1930-х гг., отражающая современные подходы к советской истории в украинской историографии. В видеопрезентации своего доклада А.А. Галиев (Алматы) обратил внимание на участие и ответственность интеллигенции стран СНГ в создании мифологизированной истории. А.Д. Каксин (Абакан), акцентируя внимание на вкладе Н.Ф. Катанова в российскую науку и сохранении памяти о нем на родине,

обозначил поворот к другой ключевой проблеме конференции – к формам трансляции исторической памяти.

Третья пленарная сессия «Культура регионов России и пограничных территорий: социальные и личностные измерения. Творчество и политика» открылась совместным докладом З.Г. Сактагановой и Д.К. Оспановой (Караганда, Казахстан), посвященным усилиям неправительственных организаций в Республике Казахстан по построению гражданского общества. М.А. Жигунова (Омск) остановилась на результатах социологических опросов современной молодежи, отражающих болевые точки современной культуры русского населения Западной Сибири и разрыв с традиционными нравственными ценностями.

Особое место в работе третьей сессии заняли доклады, посвященные творческой интеллигенции. Было выделено участие ее представителей в формировании частной застройки начала XX в. как явления национальной культуры (В.Ю. Маркина, Москва), в развитии культурной среды городов-новостроек (Р.С. Колокольчикова, Череповец), а на примере судеб С.Г. Писахова и А.А. Борисова показаны трансформации творчества художников-краеведов Европейского Севера (М.А. Смирнова, Архангельск), рассмотрен вклад репрессированных художников и архитекторов в культурную жизнь Коми края 1940–1950-х гг. (Н.Ж. Беляева, Сыктывкар). Дискуссионный характер носил доклад М.С. Петренко (Бердск), посвященный героям В. Аксенова. Завершил этот блок доклад В.П. Касьянова (Омск), поделившегося результатами своих исследований жизни и творчества скульптора В.Ф. Винклера.

Первый день работы завершился театрализованной презентацией экспериментального выставочного проекта «Русское поле», посвященного 200-летию Отечественной войны 1812 г. Проект подготовлен организаторами конференции – сотрудниками Государственного областного художественного музея «Либеров-центр». Тем самым была подготовлена атмосфера для работы круглого стола «Юбилейные события российской истории в научных и художественных образах. Формы трансляции исторической памяти: личностное измерение». В центре внимания участников дискуссий оказались практики репрезентации мемориальных и юбилейных событий российской истории (Г.Е. Лузянина, Омск), организации юбилеев городов (И.Г. Малкова, Миасс), отношения к юбилеям выдающихся деятелей российской культуры в динамике смены культурных парадигм (Е.А. Акелькина, Омск). Необычный поворот темы интерпретации мест памяти на примере творчества А.С. Пушкина был предложен в видеодокладе В.В. Ленской (Кривой Рог, Украина). Вариант соединения *места* памяти (Воткинск) и *фигуры* памяти (П.И. Чайковский) содержался в презентации доклада Т.О. Санниковой (Воткинск). Стратегии проектирования музейных экспозиций для сохранения памяти о событиях советской истории, особо значимых для истории отдельных городов России, были представлены Е.М. Раскатовой и М.А. Миловзоровой (Иваново).

В дискуссии были выявлены новые ракурсы обсуждаемых проблем. А.Д. Каксин предложил уделять большее внимание подготовке к юбилеям, В.Ф. Чирков – обратить внимание на теоретическую сторону (понятие «юбилей»), на социальную проблему переоценки ценностей, на мифологизацию истории в период подготовки и празднования юбилеев. И.Г. Малкова сделала акцент на необходимости активно вовлекать молодежь, поддерживать ее инициа-

тивы по сохранению исторической памяти. По мнению Л.В. Секретовой (Омск), возможности для этого имеются в использовании социально-культурных технологий индустрии досуга. А.В. Жидченко (Омск) предложил учитывать значение топонимического ландшафта для сохранения культурной памяти городского сообщества. О.Ю. Солодянкина обратила внимание на важность разграничения научных подходов к феномену юбилеев и существующих административных практик, необходимость учета опыта других городов. Д.А. Алисов особо подчеркнул целесообразность регулярного обсуждения проблем поиска механизмов и инструментов, посредством которых можно было бы повысить влияние ученых на формирование исторической памяти (через различные коммуникативные площадки, посредством новых форм ее трансляции).

Подводя общие итоги работы конференции, участники отметили, что состоялся продуктивный интеллектуальный диалог на междисциплинарной коммуникативной площадке, одобрили практику реализации омского научно-коммуникативного проекта «Культура и интеллигенция России». Для дальнейшего специального обсуждения было предложено обратиться к феномену советской интеллигенции, а также провести серию круглых столов, посвященных проблемам исторической памяти и юбилейных событий. Последнее особенно актуально для Омска, приближающегося к своему 300-летию.

В.Г. Рыженко, д-р ист. наук,
Сибирский филиал Российского
института культурологии,
г. Омск

О.В. Петренко, канд. ист. наук,
Сибирский филиал Российского
института культурологии,
г. Омск

ПАМЯТИ

Михаила Макаровича Ефимкина
(19 февраля 1947 – 27 октября 2012)

27 октября 2012 г. Институт истории СО РАН понес невосполнимую утрату. В возрасте 65 лет после продолжительной и тяжелой болезни ушел из жизни известный сибирский ученый, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, профессор Михаил Макарович Ефимкин.

Михаил Макарович родился 19 февраля 1947 г. в д. Ракиты Черепановского района Новосибирской области. Трудовую деятельность начал рано в строительных и научно-производственных организациях Академгородка. Много сил отдавал учебе, окончив школу рабочей молодежи. Затем поступил на историко-филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Учебу сочетал с активной трудовой и общественной деятельностью в комсомольских и профсоюзных организациях, в летнее время работал на сооружении различных объектов в составе студенческих строительных отрядов. В частности, принял активное участие в строительстве Волжского автомобильного завода в г. Тольятти. Энергичность, организаторские способности и высокая ответственность за порученные дела были отмечены Новосибирским обкомом ВЛКСМ, и будущий ученый становится комиссаром областного студенческого отряда.

Вскоре стремление к глубоким историческим изысканиям привели М.М. Ефимкина в Институт истории, филологии и философии СО АН СССР. В 1974 г.

он становится младшим научным сотрудником института, последовательно пройдя путь до главного научного сотрудника. В 1977 г. защищает кандидатскую диссертацию. Сибирский отряд рабочего класса на долгие годы станет для ученого основным объектом исследования. Михаил Макарович успел проявить себя не только на научной стезе, спортивные увлечения позволили ему долгие годы защищать честь СО АН СССР и г. Новосибирска в соревнованиях по волейболу.

В условиях, когда важнейшие сведения, касающиеся социального развития советского общества, были засекречены, Михаил Макарович, проявив настойчивость и изобретательность, все же сумел получить в свое распоряжение содержательную и обобщающую информацию. Она легла в основу объективного изучения социального развития рабочих, количественных и качественных изменений в их составе. Все эти процессы автор показал в тесной взаимосвязи с демографической обстановкой в регионе и Российской Федерации в целом, отразив их в своих монографиях «Источники и формы пополнения рабочих Западной Сибири в условиях развитого социализма» (Новосибирск, 1979), «Социальное развитие рабочего класса Сибири. 1959–1980 гг.» (Новосибирск, 1989), «Рабочие Сибири. Конец 50-х – середина 80-х годов» (Новосибирск, 1990), в коллективных монографиях «Рабочий класс Сибири. 1961–1980 гг.» (Новосибирск, 1986), «Кузница степных кораблей (История Новосибирского производственного объединения «Сибсельмаш»)» (М., 1983) и нескольких десятках статей. Его труды характеризовались широтой научного кругозора и глубиной научно-теоретических разработок. В своих исследованиях Михаил Макарович смог детально с использованием современных методов исторического и социологического анализа осветить ключевые проблемы развития сибирского отряда рабочего класса в послевоенный период и дать им объективную оценку.

В 1989 г. М.М. Ефимкин успешно защитил докторскую диссертацию. С 1992 по 2004 г. совмещает свою работу в институте с преподавательской деятельностью в Сибирском государственном университете путей сообщения. По отзывам коллег и студентов, был справедливым и отзывчивым человеком. В 1995 г. получает аттестат профессора. Им были подготовлены такие учебные пособия, как «Россия: особенности исторического пути» (Новосибирск, 2003), «Влияние глобальных цивилизационных факторов на темпы исторического развития России» (Новосибирск, 2004).

После защиты докторской диссертации Михаил Макарович стал активно работать над проблемами социальной демографии населения восточных районов Российской Федерации, позднее занявшись изучением истории малой родины – Новосибирской области, что

нашло отражение в многотомнике «История промышленности Новосибирска» (Новосибирск, 2004–2005) и коллективной монографии «Трансформационные процессы в социально-индустриальной структуре Новосибирской области в XX столетии» (Новосибирск, 2006).

М.М. Ефимкин принял активное участие в подготовке статей для трехтомной «Исторической энциклопедии Сибири», вышедшей в свет в 2009 г. До последнего момента, несмотря на тяжелую болезнь, продолжал оставаться руководителем одного из разделов планируемой к выпуску четырехтомной «Истории Сибири». Внес существенный вклад в деятельность Диссертационного совета Института истории СО РАН. Заслуги ученого в исследовании восточных районов России отмечены в ведущих центральных научных изданиях, таких, например, как «Вестник аналитики». Весь немалый, накопленный за многие годы научно-исследовательской деятельности опыт изучения социальной, индустриальной и демографической структур Сибири был обобщен им в монографии «Сибирская Россия. Социально-индустриальная адаптация» (Новосибирск, 2009).

М.М. Ефимкин являлся автором более 100 публикаций, в том числе 11 монографий (из которых 5 подготовил индивидуально). Его авторитет стал общепризнанным в области изучения отечественной истории XX в., истории сибирского отряда рабочего класса, при исследовании проблем социальной стратификации общества, процессов народонаселения, социально-демографической государственной политики.

Михаил Макарович был незаурядным человеком, великолепным организатором, обладавшим огромным трудолюбием и высокой ответственностью за порученное дело, отличавшимся честностью и открытостью в общении с коллегами. Немалый жизненный опыт помогал ему правильно ставить научные и практические задачи и находить оптимальные пути для их разрешения. При этом его чувство юмора всегда способствовало развитию рабочей и дружеской атмосферы в коллективе. Благодаря своим личным и деловым качествам М.М. Ефимкин заслужил всеобщее уважение и авторитет среди сотрудников института.

Михаил Макарович останется для нас яркой и неординарной личностью. Светлая память об этом мужественном человеке, талантливом исследователе, мудром наставнике навсегда сохранится в сердцах его учеников, друзей и коллег.

Друзья и коллеги

Russian Academy of Sciences
Siberian Branch
HUMANITARIAN SCIENCES IN SIBERIA

N 4, 2012 г.

CONTENTS

HISTORICAL DEMOGRAPHY

Isupov V.A. Historical Demography in Siberia: Problems of Historiography	3
Yefimkin M.M. Demographic Vector of Siberia: in Retrospective and in the Modern Period	8
Zverev V.A. The Population of the Far East in 1895–1914: Dynamics of Natural Reproduction	13
Goncharov Y.M., Faronov V.N. Family Size of Workers in Western Siberia in the First Quarter of the XX Century	19
Zabolotskaya K.A., Belkov A.V. Demographic Trends in the Industrial Kuzbass (Late XIX – Early XXI Centuries)	22
Burmatov A.A. Demographic Consequences of Famine at the Beginning of the 1930s in Western Siberia	26
Sivtseva S.I. All-Union Population Censuses in 1937 and 1939 in Yakutia	30
Korobeynikova N. Fertility Dynamics in the Urban Settlements of Western Siberia in 1939-1945	34
Kuznetsova Y.A. Family and Marriage Relations in the Republic of Buryatia in the 1970s – 1980s	38

PROBLEMS OF HISTORY

Elert A. Kh. Journey to the North-East of Siberia as a Turning Point in G.F. Mueller's Expedition Activities	44
Tatarnikova A.I. Network of Rural Settlements in Siberia in the XIX Century: Typical Structure, Number of Inhabitants and Size.	48
Konev A.Yu. Social Status of the Indigenous Peoples (“Inorodtsy”) in North Western Siberia (XIX – Early XX Centuries) from their Own Perspective	52
Matkhanova N.P. New Sources on the Inspection of Eastern Siberia by the Senator I.N. Tolstoy (a Diary by V.D. Philosophov and Letters of N.M. Golitsyn)	56
Dolgolyuk A.A. Advanced Training of Engineers and Office Workers in the Siberian Construction Industry during the First Postwar Decade	62
Nekrasov V.L. Chairman of the State Planning Committee (Gosplan) in the System of Top Political Leadership (1955-1964)	66
Stryukova E.P. Models of Automated Control Systems in the USSR in the 1950s-1980s	70
Karpunina I.B., Melentyeva A.P. “Program - 130”: Plans and Their Implementation	73
Lizunova I.V. Structural Transformation of the Publishing Industry in Siberia and the Far East in the 1990s	78

REPORTS, SCIENTIFIC LIFE

Shaydurov V.N. On the Peculiarities of the Jewish Population Formation in Siberia in the First Half of the XIX Century	82
Druganova, M.S. Citizen’s Appeals to the Municipal Bodies of the Tobolsk Governorate during World War I	86
Alshevskaya O.N. «Academkniga» and its Successors: Problems of Scientific Literature Promotion on the Siberian Book Market.	89
Lamin V.A., Shelegina O.N. The Open Archive of the SB RAS as an Electronic System for Scientific Heritage Storage	92
Ryzhenko V.G., Petrenko O.V. The New Stage of the Science Communication Project “Culture and Intelligentsia in Russia” (Omsk, October 16–18, 2012)	95
Vnukovich Yu.I. Rec. ad op.: Ye.F.Fursova, A.V. Titovets, A.A. Lyutsidarskaya et al. Belorussians in Siberia: Preservation and Transformations of Ethnic Culture (Ye.F. Fursova, A.V. Titovets, A.A. Lyutsidarskaya et al. Belorusy v Sibiri: sokhraneniye i transformatsii etnicheskoi kultury). Novosibirsk: Publishing House of the Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS, 2011. – 424 p.	97
Golubkova O.V. Rec. ad op.: M.A. Ovcharova. The Mordovians in the Altai Region: History and Ethnocultural Processes (XIX – early XXI centuries) (M.A. Ovcharova. Mordva Altaya: istoriya i etnokulturnye protsessy (XIX – nachalo XXI vv.)). Novosibirsk: Publishing House of Institute of Archeology and Ethnography of SB RAS, 2010. – 228 p.	98
In Memoriam of M.M. Yefimkin	98

SUMMARY

Isupov V.A. Historical Demography in Siberia: Problems of Historiography

The article studies main trends in formation and development of a new research area in historical science of Siberia – historical demography. The author reveals the role and significance of historical facts in the demographic process, formulates main objectives of historical demography at the present stage of scientific development.

Key words: population, reproduction, fertility, mortality, migrations, urbanization.

Yefimkin M.M. Demographic Vector of Siberia: in Retrospective and in the Modern Period

The paper considers dynamics of demographic processes in the Eastern Parts of Russia (Ural, Siberia, Far East) under the circumstances of overall political and socioeconomic transformations in the XX century. The author characterizes the impact of the two world wars, resettlement policies of P.A.Stolypin, economic and demographic policies of the Soviet government in different periods of history on the formation and controversial development of demographic potential of the eastern regions. The author proves the high importance of the strategy of “population preservation and upsurge” for the Asiatic Russia, whose geopolitical role cannot be overestimated.

Key words: demographic policy, demographic dynamics, regional demographic system, reproduction of population,

Zverev V.A. The Population of the Far East in 1895–1914: Dynamics of Natural Reproduction

For the first time in historiography the author calculates and explains the general rates of natural population dynamics (birthrate, death rate, increase) in the Amur, Maritime and Yakut Regions, and also on the Sakhalin Isle at the turn of the XIX–XX centuries. The rates were combined into the dynamical lines, differentiated between urban and rural settlements. Some specific situations have been marked for several distinctive local and social groups: the Amur and Ussuri Cossacs, old timers and resettlers etc.

Key words: historical demography of the region, natural population dynamics, demographic rates, urban population, rural population, birthrate, death rate, natural increase, Far East, Priamurye, Prymorye, Yakutia, Sakhalin.

Goncharov Y.M., Faronov V.N. Family Size of Workers in Western Siberia in the First Quarter of the XX Century

The paper describes changes in family size and number of children among the workers in Western Siberia in the first quarter of the XX century. At the beginning of the century there was a tendency of reduction in family size among the workers, replaced in the 1920s by a temporary tendency of growth. A tendency of

reduction in the average number of children is also noted. This is explained by gradual decrease in economic need for having a large family so far as the workers became less dependent on agriculture. Other reasons were the increasing involvement of women in industry, low level of capitalism development in Siberia and, as a result, low demand for the cheap child labor.

Key words: Siberia, workers, family, demography, family size, children.

Zabolotskaya K.A., Belkov A.V. Demographic Trends in the Industrial Kuzbass (in the Late XIX – Early XX Centuries)

The paper analyzes main factors that determined the population dynamics in the Kuzbass in the turn of the XIX–XXI centuries. Based on these data the author formulates the dominant trends of demographic development in the region: high rates of population growth as a result of active urbanization process; changing demographic structure and fertility as long-term effects of the Great Patriotic War. Since the early 1990s the nationwide trend of population decline along with declining share of urban population has also become apparent.

Key words: population, natural reproduction, birth rate, death rate, migration, urbanization.

Burmatov A.A. Demographic Consequences of Famine at the Beginning of the 1930s in Western Siberia

On the basis of archival materials the article analyzes reliability of statistical sources; considers demographic consequences of famine at the beginning of the 1930s in Western Siberia. The author compares his findings with data related to other territories of the USSR.

Key words: Western Siberia, population, birth rate, hunger, demographic losses, mortality.

Sivtseva S.I. All-Union Population Censuses in 1937 and 1939 in Yakutia

The article based on the archival data of 1937–1940 determines the population size and structure in Yakutia (including the “special contingents”: prisoners and servicemen). The author analyzes materials of the 1937 and 1939 population censuses, specifics of census work performed by the statisticians and NKVD officers.

Key words: All-Union population census of 1937, All-Union population census of 1939, “special contingents”.

Korobeynikova N. Fertility Dynamics in the Urban Settlements of Western Siberia in 1939–1945

The article is devoted to studying the impact of endogenous and exogenous factors on the quantitative dynamics of natality during wartime. The author has calculated the coefficient of

correlation between the war realities, social processes and birth rate as well as deficit of births. Besides she demonstrates various indicators of natality including the dynamics of mortality and abortions for social reasons; shows the effect of qualitative changes of the parental generation on the birth rate.

Key words: natality, deficit of births, the qualitative dynamics of natality, cyclicality.

Kuznetsova Y.A. Family and Marriage Relations in the Republic of Buryatia in the 1970s – 1980s

The article describes the conditions, factors and trends in family and marriage relations in the 1970s- 1980 s in the Republic of Buryatia, one of the largest multinational regions of Eastern Siberia. Among the determining factors in the development of population of the Republic in this period was intense industrial and transport development of its remote northern areas and the construction of the BAM. This led to large-scale migration of young people and a qualitative change in the population by sex and age, which was reflected in the structure of the family relations. The article analyzes dynamics of demographic development of the country, and reveals general and specific features of development of the family relations in the region.

Key words: demographic process, family, marriage, Siberia, Republic of Buryatia, the age and sex structure, migration

Elert A. Kh. Journey to the North-East of Siberia as a Turning Point in G.F. Mueller's Expedition Activities

The paper studies expedition activities of Academician G.F. Mueller during his stay in the North-Eastern part of Siberia in 1736-1737. The author defines this period of G.F. Mueller's life as a turning point in his scientific biography due to the fact that this was the time when G.F. Mueller started his most significant comprehensive studies of Siberia (works on the history of Russian geographical discoveries, history of various regions' annexation and development by the Russians, Sino-Russian relations, ethnography etc.). Realization of these research projects during the expedition and after its completion made him a European celebrity and won him glory of the "father of Siberian historiography".

Key words: G.F. Mueller, the Second Kamchatka expedition, North-Eastern Siberia, geography, history, ethnography.

Tatarnikova A.I. Network of Rural Settlements in Siberia in the XIX Century: Typical Structure, Number of Inhabitants and Size

The article following the concrete historical approach characterizes the typical structure, number of inhabitants and size of the network of rural settlements in Siberia in the late XIX century. Based on the analysis of mass statistics it shows a variety of types of rural settlements and their share in the total number of rural settlements of the region. The author determines the average size of settlements (the number of households and inhabitants) in each of the districts of Siberia.

Key words: village settlement, settlement networks, typical structure, the system of settling.

Konev A. Yu. Social Status of the Indigenous Peoples ("Inorodtsy") in North Western Siberia (XIX – Early XX Centuries) from their Own Perspective

The paper analyzes social self-determination of the autochthonic peoples in the North-Western Siberia in the course of M.M. Speransky's reform implementation. The research traces attitudes of these people towards their status prescribed by the authorities, its correlation with their own understanding of their role in the society. The article also describes constituent elements of these ethnic groups' social self-identification developed by the beginning of the XX century. For this purpose the author pays attention to the remaining local ethnic, confessional, territorial and administrative links and identities, which proved the process of inorodtsy's consolidation as an estate was incomplete in the region.

Key words: inorodtsy («aliens»), estate, identity, North-Western Siberia.

Matkhanova N.P. New Sources on the Inspection of Eastern Siberia by the Senator I.N. Tolstoy (a Diary by V.D. Philosophov and Letters of N.M. Golitsyn)

New sources on the history of Siberia in the XIX century – "The Diary" by V.D. Philosophov and letters of N.M. Golitsyn – are introduced into the scientific circulation. Both authors took part in the inspection of Eastern Siberia conducted by the senator I.N. Tolstoy in 1843-1845. The everyday life and business activities of the newly arrived officials, their attitudes to Siberian merchants and bureaucrats are shown.

Key words: senatorial inspections, power and society, V.D. Philosophov, N.M. Golitsyn, inspection by I.N. Tolstoy, sources on Siberian history.

Dolgolyuk A.A. Advanced Training of Engineers and Office Workers in the Siberian Construction Industry during the First Postwar Decade

The article analyzes forms of advanced training of engineers, technicians and office workers in the construction organizations of Siberia during the two postwar five-year plans. The author estimates scale and quality of training, compares it with systems of training that existed in foreign countries.

Key words: Siberia, construction workers, engineering and technical personnel, specialists, advanced training, retraining of the personnel.

Nekrasov V.L. Chairman of the State Planning Committee (Gosplan) in the System of Top Political Leadership (1955-1964)

The paper focuses on the issues related to the changing status of the Gosplan's Chairman in the top political leadership; factors that determined his political influence; problems of his loyalty to the leader of the country; level of professionalism of the heads of planning bodies; institutional characteristics of the heads of Gosplan and "images of planners". The author comes to conclusion that during N.S. Khrushchev's reign the State Planning Committee of the USSR lost its political influence and was entirely submitted to the Party machinery.

Key words: Chairman of State Planning Committee (Gosplan) of the USSR, N.S. Khrushchev, top political leadership, "images of the planners".

Strukova E.P. Models of Automated Control Systems in the USSR in the 1950s-1980s

The article considers problems of development of the standard projects of automated control systems (ACS); the necessity of their creation; elaboration of such projects; offers classification of standard solutions for ACS. The author pays special attention to the automated control systems for enterprises, features of typification of tasks solved by these systems and to the specifics of creation of standard projects. The author attempts to define the role and significance of standard projects for the automation process of management of the national economy of the USSR, reveals the failure causes of ACS.

Key words: automated control system, automated enterprise management system, process control, manufacturing automation, automation control.

Karpunina I.B., Melentyeva A.P. "Program - 130": Plans and Their Implementation

The paper introduces for scientific use "The Integrated Program for the Economically Weak Farms' Development in the Novosibirsk Region for the Years 1989-1993" which was made as a typical agricultural development program adopted in the 1980s. In the article preceding the text of the document the authors evaluate the socio-economic context of its adoption, analyze the contents of the Program, and describe the course and results of its realization.

Key words: projects of agricultural development, social development of the village, cities' patronage over rural areas, Siberia.

Lizunova, I.V. Structural Transformation of the Publishing Industry in Siberia and the Far East in the 1990s

The paper describes the process of formation of multipolar publishing system in Siberia and the Far East under the conditions of social and cultural transformations in the 1990s. The author describes main features of structural changes in regional publishing industry, demonstrates influence of crises on the process of updating the system of book publishing; considers activities of the leaders of the regional book industry such as the Publishing house of the Siberian Branch and «Dalnauka» of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; the high school publishing centers.

Key words: book industry, book publishing, publishing houses, transformation, Siberia, Far East.

Shaydurov V.N. On the Peculiarities of the Jewish Population Formation in Siberia in the First Half of the XIX Century

The article deals with the starting period of the Jewish community formation and development in Siberia. This period has not been thoroughly studied in historiography. The analysis

presented in the article is based on the archival data and elaborates on governmental policies of Alexander I and Nicholas I towards Jews living in Siberia as well as the consequences of the policies by the mid-nineteenth century.

Key words: Jewish community, the Jewish question, Siberia, migration.

Druganova M.S. Citizen's Appeals to the Municipal Bodies of the Tobolsk Governorate during World War I

The article is devoted to characterization and description of the citizen's appeals to the local municipal bodies of the Tobolsk Governorate during World War I. The author researched citizen's letters on the topics related to the circumstances of wartime. Scientific research has been carried out on the basis of materials from the State Archive of the Tyumen Region and The State Archive in Tobolsk. The author studied 68 letters and came to conclusion that the most popular writing topics were 1) financial aid to families of the mobilized men; 2) prohibition of the sale of alcoholic beverages; 3) location of prisoners of War at the territory of the region; 4) destabilization of the pricing policy.

Key words: citizen's appeals, the local government, World War I, mobilization, interdiction of selling alcohol, the prisoners of war.

Alshevskaya O.N. «Academkniga» and its Successors: Problems of Scientific Literature Promotion on the Siberian Book Market

The article deals with the reasons and circumstances for which the oldest bookselling company "Academkniga" specialized in scientific literature ceased to exist in several Siberian cities. The author describes how the niche of scientific book distribution in Novosibirsk was replaced by other booksellers: the literary shop «Capital» and the «Aristotle» group of companies. Furthermore, the paper analyzes experience of saving the store «Academkniga» in Tomsk where the book company was transformed into a separate division of the municipal institution «Museum of Tomsk».

Key words: book distribution, «Academkniga» literary shop «Capital», bookselling network «Aristotle».

Lamin V.A., Shelegina O.N. The Open Archive of the SB RAS as an Electronic System for Scientific Heritage Storage

The article presents the concept and first results of the "Open SB RAS Archive" integration project (2012-2014) sponsored by the SB RAS Presidium. The project is carried out by a number of the SB RAS scientific institutes specializing in humanities. The emphasis is placed on application of information technology to historical research and development of the historical factography technology.

Key words: informatization, historical factography, electronic archive.